

ПРАВО

№ 12.

1910 г.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРАВО“.

С.-Петербургъ, Владиміръскій просп. д. № 19. Телефонъ 41—61.

КОМИССІОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

Вышли изъ печати и поступили на складъ **новыя изданія:**

Проф. М. Я. ПЕРГАМЕНТЪ и прив. доц. баронъ А. Э. НОЛЬДЕ.

СВОДЪ МѢСТНЫХЪ ЗАКОНОВЪ западныхъ губерній.

I. Проектъ. II. Обзоръ историческихъ свѣдѣній о составленіи свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній. СПб. 1910 г. Стр. XII+448+35+64. Цѣна 5 р.

Баронъ А. М. НОЛЬКЕНЪ.

УСТАВЪ О ВЕКСЕЛЯХЪ.

Практическое руководство. ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ, пересмотр. и дополн. разъясненіями Правит. Сената. СПб. 1910 г. Стр. XII+320. Цѣна 1 р. 75 к. въ перепл.

Фюстель-де-Куланжъ.

Исторія общественнаго строя древней Франціи.

Томъ V. Начала феодальнаго строя. Перев. О. Н. Захарьиной, подъ ред. проф. И. М. Гревса.

СПБ. 1910 г. Стр. XXX+542. Цѣна 3 руб. 50 коп.

ИМѢЮТСЯ на СКЛАДѢ: Т. I. Римская Галлія. 1901 г. Ц. 3 р. Т. II. Германское вторженіе и конецъ Имперіи. 1904 г. Ц. 4 р. 50 к. Т. III. Франкская Монахія. 1907 г. Ц. 4 р. 50 к., въ перепл. 5 р. Т. IV. Аллоды и сельское помѣстье въ меровингскую эпоху. 1907 г. Ц. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р.

Проф. Н. А. Ивановскій.

Программа курсовъ государственнаго права.

Изданіе 4-ое, исправл. и дополн. СПб. 1910 г. Ц. 30 к.

Изданіе Н. Н. Ключкова.

Памятники законодательства Петра Великаго.

Подъ редакціей М. М. Богословскаго. М. 1910 г. Ц. 80 коп.

✦ Александровъ, Л. Я. Сенатская практика по городскимъ дѣламъ 1907—1908—1909 годы. Сборникъ извлеченій изъ указовъ Правительств. Сената. 1910 г. Ц. 1 р.

✦ Бельше, В. Весѣды о вселенной. Эпюды натуралиста. 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.

✦ Венгеровъ, С. А. Источники словаря русскихъ писателей. 1910 г. Ц. 4 р.

✦ Высоч. утв. Комиссія для выработки проекта правилъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенія. Мѣнія, рѣчи, предположенія и заключительныя засѣданія 7 и 8-го декабря 1909 г. 1910 г. Ц. 30 к.

✦ ЕЛЬЯШЕВИЧЪ, В. Б. Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ. 1910 г. Ц. 2 р. 50 к.

✦ Зайцевъ, Д. М. Государственное лѣсное хозяйство. 1910 г. Ц. 40 к.

✦ Клейнъ. Астрономическіе вечера. 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.

✦ КУЛИШЕРЪ, I. М. Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. Изданіе 2-ое, исправл. и дополн. 1910 г. 2 р. 50 к.

✦ Ладенбургъ, А. О вліяніи естественныхъ наукъ на міровоззрѣніе. 1910 г. Ц. 20 к.

✦ Ляшенко, П. И. Мукомольная промышленность Россіи и иностранныя потребительные рынки. Изд. 2-ое, испр. и дополн. 1910 г. Ц. 1 р.

✦ Лящено, П. И. Кооперативный кредитъ и его значеніе въ реализаціи урожая. 1909 г. Ц. 25 к.

✦ Малиновскій, Н. Библіотека начальной школы. 1910 г. Ц. 40 к.

✦ Штейнеръ, Р. Θεософія. 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.

✦ Милюковъ, П. Балканскій кризисъ и политика А. П. Извольскаго. 1910 г. Ц. 2 р.

✦ Процессъ адвокатовъ. Изъ судебной хроники XX столѣтія. 1910 г. Ц. 1 р.

✦ Святловскій, В. Очерки по исторіи политической экономіи. В. I. 1910 г. Ц. 1 р.

✦ Тахтамировъ, К. Кредитъ для земствъ и городовъ. Сборн. статей. 1910 г. Ц. 50 к.

✦ Юридическая Библіографія. № 2 (1-го октября 1909 г.). Ц. 40 к.

Заканчиваются печатаніемъ:

Лекціи по русскому государственному праву.

ПРИВ.-ДОЦ. Н. И. ЛАЗАРЕВСКАГО: томъ I. Конституціонное право. (Изданіе второе). Т. II. Административное право.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1910 г.

№ 12.

Воскресенье 21 Марта.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: профессора В. М. Гессена, И. В. Гессена, проф. А. Н. Каминка, В. Д. Набокова, профессоръ бар. Б. Э. Нольде, М. Я. Петражицкаго и Л. И. Петражицкаго.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Споръ „психологической теоріи права“ съ теоріей „внѣшнихъ императивовъ“. П. Е. Михайлова. 2) Коллизія новыхъ и старыхъ законовъ въ связи съ предстоящей реформой наследованія женщинъ. А. Гойхбарга. 3) Страхование жизни и наследственная пошлина. А. Н. Бутовскаго. 4) К. Н. Анненковъ. (Некрологъ). П. Кравцова. 5) Дѣйствія правительства. 6) Судебные отчеты. а) Екатеринбургскій окружный судъ (Оскорбленіе прис. пов. городского судьи). б) С.-Петербургскій окружный судъ (Объ отвѣтственности госуд. банка за принятый имъ на храненіе вкладъ). в) Иркутскій окружный судъ (Дѣло о побѣгѣ изъ тюрьмы). 7) Изъ иностранной юридической жизни. 8) Хроника. 9) С.-Петербургское юридическое общество. 10) Диспутъ Л. Я. Таубера въ харьковскомъ университетѣ. 11) Отвѣты редакціи. 12) Справочный отдѣлъ. 13) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ — 10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., въ остальныхъ случаяхъ — 20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірейскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Продолжается подписка на 1910 годъ.

При этомъ № г.г. подписчикамъ разсылается 2-й листъ рѣш. гражд. касс. деп. за 1909 г. (бесплатное приложеніе).

Споръ «психологической теоріи права» съ теоріей «внѣшнихъ императивовъ».

(Contra критики проф. Н. И. Паліенко).

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ проф. Л. И. Петражицкій впервые опубликовалъ свои «очерки по философіи права», развивая въ нихъ новыя идеи будущей «психологической теоріи права¹⁾». Уже эти первые зачатки теперешней, громкой по извѣстности, психологической теоріи проф. Петражицкаго

¹⁾ Собственно говоря, еще въ 1898 г. проф. Петражицкій началъ развивать свои идеи, публично прочтя докладъ въ Юридич. обществѣ на тему: „Что такое право“. Докладъ этотъ вызвалъ отрицательную критику г. Гогеля въ Журн. мин. юст. 1898 г., но критика эта такъ и осталась одинокой, если не считать рѣзкихъ выпадовъ В. М. Нечаева противъ пониманія права проф. Петражицкимъ (Журн. мин. юст. 1899 г. № 3). Въ первомъ номерѣ „Вѣстника Права“ (1899 г.) докладъ Л. И. Петражицкаго былъ напечатанъ подъ тѣмъ же названіемъ, а, затѣмъ, онъ цѣликомъ вошелъ и въ его „Очерки“.

обратили на себя вниманіе въ печати русскихъ ученыхъ юристовъ въ лицѣ такихъ корифеевъ нашей науки, какъ В. Н. Чичеринъ и кн. Е. Н. Трубецкой. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе всѣхъ десяти лѣтъ, проф. Петражицкій неустанно развивалъ свои идеи и въ рядѣ работъ создалъ и широко развернулъ новую «психологическую теорію права», основанную на ученіи о наблюдаемыхъ имъ особыхъ психическихъ переживаніяхъ sui generis — эмоціяхъ или импульсахъ, двойственнаго, пассивно-активнаго характера.

Нынѣ, врядъ ли какая другая теорія въ русской юриспруденціи обратила на себя столько вниманія, вызвала столько критикъ etc., какъ именно «психологическая теорія права» проф. Петражицкаго, о которой накопилась уже довольно обширная литература. Но до сихъ поръ эта критическая литература оставалась (почти) безъ отвѣта какъ со стороны самого автора, такъ и послѣдователей данной теоріи. А между тѣмъ одно важное обстоятельство (весьма неблагоприятное для новой теоріи) заставляетъ обратить серьезное вниманіе на эту критику, которая получаетъ широкую огласку. Дѣло въ томъ, что

большинство критиковъ обнаружило систематическое непониманіе новаго ученія проф. Петражицкаго и eo ipso проявило неточную передачу основныхъ, принципиальныхъ идей даннаго ученія, такъ что самая теорія проф. Петражицкаго въ передачѣ и толкованіи его критиковъ является далеко не подлинной.

Въ виду всего этого и является необходимымъ постараться проанализировать данныя критики и попутно показать ученіе Петражицкаго въ его истинномъ свѣтѣ и смыслѣ. Поэтому, прежде и важнѣе всего, является требованіе вскрыть у каждаго критика ту подпочву, проанализировать, выявить тѣ основанія, на которыхъ строятся данныя критическія возраженія. Въ виду такой задачи въ текстѣ не противопоставляются возражательнымъ примѣрамъ и аргументамъ критика противоположные по содержанію примѣры и т. под., а, просто, имѣется лишь обоснованное указаніе на неправильную исходную точку зрѣнія, гдѣ таковая имѣется. Ибо разъ будетъ вскрыто основное, фундаментальное неправильное пониманіе ученія проф. Петражицкаго, то eo ipso отпадаютъ уже и все самыя, казалось, страшныя возраженія, построенныя на такомъ непрочномъ фундаментѣ. Критика со стороны ученія о правѣ, какъ «внѣшнихъ императивовъ», особенно кажется намъ опроченной и неудачной въ своихъ основаніяхъ.

Приступая къ анализу данной критики Н. И. Палиенко¹⁾, какъ представителя теоріи «внѣшнихъ императивовъ», необходимо оговориться, что и она разсматривается, именно, съ точки зрѣнія ея основаній и, вообще, принципиальнаго пониманія «психологической теоріи права». На анализѣ данной критики рѣзче всего вскроются недоразумѣнія въ пониманіи ученія Петражицкаго, ибо это—критика положительнаго юриста-догматика, критика, не прикрытая никакими метафизическими и т. под. разсужденіями. Въ виду этого на ней лучше всего и остановиться въ первую голову.

I.

Самое главное, на что прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе въ критикѣ Н. И. Палиенко, заключается въ несогласіи критика съ проф. Петражицкимъ относительно пониманія этическихъ нормъ, вѣрнѣе, въ отрицаніи имъ психологической (проекционной) природы этическихъ нормъ согласно ученію проф. Петражицкаго.

Какъ извѣстно, ученіе Петражицкаго объ этическихъ нормахъ состоитъ въ слѣдующемъ. Открывъ въ нашей психикѣ особыя двойственныя, пассивно-активныя переживанія sui generis, проф. Петражицкій теоретически объединилъ ихъ въ одномъ классѣ эмоцій или импульсовъ²⁾. На теоріи эмоцій онъ построилъ и свою «психологическую теорію права». По этой теоріи этическія переживанія—правственные и правовыя—являются особыми нормативными

эмоціонально-интеллектуальными сочетаніями, эмоціональный элементъ которыхъ составляютъ такъ наз. эмоціи долга или этическія эмоціи¹⁾. Эти эмоціи или импульсы отличаются слѣдующими двумя характерными свойствами: 1) онѣ переживаются, какъ внутренняя помѣха свободѣ, какъ своеобразное препятствіе для свободнаго слѣдованія нашимъ склонностямъ и влеченіямъ, какъ твердое и неуклонное давленіе въ сторону того поведенія, съ представленіемъ коего сочетаются данныя эмоціи долга; и 2) онѣ имѣютъ своеобразный мистическо-авторитетный характеръ и противустоятъ нашимъ склонностямъ и влеченіямъ, какъ импульсы съ высшимъ ореоломъ и авторитетомъ, исходящіе, какъ бы, изъ невидимаго, отличнаго отъ нашего обыденнаго «я», таинственнаго, властнаго источника²⁾.

Кромѣ того, эмоціи или импульсы (моторныя возбужденія) вообще, возбуждаемыя въ насъ разными объектами (ихъ воспріятіями или представленіями), сообщаютъ соотвѣтственнымъ воспріятіямъ и представленіямъ особую окраску, какъ бы особыя свойства, такъ что самыя объекты представляются уже въ особомъ видѣ, какъ бы надѣленными особыми объективными свойствами и признаками, объективно присущими имъ по самой ихъ природѣ («вкусное, блюдо», «милый человѣкъ», «страшный звѣрь» и т. под.)³⁾. Это явленіе объективированія въ нашемъ сознаніи нашихъ собственныхъ интеллектуально-эмоціональных переживаній и называется проф. Петражицкій эмоціональною проекціею или фантазіею; а то, что безсознательно представляется намъ, какъ объективно, независимо отъ нашей психики, вѣдь ея существующимъ—эмоціональными фантазмами или идеологическими величинами. Соотвѣтствующую же точку зрѣнія—проекціонною или идеологическою точкою зрѣнія⁴⁾.

¹⁾ Его же, Теорія права, I, стр. 26—27.

²⁾ Теорія права, I, стр. 30—33.

³⁾ Такъ—иллюстрируетъ данное приложеніе проф. Петражицкій—тотъ, по чьему адресу кто-либо переживаетъ эмоціи любви, является для этого послѣдняго «милымъ», «дорогимъ», а въ случаѣ исчезновенія любви и замѣны ея склонностью къ репульсивнымъ переживаніямъ «милый» превращается въ «постылаго» и т. под. Но въ обоихъ случаяхъ, сколько бы мы ни приглядывались къ этому, сначала, «милому», а затѣмъ, вдругъ «постылому» субъекту, сколько бы мы ни старались отыскать въ немъ объективно присущія ему свойства «милаго», «постылаго» etc.,—все наши труды были бы напрасны, мы не нашли бы ни въ немъ, ни на немъ никакихъ слѣдовъ, соотвѣтствующихъ качествамъ данныхъ эпитетовъ, ибо искали бы не въ надлежащей области, такъ какъ эти качества (которыя въ данномъ случаѣ приписываются «милому» и «постылому» субъекту) суть, просто, извѣстныя отраженія нашихъ психическихъ переживаній, продукты нашей собственной психики, нашего психическаго отношенія къ данному субъекту. Только внимательно анализируя нашу психику, мы ясно различили бы, что эти качества и свойства «милаго», «постылаго» etc. безсознательно приписываются нашей эмоціональной психикой тому субъекту, о которомъ мы говоримъ, который для насъ «милый», «постылый» и т. под. Объективно же реального на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не имѣется у субъекта нашей любви, ненависти и проч.

⁴⁾ Теорія права, I, стр. 33—35.

¹⁾ См. его: Новая психологическая теорія права, Ярославль. 1900 г. и Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства. Харьковъ 1908.

²⁾ См. Петражицкій, Введеніе въ изученіе права и правственности. Эмоціональная психологія 1905.

«И вотъ, ничто иное, какъ продукты эмоціональной проекціи, эмоціональныя фантазмы представляютъ и тѣ категорическія велѣнія съ высшимъ авторитетомъ, которыя въ случаѣ этическихъ переживаній представляются объективно существующими и обращенными къ тѣмъ или инымъ субъектамъ, а равно и тѣ особыя состоянія связанности, обязанности, несвободы и подчиненности, которыя приписываются тѣмъ (представляемымъ) субъектамъ, коимъ (представляемые) этическіе законы повелѣваютъ или запрещаютъ извѣстное поведение. Реально существуютъ только переживанія этическихъ моторныхъ возбужденій въ связи съ представленіями извѣстнаго поведения etc. «Въ силу же эмоціональной проекціи переживающему такіе процессы кажется, что гдѣ-то, какъ бы въ высшемъ пространствѣ надъ людьми, имѣется и царствуетъ соотвѣтственное категорическое и строгое велѣніе или запрещеніе, напр., запретъ лжи; а тѣ, къ коимъ такія велѣнія и запрещенія представляются обращенными, находятся въ особомъ состояніи связанности, обязанности». (Теорія права, I стр. 37—38).

На этой почвѣ происходитъ, какъ бы, овеществленіе, матеріализація этического долга, какъ, напр., говорятъ: «на немъ лежитъ тяжелый долгъ» и т. под.

Отсюда слѣдуетъ, что такъ наз. императивы, императивныя нормы вовсе не означаютъ, что кто-то кому-то что-то велитъ, что какая-то «воля» обращается къ другой «волѣ» и т. под. Онѣ означаютъ проекціи, въ основѣ коихъ лежатъ, охарактеризованныя выше, моторныя возбужденія или эмоціи. (Теорія права, стр. 40). Итакъ, слѣдовательно, императивы, нормы — не болѣе, какъ отраженія, проекціи эмоціональной психики. Такого ученіе проф. Петражицкаго.

Проф. Паліенко не хочетъ примириться съ этимъ, такъ какъ «въ настоящее время пониманіе права, какъ своеобразныхъ (?) нормъ или императивовъ, является безусловно господствующимъ»¹⁾. А «проектированіе этихъ нормъ, какъ велѣній, является не созданіемъ фантазмовъ, а синтезомъ опредѣленныхъ (?) нормативныхъ явленій соціальной жизни»²⁾. Конечно, эта послѣдняя фраза нисколько не колеблетъ выводовъ проф. Петражицкаго и обнаруживаетъ только, развѣ, безсиліе критики г. Паліенко. Ибо, чтобы поколебать и тѣмъ болѣе разрушить, уничтожить данное ученіе проф. Петражицкаго, нужно не простое отрицаніе, а психологическій анализъ его ученія. А между тѣмъ, всѣ разговоры г. Паліенко о нормахъ дальше простыхъ, голыхъ утвержденій такъ и не идутъ. Изъ всѣхъ его разсужденій не видно, все-таки, что же такое нормы, кромѣ того, что онѣ суть «объективное право»? Сказать, что онѣ не «фантазмы», а какой-то «синтезъ» еще не достаточно для научной критики. Чтобы быть въ состояніи правомѣрно отвергнуть ученіе о нормахъ, какъ эмо-

ціональныхъ проекціяхъ, необходимо разбить и отвергнуть самое ученіе объ эмоціяхъ и ихъ проекціонныя свойства, ибо эмоціи являются источникомъ проекцій, ихъ психическою причиною. Только разрушивъ эту теорію, eo ipso можно разрушить и ученіе о нормахъ, какъ эмоціональныхъ проекціяхъ. Проф. Паліенко отнюдь не сдѣлалъ этого, открыто говоря: «не считая себя компетентнымъ для рѣшенія этого научно-психологическаго вопроса, мы не входимъ въ разсмотрѣніе теоріи эмоцій»¹⁾. Но въ такомъ случаѣ онъ eo ipso уже не могъ и критиковать проекціонный характеръ нормъ, такъ какъ не провѣрилъ его научно-психологическимъ методомъ (интроспекціи), рекомендуемымъ проф. Петражицкимъ. И странно, послѣ этого, какъ все-таки могъ г. Паліенко отвергнуть нормы, какъ проекціи, т. е. отраженія, слѣдствія данныхъ нормативныхъ эмоцій, которыя, служа источникомъ, причиною самихъ проекцій, остаются по некомпетентности въ нихъ критика безъ разсмотрѣнія? Такой дефектъ критики объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что проф. Паліенко не достаточно вдумался и eo ipso понялъ «психологическую теорію права», а скользитъ только по поверхности (что въ нижеслѣдующемъ текстѣ вскрыется еще нагляднѣе²⁾).

Въ немъ, несомнѣнно, сказалась привычная наивно-реалистическая точка зрѣнія, по которой нормы — это «внѣшніе императивы», «властныя велѣнія внѣшняго земного авторитета», «приказы внѣшней авторитетной воли» etc.³⁾. Но возраженія и нападки на «психологическую теорію права», основанныя на привычкахъ называнія и авторитетѣ «безусловно-господствующаго» мнѣнія, а не на тонкомъ психологическомъ анализѣ правовыхъ переживаній, бьютъ «холоднымъ» зарядомъ, не достигая самой цѣли. «Некомпетентность» критика въ эмоціональномъ ученіи проф. Петражицкаго лишаетъ всякой силы его критику, направленную и на эмоціональную теорію права, ибо ученіе о правѣ проф. Петражицкаго основано всецѣло на его ученіи объ эмоціяхъ.

¹⁾ О существѣ права, стр. 222 прим. 1.

²⁾ Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, утвержденіе проф. Паліенко о нормахъ, какъ императивахъ, самостоятельно существующихъ, независимо отъ эмоціональныхъ переживаній, логически неправомѣрно, разъ онъ не опровергнулъ самую теорію эмоцій проф. Петражицкаго. Ибо, по ученію «психологической теоріи права», нормы суть проекціи эмоціональныхъ переживаній и не могутъ существовать независимо отъ нихъ, подобно тому, какъ въ геометріи и проекціонномъ черченіи т. наз. проекціи линій не существуютъ мысленно, независимо отъ самихъ линій, являясь лишь ихъ отраженіемъ, тѣнью, слѣдствіемъ. Было бы логически неправомѣрнымъ, не опровергнувъ соотвѣтственныхъ аксіомъ и теоремъ геометріи, утверждать, что проекціи, проекціонныя линіи не суть проекціи геометрическихъ линій, а самостоятельныя, независимыя линіи, равноправныя съ этими послѣдними. А между тѣмъ, утвержденіе почтеннаго критика совершенно тождественно съ подобнымъ утвержденіемъ.

³⁾ Новая психологическая теорія права, стр. 27. Ср. также вступительную лекцію Н. И. Паліенко: Предметъ, задачи... и идея права, стр. 11. Ярослав. 1900; и Ученіе о существѣ права, стр. 213.

¹⁾ Ученіе о существѣ права, стр. 216.

²⁾ Ibidem, стр. 218.

Какъ же относится критикъ къ самому опредѣленію права, къ самому пониманію его проф. Петражицкимъ?

Какъ извѣстно, проф. Петражицкій учитъ, что право есть этическое, интеллектуально-эмоціональное переживание, эмоціи котораго имѣютъ атрибутивный характеръ, или, просто, право есть психическое, императивно-атрибутивное переживание. (Теорія права, I. стр. 83 и др.). По данному ученію существенный признакъ права заключается въ атрибутивности и соотвѣтственныхъ переживаній, т. е. въ психическомъ закрѣпленіи нашихъ обязанностей за управомоченными.

Проф. Палиенко не соглашается съ даннымъ мнѣніемъ Петражицкаго. «Закрѣпленность обязанности за другимъ и, слѣдовательно, атрибутивность нормативныхъ переживаній свойственна не только праву, но и всѣмъ вообще этическимъ нормамъ, опредѣляющимъ взаимоотношенія субъектовъ.»

«Отличительный признакъ правовой нормы заключается... не въ атрибутивности, т. к. это общій признакъ нормъ долженствованія». Таковы утверждения проф. Палиенко ¹⁾. Въ чемъ заключается существенный, отличительный признакъ права и eo ipso правовыхъ нормъ по мнѣнію критика, будетъ указано дальше, теперь же посмотримъ, чѣмъ аргументируетъ свое утверждение Н. И. Палиенко.

«Примѣняя психологическій методъ проф. Петражицкаго—говоритъ онъ—мы можемъ утверждать, что такъ же сознаемъ закрѣпленность нравственныхъ обязанностей за другими лицами, какъ и въ случаѣ юридическихъ обязанностей, а равно обоснованность требованія ихъ исполненія. Неисполненіе нравственной нормы можетъ вызвать такую же реакцію оскорбленнаго (нравственнаго) чувства, какъ и въ случаѣ нарушенія юридическихъ обязанностей. Всѣ признаки атрибутивной функціи нравственной нормы здѣсь налицо ²⁾. Итакъ, нравственные переживания также атрибутивны, какъ и правовыя.

Великолѣпные примѣры нравственныхъ переживаній и eo ipso нормъ приводитъ Петражицкій въ своихъ трудахъ. Высокое нравственное ученіе Христа служить ему основнымъ базисомъ въ ученіи о нравственной этикѣ. Нравственная норма, гласящая: «ударившему тебя въ правую щеку, подставь и другую», или «взявшему отъ тебя верхнюю одежду, отдай и послѣднюю рубаху»,—такія нормы, будь онѣ атрибутивны, дѣлали бы совершенно невозможной мирную социальную жизнь. Ибо субъектъ, притязавшій

на ударъ въ другую щеку и требующій послѣднюю рубашку, при малѣйшемъ несогласіи на это со стороны обязаннаго, оскорблялся бы, т. е. переживалъ бы «такую же реакцію оскорбленнаго (нравственнаго) чувства, какъ и въ случаѣ нарушенія юридическихъ обязанностей», какъ увѣряетъ проф. Палиенко. А мы знаемъ послѣдствія реакціи оскорбленной правовой психики, послѣдствія, доходящія до кровопролитія... Неужели этика Христа учитъ о такой природѣ заповѣдей, которая ведетъ къ кровопролитію? Надо надѣяться, что критикъ не станетъ утверждать этого.

Такую же критику противъ классификаціи проф. Петражицкаго выдвинулъ еще раньше проф. Е. Н. Трубецкой, говоря, между прочимъ, что «трудно найти хотя бы одну нравственную норму, которая бы не была императивно-атрибутивной» ¹⁾. Проф. Петражицкій уже отчасти отвѣтилъ на такую критику ²⁾.

Съ критикой Н. И. Палиенко отвѣтъ проф. Петражицкаго находится въ самой тѣсной связи. И къ данному критику приложимы два предположенія (указанныя проф. Петражицкимъ): 1) или у него гипертрофія правовой, притязательной психики; 2) или онъ не примѣнялъ, или не сумѣлъ должнымъ образомъ примѣнить психологическій методъ самонаблюденія и eo ipso не повялъ теоріи Петражицкаго, ибо ознакомленіе съ психическими процессами разныхъ родовъ и видовъ не можетъ быть достигнуто съ чужихъ словъ безъ соотвѣтственнаго самопознанія, безъ интроспективнаго познанія ³⁾. Разъ Н. И. Палиенко самъ утверждаетъ, что онъ пользовался

¹⁾ «Вопр. филос. и психол.» 1901. кн. 57 Стр. 14. ср. его-же: «Энциклопедія права».

²⁾ По поводу этого разногласія возникаетъ дилемма:

³⁾ Или почтенный критикъ провѣрялъ путемъ надлежащаго психологическаго метода (самонаблюденія, ср. «Очерки», стр. 51) существованіе констатированныхъ мною двухъ разновидностей этическихъ переживаній, но убѣдился только въ существованіи императивно-атрибутивныхъ переживаній потому, что онъ дѣйствительно переживаетъ только такіе акты этического сознанія, а чисто-императивное, безпритязательное сознаніе долга въ самомъ дѣлѣ чуждо его психикѣ;

²⁾ или онъ не примѣнялъ совсѣмъ; или не примѣнялъ надлежащимъ и успѣшнымъ образомъ (м. б., вслѣдствіе непривычки къ психологическимъ изслѣдованіямъ) того приѣма изслѣдованія, который былъ необходимъ для основательнаго рѣшенія вопроса. (О мотивахъ человѣческихъ поступковъ, 1904. стр. 27—28 примѣч. Ср. еще: Теорія права, I. стр. 47—48 примѣч.).

Не предполагая «аномаліи» въ психикѣ проф. Трубецкаго, «состоящей въ гипертрофіи правовой, притязательной психики и въ атрофіи безпритязательной, нравственной психики», проф. Петражицкій предположилъ второе, что наглядно и подтвердилось на иллюстраціяхъ проф. Трубецкаго. «Почтенный критикъ, къ сожалѣнію,—заключаетъ проф. Петражицкій,—не извлекъ изъ содержанія разбираемой имъ книги и изъ тѣхъ данныхъ (внутренняго опыта), на которыхъ тамъ указывается.. понятій „обязанности“ и „императивной“ и „атрибутивной“ природы нѣкоторыхъ переживаній, въ результатъ чего, естественно, и обнаружилось разногласіе, основанное на неправильномъ пониманіи критикомъ ученія Петражицкаго. (Ibidem.).

²⁾ Петражицкій, Теорія права, I. стр. 71 примѣч. 1.

¹⁾ О существѣ права, стр. 273. и Новая психолог. теорія, стр. 16 и 22.

²⁾ Новая теорія, стр. 17—18. «Такой, именно, атрибутивный характеръ имѣетъ, по нашему мнѣнію, особенно альтруистическая мораль,—указываетъ критикъ въ другомъ мѣстѣ и продолжаетъ далѣе. Чѣмъ развитѣе и интенсивнѣе нравственное чувство и сознаніе нравственныхъ обязанностей по отношенію къ другимъ, тѣмъ ярче въ психикѣ обязаннаго проявляется переживаніе атрибутивности, закрѣпленности его долженствованія, тѣмъ болѣе онъ сознаетъ, что оказываетъ не милость, не снисхожденіе другимъ лицамъ, а выполняетъ то, что имъ присвоилъ нравственный законъ.» (О существѣ права, стр. 273—74.).

«психологическимъ методомъ проф. Петражицкаго» и въ то же время говорить, что и правовыя, и нравственныя, и этическія нормы и переживанія атрибутивны¹⁾, то его, именно, можно заподозрить въ гипертрофіи правовой, атрибутивной психики, при которой онъ, переживая какое нибудь правовое явление, по привычкѣ называнія относитъ его къ нравственности и рѣшаетъ, что и нравственность—атрибутивна²⁾. Но вѣроятнѣе всего, въ концѣ концовъ, дѣло объясняется просто недоразумѣніемъ въ пониманіи самаго ученія Петражицкаго.

Дѣйствительно, это и наблюдается самымъ явнымъ образомъ въ критикѣ проф. Паліенко.

Чтобы понять классификацію этическихъ явленій по ученію проф. Петражицкаго, нужно предварительно, опять-таки, понять его ученіе объ эмоціяхъ и ихъ характерныхъ свойствахъ. Безъ этого основного пониманія не можетъ быть, разумѣется, правильнаго пониманія и данной его классификаціи. Между тѣмъ, критикъ обнаружилъ наглядное непониманіе ученія объ эмоціяхъ проф. Петражицкаго. Такъ, желая передать ученіе послѣдняго объ эмоціяхъ, лежащихъ въ основаніи правовыхъ и нравственныхъ переживаній, г. Паліенко пишетъ. «Тѣ этическія переживанія, т. е. переживанія долженствованія въ поведеніи субъекта, въ основѣ коихъ лежатъ лишь одностороннія, пассивныя эмоціи, чисто императивно-моторныя возбужденія или импульсы, не имѣютъ въ своемъ интеллектуальномъ составѣ никакихъ представленій и проекцій закрѣпленности долженствованія за другимъ, не надѣляютъ этого другого притязаніемъ. Такія переживанія... проф. Петражицкій... относитъ къ нравственности. Тѣ же этическія переживанія,—продолжаетъ критикъ,—кои основаны на констатируемыхъ этимъ ученымъ, эмоціяхъ двустороннихъ, активно-пассивныхъ, императивно-атрибутивного характера, имѣютъ въ своемъ составѣ представленія закрѣпленности обязанности за другимъ, проектируютъ притязанія и субъектовъ притязаній. Такія переживанія и нормы—являются правомъ³⁾».

Такая передача критикомъ мыслей проф. Петражицкаго многихъ введетъ въ заблужденіе, а самому ихъ автору оказываетъ весьма сомнительную услугу. Изъ нижеслѣдующаго текста будетъ видно, о чемъ и какъ говорить въ данномъ случаѣ проф. Петражицкій, теперь же слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о пониманіи проф. Паліенко эмоціональнаго ученія Петражицкаго.

Итакъ, почтенный критикъ представляетъ себѣ дѣло въ слѣдующемъ видѣ. Есть эмоціи или импульсы (моторныя возбужденія) «одностороннія» «пассивныя», и тогда онѣ будутъ «императивно-моторныя возбужденія», а есть также и другія эмоціи — «двустороннія», «активно-пассивныя» и тогда это будутъ *mutatis mutandis* «императивно-атрибутивно-моторныя возбужденія». Первые изъ этихъ эмоцій лежатъ въ основѣ нравственности, вторыя—въ основѣ права. Такъ предста-

вляетъ себѣ дѣло проф. Паліенко, но отнюдь не Петражицкій. По ученію Л. І. Петражицкаго всѣ эмоціи или импульсы суть двойственнаго, пассивно-активнаго характера и по самой идеѣ своей не могутъ имѣть только «односторонняго», «пассивнаго» характера, каковое утвержденіе по недоразумѣнію приписываетъ критикъ Л. І. Петражицкому.

Но отсюда ясно, если критикъ невѣрно понимаетъ эмоціональное основаніе, фундаментъ нравственности и права, то, разумѣется, онъ не могъ понять и соотвѣтственной классификаціи проф. Петражицкаго, основанной на теоріи эмоцій и ихъ, опять-таки, характерныхъ свойствахъ въ данной области. А не умѣя разобраться въ данной классификаціи, проф. Паліенко уже тѣмъ самымъ не могъ научно-правильно и опредѣлить соотвѣтственныя категоріи этическихъ явленій (ср. утвержденіе его, что и эстетика, правила приличія атрибутивны!)¹⁾.

Поэтому не удивительно послѣ этого, что критикъ сѣтуетъ на Петражицкаго, что онъ «въ своемъ разграниченіи права и нравственности придаетъ слишкомъ большое значеніе эмоціональному составу этическихъ переживаній», или же прямо сознается, что ему «не понятно, почему именно специфическая природа права должна быть отыскиваема не въ области интеллектуальной, а эмоціональной»²⁾. Отсюда ясно, что проф. Паліенко недостаточно вдумался въ «психологическую теорію права», иначе все это было бы и понятно, и ясно³⁾.

¹⁾ Новая психолог. теорія, стр. 22—23.

²⁾ О существѣ права, стр. 277 и 222.

³⁾ Не вдумался, наиримѣръ, онъ въ тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ по ученію проф. Петражицкаго изъ свойства атрибутивности правовыхъ переживаній. Проповѣдуя, что и нравственныя и эстетическія переживанія суть атрибутивны, проф. Паліенко долженъ открыто принять и всѣ выводы, вытекающіе изъ даннаго признанія. А выводы эти въ своей сущности и глубинѣ таковы, что о сознательной пропагандѣ ихъ проф. Паліенко не можетъ быть и рѣчи. Если попробовать приложить къ утвержденіямъ критика все сказанное о тенденціяхъ и свойствахъ атрибутивныхъ переживаній проф. Петражицкимъ въ его «Теоріи права», то самъ критикъ первый бы возсталъ противъ такихъ утверждений и ео ipso противъ самого себя. Если притязать на шаблонное пониманіе и выполненіе нравственныхъ заповѣдей и принциповъ, или—на эстетическія правила поведенія, то прямо слѣдуетъ сказать, что социальная жизнь, вообще, стала бы невозможна, ибо притязательная, атрибутивная психика (какъ присущая по утвержденію критика всѣмъ нашимъ нормативнымъ переживаніямъ) изъ за каждаго нетактичнаго эстетическаго поступка, или даже изъ-за невозможности исполненія нравственной заповѣди,—всегда бы воспламенялась и порождала ненасытную, непреодолимую всеобщую *bellum omnium contra omnes*. Ибо психика атрибутивная—требовательная, опасная психика, не считающаяся съ мотивами исполненія ей причитающагося, долгаго. А, развѣ, мы въ дѣйствительности притязаемъ на шаблонное эстетическое поведеніе, какъ мы притязаемъ на исполненіе юридическихъ обязанностей? Вѣдь, нѣтъ. А тогда зачѣмъ же наука должна расходиться съ дѣйствительностью и говорить, что и эстетика—атрибутивна. Вообще, вдумчивое систематическое приложеніе всѣхъ

¹⁾ Новая психологическая теорія, стр. 16—23.

²⁾ Ср. Петражицкій, Теорія права, стр. 47—48, примѣч.

³⁾ О существѣ права, стр. 271.

Какъ же учить, на самомъ дѣлѣ, о своей классификаціи проф. Петражицкій? Ученіе это въ своей основѣ покоится на различіи въ переживаніяхъ соответственныхъ эмоцій долга, т. е. на различіи характера самихъ импульсивныхъ процессовъ¹⁾.

Такъ, напр., когда мы приписываемъ себѣ какія-либо правовыя обязанности по отношенію къ другимъ, то соответственныя эмоціи представляются нашему сознанию, какъ экстрактивные по отношенію къ намъ импульсы, какъ не въ исходящее авторитетное добываніе отъ насъ должнаго поведенія. «Сообразно же общему характеру высшей мистической авторитетности этическихъ эмоцій, соответственная экстракція отъ одного для другого представляется, какъ како-то свыше исходящее, обладающее высшимъ авторитетомъ «требованіе» извѣстнаго объекта отъ одного для другого и авторитетное надѣленіе послѣдняго подлежащимъ благомъ. Этимъ опредѣляется и объясняется характеръ проецируемыхъ во внѣ правовыхъ нормъ и обязанностей»²⁾.

Иной специфическій характеръ, нежели правовыя эмоціи, имѣютъ моторныя возбужденія, входящія въ составъ нравственныхъ переживаній. Подлежащія импульсы представляютъ не авторитетно-экстрактивные эмоціи не авторитетныя добыванія чего-либо отъ насъ для другихъ, исходящія, какъ бы, извнѣ, а — «внутреннія» авторитетныя понуканія къ соответственнымъ дѣйствіямъ, которыя мы обязаны совершить, именно какъ таковыя, безъ какого бы то ни было предоставительнаго характера для кого-либо. Этому различію въ характерѣ эмоцій соответствуетъ и этимъ, именно, объясняется специфическій характеръ нравственныхъ проекцій, состоящій въ томъ, что подлежащія обязанности не представляютъ притязаній другихъ, не закрѣплены за ними, какъ ихъ активъ, а являются свободными по отношенію къ другимъ обязанностями; соответственные же нормы представляются односторонними велѣніями и запретами, только обязывающими однихъ, ничѣмъ не надѣляя другихъ (Теорія права, стр. 67).

На этомъ различіи въ характерѣ переживанія моторныхъ возбужденій, эмоцій долга и покоится, именно, различіе нравственныхъ (чисто-императивныхъ, безпритязательныхъ) переживаній отъ переживаній правовыхъ (императивно-аттритивныхъ, притязательныхъ). А отсюда слѣдуетъ, что и различіе обязанностей и нормъ нравственности и права, какъ эмоціональных проекцій соответственныхъ этическихъ переживаній, всецѣло покоится также на установленномъ выше различіи характера самихъ моторныхъ возбужденій или эмоцій.

Послѣ этого ясно, что Петражицкій отнюдь не учитъ ни о какихъ «одностороннихъ» «пассивныхъ» эмоціяхъ—спеціально-нравственныхъ и «двусторон-

тенденцій и свойствъ правовыхъ (аттритивныхъ) переживаній къ нравственности и эстетикѣ должно наглядно и убѣдительно показать въ ю невозможность и нелѣпость сліянія права, морали и эстетики воедино по ихъ психической природѣ.

¹⁾ Теорія права, I, стр. 63—68, гдѣ подробно развивается данная мысль.

²⁾ Теорія права, стр. 65.

нихъ», «активно-пассивныхъ»—спеціально-правовыхъ, какъ то по недоразумѣнію усмотрѣлъ проф. Палиенко, а показываетъ лишь различный характеръ эмоцій долга въ ихъ переживаніяхъ. Отсюда ясно также, что императивность и аттритивность отнюдь не свойства интеллектуальнаго состава этическихъ переживаній, а, именно, эмоціональнаго; а что это было «непонятно» критику, то это также уже вскрыто: онъ, къ сожалѣнію, какъ-разъ не понялъ того, что именно надо было понять для уразумѣнія «психологической теоріи права» проф. Петражицкаго—его эмоціональное ученіе¹⁾.

Какъ проф. Палиенко, такъ и проф. Е. Трубецкой одинаково смѣшиваютъ понятіе аттритивности съ понятіемъ психической связанности, т. е. понятіе закрѣпленности обязанности за управомоченнымъ съ понятіемъ самой обязанности. Такъ, напр., проф. Палиенко открыто показываетъ это. «Нравственная норма аттритивна, потому что «всякая норма долженствованія, хотя бы она была лишь чисто-личнымъ убѣжденіемъ, до извѣстной степени связываетъ нашу волю и выборъ дѣйствій»²⁾. Кто внимательно проштудировалъ «Теорію права» Петражицкаго, тотъ, конечно, не могъ бы сказать ничто подобное, ибо связанность и есть специфическое свойство этического долга, об(в)язанности; потому то переживаніе этического долга и является какъ бы помѣхой свободѣ нашихъ дѣйствій etc. Но это, конечно, отнюдь не аттритивность, какъ ее понимаетъ проф. Петражицкій³⁾.

Но что же такое право по мнѣнію проф. Палиенко и въ чемъ его существенный, отличительный признакъ? Во 1-хъ, мы уже знаемъ, что право, по его мнѣнію,—это нормы, «вышнія императивы», «властныя велѣнія вышняго, земнаго авторитета» (а что же такое т. наз. «сакральное» право?), или, просто, «приказъ вышней авторитетной воли». Отличительный же признакъ права заключается «не въ аттритивности, т. к. это

¹⁾ Вѣдь по интеллектуальному составу этическихъ переживаній мы не сможемъ никогда опредѣлить специфической природы ни права, ни нравственности, ни эстетики etc. Напр., сужденія и убѣжденія „нельзя красть“, „лгать постыдно“ и т. п. ничего не говорятъ намъ по своему интеллектуальному составу; м. б., одинъ переживаетъ данное убѣжденіе, какъ правовое, другой—какъ нравственное, третій—какъ эстетическое и т. д. Но если мы знаемъ, что у кого-либо съ представленіемъ кражи, клеветы etc. сочетается чисто-императивная эмоція, а у другого—императивно-аттритивная, то у насъ уже имѣется и ключъ къ разрѣшенію данной проблемы, ибо у перваго субъекта, въ такомъ случаѣ, убѣжденіе „нельзя красть“ и т. п. будетъ нравственное, а у другого—правовое. Поэтому, несомнѣнно, правъ проф. Петражицкій, говоря: „специфическая природа явленій права, нравственности, эстетики, ихъ отличія другъ отъ друга и отъ другихъ переживаній коренятся не въ области интеллектуальнаго, а въ области эмоціональнаго, импульсивнаго, въ нашемъ смыслѣ, ихъ состава“ (Теорія права, I, стр. 81).

²⁾ Новая психологич. теорія, стр. 19.

³⁾ См. объ этомъ подробно: Петражицкій, Теорія права, I § 3 и 4.

общий признак нормъ долженствованія, а въ ея строгой внѣшней императивности... Внѣшній авторитетъ, а не внутренний авторитетъ совѣсти диктуетъ здѣсь свою волю»¹⁾. Итакъ, право—«нормы внѣшнеповелительнаго или внѣшнеимперативнаго характера»²⁾. Но т. к. проф. Паліенко свое пониманіе права относитъ «къ разряду тѣхъ опредѣленій, которыя въ принудительности правовыхъ нормъ видятъ существенный и отличительный признакъ права» (ibidem), то отсюда и его окончательное опредѣленіе права,—какъ «внѣшнеимперативныхъ нормъ, предназначенныхъ къ принудительному регулированію социальныхъ отношеній»³⁾. И въ то же самое время самъ г. Паліенко неоднократно утверждаетъ, что «принужденіе не существенный признакъ права»⁴⁾. Въ противномъ же случаѣ получается два существенныхъ и отличительныхъ признака въ одномъ понятіи права—«внѣшнеимперативность» и «принудительность».

Оставивъ въ сторонѣ эту непоследовательность критика, постараемся вскрыть подпочву его пониманія и опредѣленія права. Кто внимательно прочелъ, указанныя выше, работы проф. Паліенко, и кто знакомъ съ теоріей проф. Петражицкаго, тому сразу же становится ясно, что проф. Паліенко находится подъ безотчетнымъ влияніемъ догматическаго направления юриспруденціи, и что онъ подъ «внѣшнимъ императивомъ» разумѣетъ «внѣшній авторитетъ» или (по терминологіи проф. Петражицкаго) «нормативный фактъ». Отсюда ясно, что онъ признаетъ и, конечно, только и можетъ признавать одно позитивное право, а все непозитивное, т. е. не основанное на внѣшнемъ авторитетѣ, на нормативномъ фактѣ, относитъ къ нравственности. «Правомъ мы признаемъ лишь позитивное право: обычное право и законъ. Они представляютъ собою выраженіе властной «воли», организованной или неорганизованной въ общественномъ союзѣ»⁵⁾. Поэтому то и «интуитивное право», какъ не основанное на внѣшнемъ авторитетѣ, не признается имъ за право, а относится безъ дальнихъ разсужденій къ «чистой» нравственности⁶⁾. Но разъ это такъ, т. е., что про-

стой нормативный фактъ (вѣриѣе, представленіе нормативнаго факта въ правовомъ переживаніи) принимается проф. Паліенко за существенный и отличительный признакъ права, то онъ, попросту, возвращается въ лоно современной догматической юриспруденціи съ позитивно-официальнымъ—обычнымъ и законнымъ—правомъ, которое по существу своему (какъ это неопровержимо показалъ проф. Петражицкій въ своихъ трудахъ) составляетъ отнюдь не теоретическій классъ, а лишь незначительную часть, группу подъ условнымъ «профессиональнымъ» значкомъ: «право». Но стоило ли возвращаться къ нему и подновлять «формальнымъ» пониманіемъ принудительности, чтобы снова противопоставлять его «психологической теоріи права», разъ уже достаточно авторитетно (и, кажется, окончательно) признано, что критика проф. Петражицкаго наглядно вскрыла «порочное» опредѣленіе даннаго понятія права.

Дальнѣйшимъ возраженіемъ въ критикѣ проф. Паліенко является опрометчиво традиціонное обвиненіе проф. Петражицкаго въ «индивидуализированіи» права, въ непризнаваніи, яко-бы, имъ того, что право есть продуктъ социальной жизни, имѣетъ социально-психологическую природу. Выводится же это обвиненіе изъ того факта, что проф. Петражицкій считаетъ право явленіемъ человѣческой (индивидуальной) психики и только ея одной. Но, вѣдь, поскольку признавать, что право есть явленіе психическое, оно eo ipso должно уже быть признано индивидуальнымъ, т. к. реальные психические феномены имѣютъ свое пребываніе исключительно въ психикѣ индивидуума и только тамъ¹⁾. А, слѣдовательно, и право, какъ таковое, т. е., какъ психическое явленіе, существуетъ только для того, кто сознаетъ его, его переживаетъ; безъ этого индивидуальнаго переживанія нѣтъ и явленія права. Если никто не переживаетъ права, то ясно, что ни для кого его и не существуетъ. Поэтому говорить о правѣ, о нормахъ права, какъ о чѣмъ-то существенно отличномъ отъ индивидуальной психики, является простымъ недоразумѣніемъ, въ какомъ повиненъ не только проф. Паліенко, но и проф. Орженцкій, проф. Хвостовъ и др. критики данной теоріи. О социальной же психикѣ можно говорить лишь, какъ о социально-психическомъ интеллектуально-эмоціональномъ взаимозараженіи и eo ipso общеніи²⁾. Но кто внимательно прочелъ послѣднюю главу «Теоріи права» Петражицкаго, тотъ знаетъ, что, именно, объ этомъ и говоритъ онъ, о томъ социально-психическомъ эмоціональномъ взаимозараженіи и общеніи, на основѣ котораго онъ и обобщаетъ въ послѣдствіи построить свою «эмоціональную социологию».

О томъ же, что право есть продуктъ и факторъ социальнаго общенія, объ этомъ, вѣдь-ли, кто другой учить съ такой настойчивостью и ясностью, какъ,

¹⁾ См. Л. И. Петражицкій, Теорія права, I, стр. 101—102.

²⁾ Ср., между прочимъ, П. Е. Михайловъ: Основныя стадіи въ эволюціи идеи «ближняго». Вопросы обществовѣдѣнія. 1910. В. II, стр. 228—232.

¹⁾ Новая психол. теорія, стр. 22.

²⁾ Ученіе о существѣ права, стр. 256.

³⁾ О существѣ права, стр. 278. А провозъ, слѣдуетъ замѣтить, что проф. Паліенко понимаетъ самую «принудительность» въ особомъ «формальномъ значеніи», это т. е. «принудительность безъ принужденія», т. е. дословно повторяетъ «старый мотивъ» ученія Штамmlера. Собственно, авторъ и самъ признаетъ это, говоря: «это то, что Штамmlеръ называетъ принудительными нормами „по самому смыслу своему“, а Гирке „принудительными по самой идеѣ“. (Ibid. стр. 265). Ср. критику Н. А. Гредескула (журн. мин. юст. 1909. № 6, стр. 339—343), который справедливо указываетъ на то, что опредѣленіе права проф. Паліенко „не даетъ рѣшительно ничего новаго, повторяя въ себѣ лишь старый мотивъ о „принудительности“ права, нѣсколько подновленный „формальнымъ“ его пониманіемъ, выдвинутымъ въ наше время, главнымъ образомъ, Штамmlеромъ“.

⁴⁾ Новая психол. теорія, стр. 19, 22 и др.

⁵⁾ Ibidem, стр. 19 и 23.

именно, проф. Петражицкий. Противное утверждение основано лишь на простом невнимании къ трудамъ Петражицкаго, особенно къ послѣдней главѣ его «Теоріи права», озаглавленной: «Право, какъ факторъ и продуктъ соціально-психической жизни». Приведу, хотя бы, одно мѣсто изъ этой главы для подтвержденія сказаннаго. «Явленія права состоятъ въ двусторонней причинной связи съ другими процессами соціально-психической жизни. Съ одной стороны, право является факторомъ соціально-психической жизни и ея развитія. Съ другой стороны, право само есть продуктъ дѣйствія извѣстныхъ соціально-психическихъ процессовъ: оно создается и измѣняется ими по законамъ причинной связи»¹⁾. Отсюда ясно, что данное обвиненіе также основано на недоразумѣніи и eo ipso не достигаетъ своей цѣли.

Такимъ образомъ, въ результатѣ предыдущаго анализа приходится сказать слѣдующее:

1) Возраженіе проф. Палиенко, состоящее въ томъ, что нормы не имѣютъ проекціоннаго характера, не суть эмоціональныя проекціи, не можетъ быть признано научно-серьезнымъ возраженіемъ, т. к. оно не основано на научно-психологическомъ анализѣ этическихъ эмоціональных переживаній и eo ipso является голословнымъ.

2) Отрицаніе профессоромъ Палиенко свойства атрибутивности, какъ специфическаго признака правовыхъ переживаній, является продуктомъ смѣшенія имъ понятій атрибутивности и связанности (об(в)язанности), которое въ свою очередь порождено непониманіемъ эмоціональнаго ученія проф. Петражицкаго.

3) Обвиненіе проф. Петражицкаго въ индивидуализированіи права и въ игнорированіи имъ соціальной природы права покоится на простомъ невниманіи проф. Палиенко къ соответственной части ученія «психологической теоріи права». Врядъ ли кто другой такъ настойчиво и ярко освѣщаетъ соціальную природу права, какъ, именно, проф. Петражицкий.

Итакъ, анализъ критики проф. Н. И. Палиенко оконченъ. Чѣмъ же объяснить всѣ недоумѣнія въ пониманіи «психологической теоріи права», такъ явно сказавшіяся въ критикѣ? Почему, при желаніи сознательно оцѣнить новое ученіе, критикъ безсознательно запутался въ недоразумѣніяхъ по самымъ основнымъ вопросамъ ученія Л. И. Петражицкаго? Отвѣтъ, намъ кажется, ясенъ. Во 1-хъ, потому, что критикъ съ предвзятой идеей приступилъ къ анализу теоріи Петражицкаго, будучи правовѣрнымъ сторонникомъ догматической юриспруденціи, а, во 2-хъ, потому, что бѣглое прочтеніе и мимолетное усвоеніе новаго ученія отнюдь, конечно, не могло дать научно-правильнаго критерія для оцѣнки данной теоріи и, тѣмъ болѣе, поколебать убѣжденія самого критика, выросшаго на иномъ ученіи, воспитавшагося въ иной научной школѣ, привыкшаго къ иному юридическому мышленію. Только примѣняя психо-

логическій методъ изслѣдованія при критикѣ «психологической теоріи права», и можно надѣяться на успѣхъ критики, въ противномъ же случаѣ всѣ нападки и обвиненія, направленные на данную теорію, остаются не болѣе, какъ голословными, что ярко и сказалось при анализѣ критики проф. Палиенко.

Н. Михайловъ.

Коллизія новыхъ и старыхъ законовъ въ связи съ предстоящей реформой наследованія женщинъ.

(Окончаніе¹⁾).

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія теоретической, не встрѣчается препятствій къ приданію нѣкоторымъ гражданскимъ законамъ обратной силы. Значитъ, ничто не говоритъ противъ приданія (въ извѣстныхъ предѣлахъ) обратной силы и закону о наследованіи женщинъ. И очень вѣскія соображенія говорятъ за то, что этому закону должна быть придана обратная сила. Если мы обратимся къ римскому праву, то увидимъ, что, по общему правилу, обратная сила придавалась законамъ, имѣвшимъ значеніе крупной реформы, законамъ, выросшимъ изъ сознанія крайней несправедливости порядковъ, ранѣе господствовавшихъ. Стоитъ вспомнить указанный выше законъ Юстиніана объ уравнианіи въ правахъ наследованія съ мужчинами армянскихъ женщинъ. Составители германскаго уложенія говорятъ, что придавать обратную силу законамъ заставляють законодателя соображенія политическія, соціальныя, экономическія и этическія. Швейцарское уложеніе говоритъ объ обратной силѣ законовъ, изданныхъ въ отмѣну законовъ, противныхъ общественному порядку и нравственности. Словомъ, повсюду мы видимъ, что, въ случаѣ отмѣны закона, крайне несправедливаго или противнаго доброй нравственности новому закону придавалась обратная сила. Примѣнимо ли это и къ предстоящему закону о наследованіи женщинъ? Разумѣется, да. Еще полтора столѣтія тому назадъ была признана крайняя его несправедливость. Графъ Блудовъ еще въ 1848 г. находилъ, что законъ этотъ несообразенъ «съ настоящими понятіями и нравами, даже и съ самымъ чувствомъ справедливости». Смоленское дворянство еще въ 1864 г. находило, что законъ о наследованіи женщинъ «противорѣчитъ основнымъ началамъ справедливости», представляется «неестественнымъ, несправедливымъ и не оправдываемымъ никакою государственной или общественной необходимостью». Къ этому мнѣнію въ 1865 г. присоединилось и министерство юстиціи. Двухъ

¹⁾ Теорія права, II, стр. 641.

¹⁾ См. «Право», № 11.

мѣній о дѣйствующемъ въ этой области законодательствѣ быть не можетъ. Новому закону должна быть придана, въ извѣстныхъ предѣлахъ, обратная сила.

Но, можетъ быть, нѣтъ необходимости оговорить это въ особомъ законѣ? Можетъ быть, судья можетъ, какъ говорятъ составители герм. гр. уложенія, познать руководящую волю законодателя о приданіи обратной силы этому закону путемъ его толкованія? Это возможно въ Германіи, но не у насъ. У насъ имѣется ст. 89 основныхъ законовъ, согласно которой законъ обратной силы не имѣетъ, развѣ бы противное было указано въ самомъ законѣ. Судья, слѣдовательно, безъ явнаго указанія въ самомъ законѣ, не можетъ, путемъ толкованія его смысла, расширить предѣлы его дѣйствія на юридическія отношенія, сложившіяся ранѣе его вступленія въ силу и имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ наслѣдованію по закону.

Итакъ, необходимо особое указаніе въ самомъ законѣ на то, что онъ распространяется и на юридическія отношенія, сложившіяся ранѣе его вступленія въ силу. Однако даже законъ, которому придается обратная сила, не распространяетъ своего дѣйствія на такъ называемыя *causae finitae*. Дѣла, уже законченныя, споры, уже ликвидированныя путемъ судебного рѣшенія, мировой сдѣлки, полюбовнаго раздѣла и т. д., новымъ закономъ не затрагиваются. Воскрешать такіе ликвидированные споры значило бы, какъ выражается въ одномъ мѣстѣ Юстиніанъ, вновь вскрывать раны, давно уже зажившія. Но мало этого: даже по отношенію къ спорамъ, находящимся уже въ судебномъ разборѣ, въ инстанціи апелляціонной или хотя бы даже и первой, долженъ примѣняться старый законъ, законъ, дѣйствовавшій во время поступленія дѣла въ судъ. Допустить противное, значило бы внести крайнюю путаницу въ судебное разбирательство; это вызвало бы массу техническихъ затрудненій, подчасъ совершенно неустраимыхъ. По этимъ основаніямъ, очень многія германскія государства въ законахъ о введеніи въ дѣйствіе новаго германскаго уложенія прямо указываютъ на то, что новое уложеніе никоимъ образомъ не должно примѣняться къ дѣламъ, поступившимъ на разсмотрѣніе суда ранѣе вступленія въ силу этого новаго уложенія.

Поэтому я и считаю, что въ основу разрѣшенія коллизій между новымъ и старымъ закономъ о наслѣдованіи женщинъ должны быть положены слѣдующіе два принципа:

1) Къ наслѣдствамъ, открывшимся послѣ изданія новаго закона, послѣдній долженъ примѣняться во всякомъ случаѣ.

2) Новый законъ примѣняется и къ наслѣдствамъ, открывшимся хотя и ранѣе его вступленія въ силу, но не ставшимъ еще предметомъ судебного спора.

Но если даже не согласиться со вторымъ моимъ принципомъ, а принять только первый,

то это не окажетъ ни малѣйшаго вліянія на всѣ мои дальнѣйшіе выводы, касающіеся разрѣшенія коллизій между нормами новаго закона и старыми нормами, регулирующими юридическія отношенія, стоящія въ болѣе или менѣе близкой связи съ институтомъ наслѣдованія по закону.

Въ этомъ отношеніи намъ прежде всего приходится столкнуться съ институтами такъ называемого предвареннаго наслѣдованія, съ приданымъ и выдѣломъ. Ст. 1001—1004 т. X ч. 1, трактующія о приданомъ и объ отреченіи дочери въ рядной записи отъ дальнѣйшаго участія въ наслѣдствѣ, всецѣло построены на томъ принципѣ, что дочь, получившая соотвѣтственное приданое, является уже отрѣзанымъ ломтемъ и, въ большинствѣ случаевъ, никакого дальнѣйшаго участія въ дѣлахъ своей прежней семьи не принимаетъ. Женщина въ этихъ статьяхъ трактуется, какъ существо несамостоятельное, какъ придатокъ къ мужниной семьѣ. Мало того, въ нѣкоторыхъ источникахъ этихъ статей дочь, получившая при выходѣ замужъ хотя самадѣйшее приданое, уже не является наслѣдницей въ родительскомъ имуществѣ, если только остались, кромѣ нея, другіе нисходящіе. Такъ, въ именномъ указѣ по дѣлу Володимірова отъ 1764 г.¹⁾, являющемся однимъ изъ источниковъ 1001 ст., прямо сказано, что при наличности брата дочери, «при отцѣ ея съ на гражденіемъ выданной, участія (въ наслѣдствѣ) быть не можетъ». А въ сенатскомъ указѣ 1789 г. по дѣлу Молчанова и кн. Вадбольской²⁾, являющемся общимъ источникомъ ст. 1001 и 1004, общее собраніе с.-петербургскихъ департаментовъ полагало, что «каждая выданная въ замужество дочь съ приданымъ отъ отца, болѣе или менѣе полученнымъ», считается «отдѣленною и въ имѣніяхъ отца своего, въ случаѣ другихъ, имѣющихся у него сыновей или дочерей дѣвокъ»; что, даѣе, «вовсе не было въ законахъ повелѣнія, дабы такимъ замужнимъ дочерямъ вновь что-либо изъ отцовскаго имѣнія давать... а посему и княжна Авдотья Вадбольская, получившая вознагражденіе отъ своего отца, и тѣмъ совершенный отдѣлъ, никакого уже права не имѣетъ требовать еще части изъ оставшагося имѣнія отца своего, почему сіе ея требованіе яко незаконное уничтожить». Въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ 27-го апрѣля 1814 г. (п. с. з. 25576) и 17 января 1818 г. (п. с. з. 27229) права дочери нѣсколько расширены. Для лишенія ея права участія въ родительскомъ наслѣдствѣ недостаточно полученія ею какого бы то ни было приданого, необходимо еще отреченіе ея отъ наслѣдства, за себя и свое потомство, въ рядной записи. Но и при отсутствіи такого письменнаго отреченія для дочери все же установлено *privilegium odiosum*. По нашимъ законамъ ни-

¹⁾ П. С. З. Именной указъ 1764 г. января 31 (12031).

²⁾ П. С. З. Сенатскій указъ 1789 г. мая 19 (16769).

кому изъ неотдѣленныхъ наслѣдниковъ, при вычисленіи его доли, не зачитывается безмѣдно полученное имъ отъ наслѣдодателя, при жизни послѣдняго, благопріобрѣтенное имущество. Для замужней же дочери, желающей участвовать въ раздѣлѣ родительскаго наслѣдства, согласно 103 ст., обязательна коляція всего, полученнаго ею въ качествѣ приданого, благопріобрѣтеннаго имущества. Эти узаконенія, изданныя, главнымъ образомъ, въ ту эпоху, когда дочери не считались наслѣдницами, съ введеніемъ новаго закона, уравнивающего женщинъ въ правахъ наслѣдованія съ мужчинами, должны считаться отмѣненными. И въ этомъ отношеніи должна получить силу ст. 10, т. X, ч. 1, согласно которой, между прочимъ, «записи объ имуществѣ сжимаемаго наслѣдства при жизни того, послѣ коего должно открыться наслѣдство, признаются недѣйствительными».

Но этого мало. Въ случаѣ смерти наслѣдодателя послѣ изданія закона объ уравниеніи женщинъ въ правахъ наслѣдства, отреченіе дочери въ рядной записи отъ дальнѣйшаго участія въ наслѣдствѣ, сдѣланное даже при дѣйствіи стараго закона, все же должно считаться недѣйствительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ. По нынѣ дѣйствующему праву, дѣйствительность такого отреченія находила себѣ, правда, слабое оправданіе въ томъ, что, въ виду незначительности указной доли дочери, доля эта обыкновенно исчерпывается получаемымъ ею приданымъ. Дочь, отрекающаяся отъ дальнѣйшаго участія въ наслѣдствѣ, дѣлаетъ это потому, что считаетъ выдѣленное ей имущество вполне соответствующимъ ей указной долѣ. При отсутствіи такой презумпціи отреченіе не могло бы имѣть силы. И правит. сенатъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній, касающемся выдѣла сыновей (⁹⁴/₉₅), высказываетъ ту же мысль. Въ этомъ рѣшеніи, между прочимъ, сказано: «Заявленіе выдѣляемаго о томъ, что онъ совершенно довольствуется дѣлаемымъ ему однимъ изъ родителей выдѣломъ и отказывается отъ дальнѣйшаго участія въ наслѣдствѣ послѣ обоихъ своихъ родителей, должно быть разсматриваемо, какъ признаніе того, что выдѣленное ему имущество вполне соответствуетъ его наслѣдственной долѣ въ имуществѣ обоихъ родителей». Слѣдовательно, отреченіе не должно бы сохранять свою силу, еслибы стало яснымъ, что презумпція полученія полной наслѣдственной доли была ошибочной. И даже по нынѣ дѣйствующимъ законамъ такое отреченіе не всегда безповоротно. Если не осталось другихъ нисходящихъ, кромѣ отрекшейся дочери или ее потомства, наслѣдство все же переходитъ къ послѣднимъ, а не идетъ въ боковыя линіи. Болѣе того, согласно рѣш. прав. сената отъ 1890 г. за № 40, если отрекшейся отъ участія въ наслѣдствѣ дочери приходится конкурировать съ лицами, ей равноправными, т. е. если при открытіи наслѣдства остались, кромѣ нея, только замужнія сестры, хотя бы и не отрекшіяся отъ участія въ наслѣдствѣ, или

ихъ потомство, то отрекшаяся дочь не лишается права участія въ наслѣдствѣ. Что же мы видимъ въ разсматриваемомъ нами случаѣ? При жизни наслѣдодателя и при дѣйствіи стараго закона, ставившаго дочерей въ положеніе неравноправное съ мужчинами, дочь въ видѣ приданого получила предваренное наслѣдство, по тогдашнему времени соответствовавшее ей законной долѣ. Она поэтому изъявила согласіе не предъявлять больше претензій на эту свою указную долю. Но вотъ, отецъ ее умираетъ послѣ изданія новаго закона, по которому она такая же наслѣдница, какъ и сыновья. А такъ какъ содержаніе наслѣдственныхъ правъ, по общему правилу, регулируется законами времени открытія наслѣдства, то, очевидно, что дочь, получивъ предваренную указную долю, совсѣмъ не получила предвареннаго наслѣдства, и поэтому отреченіе ее отъ дальнѣйшаго участія въ наслѣдствѣ должно быть признано недѣйствительнымъ.

Перехожу къ выдѣлу родового имущества. По дѣйствующимъ узаконеніямъ за законными наслѣдниками не признается право на обязательную долю. Но этотъ пробѣлъ до нѣкоторой степени восполняется правилами, ограничивающими собственника въ распоряженіи его родовымъ имуществомъ, правилами, воспреещающими ему безмѣдно отчуждать такое имущество, *inter vivos* и *mortis causa*, помимо ближайшихъ законныхъ наслѣдниковъ. Собственникъ, имѣющій право назначать выдѣляемому потомку изъ благопріобрѣтеннаго имущества такую часть, какую заблагоразсудитъ, изъ имущества родового не можетъ выдѣлить ему больше причитающейся ему законной доли (ст. 996 т. X ч. 1). Отдѣленные дѣти, получившія при жизни полную законную долю, въ видѣ выдѣла изъ родового имущества, въ наслѣдованіи родовымъ имуществомъ уже не участвуютъ; не получившія полной законной доли при жизни, при желаніи участвовать въ наслѣдованіи родовымъ имуществомъ, обязаны конферировать въ наслѣдственную массу родового имущества долю, при жизни наслѣдодателя ими полученную (ст. 997).

Эти узаконенія имѣютъ въ виду оградить интересы ближайшихъ наслѣдниковъ отъ произвольнаго распоряженія собственника своимъ родовымъ имуществомъ. Но если бы отецъ выдѣлилъ сыну изъ родового имущества часть, даже и превышающую его законную долю, то другіе законные наслѣдники при жизни наслѣдодателя лишены были бы возможности защитить свои нарушенные интересы, такъ какъ право на наслѣдство открывается для нихъ лишь послѣ смерти наслѣдодателя, и лишь съ этого момента они получаютъ право искать съ сонаслѣдника излишне выдѣленное ему родовое имущество. И если бы наслѣдодатель, выдѣлившій дочери по случаю ея замужества изъ родового имущества часть, превышающую ей указную долю, умирая при дѣйствіи стараго закона, оставилъ послѣ себя, кромѣ этой дочери, еще и сына, то сынъ, разумѣется, имѣлъ бы право искать съ

нея излишне выдѣленное. Такимъ образомъ, законодатель вовсе не смущается тѣмъ, что иски могутъ возбуждаться спустя очень долгое время послѣ полученія выдѣла. Разъ при выдѣлѣ родового имущества кѣмъ-либо изъ будущихъ наследниковъ получена доля, превышающая ту, какая ему причиталась бы при дѣйствительномъ наследованіи, излишне полученное должно быть возвращено другимъ законнымъ наследникамъ.

Но какъ же поступить въ слѣдующемъ случаѣ? Наслѣдодатель, выдѣливъ при дѣйствіи стараго закона $\frac{13}{14}$ своего имущества сыну, умираетъ послѣ изданія новаго закона, оставивъ, кромѣ этого сына, еще дочь. Выдѣлъ есть предваренное наследованіе. Содержаніе наследственныхъ правъ регулируется, какъ я уже указывалъ выше, законами времени открытія наследства. По закону времени открытія наследства по новому закону, законная доля сына не $\frac{13}{14}$, а только $\frac{1}{2}$. Слѣдовательно, онъ получилъ предварительно наследство, превышающее по своимъ размѣрамъ то, что ему въ дѣйствительности причитается. Можно было бы еще понять вычетъ за предварительное осуществленіе права, но получать раньше срока, да еще больше, чѣмъ въ будущемъ пришлось бы получить,—это уже привилегія ничѣмъ не оправдываемая. Поэтому съ изданіемъ новаго закона дочери должны получить право искать съ сыновей излишне выдѣленное имъ родовое имущество, хотя бы при совершеніи выдѣла доля, имъ выдѣленная, и не превышала законной ихъ доли по старому закону; и обратно, сыновья лишаются права искать излишне выдѣленное дочерямъ родовое имущество, если доля, имъ выдѣленная, не превышаетъ доли по новому закону, имъ причитающейся.

До сихъ поръ я говорилъ о предваренномъ наследованіи, о приданомъ и выдѣлѣ, т. е. о сдѣлкахъ, хотя и совершаемыхъ *inter vivos*, но толкуемыхъ примѣнительно къ законамъ о наследованіи. Но и по отношенію къ чистому даренію родовыхъ имуществъ собственнику поставлены извѣстные предѣлы. Согласно ст. 967 т. X ч. 1, собственнику воспрещается «дарить родовое имущество родственникамъ или чужеродцамъ, мимо ближайшихъ наследниковъ». Вправѣ ли собственникъ подарить одному изъ своихъ ближайшихъ наследниковъ все свое родовое имущество, или же онъ вправѣ дарить каждому изъ своихъ ближайшихъ наследниковъ только долю, равную его законной наследственной долѣ въ этомъ родовомъ имуществѣ? Этотъ вопросъ восходилъ на разсмотрѣніе правит. сената, который въ рѣш. гражд. касс. департ. отъ 1879 г. за № 178, сопоставивъ ст. 967 со ст. 1121, 1122, 1124, 1130, 1131, 1132 и 1135 т. X ч. 1, вполне правильно нашелъ: «Соображеніе всѣхъ этихъ законоположеній приводитъ къ заключенію, что подѣ употребленнымъ въ ст. 967 зак. гражд. выраженіемъ «ближайшихъ

наслѣдниковъ» слѣдуетъ разумѣть всѣхъ родственниковъ одной степени, имѣющихъ права наследованія въ извѣстномъ случаѣ, помимо которыхъ и воспрещено владѣльцу родового имѣнія дарить свое имѣніе другимъ родственникамъ и чужеродцамъ. Поэтому коль скоро въ одной степени состоятъ нѣсколько родственниковъ, имѣющихъ право на наследство, и владѣлецъ родового имущества возымѣлъ бы намѣреніе одарить не всѣхъ ихъ сообща, а одного или нѣсколькихъ изъ нихъ, то подобное его распоряженіе будетъ оставаться въ предѣлахъ закона только въ такомъ случаѣ, когда онъ предназначитъ одаряемому или одаряемымъ только такую часть сего имѣнія, которая будетъ соответствовать наследственнымъ правамъ сихъ лицъ въ ряду съ правами остальныхъ наследующихъ родственниковъ той же степени».

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ рѣшеній (99 — 49) это мнѣніе было подкрѣплено еще и слѣдующими соображеніями: «Ограничивая свободу вотчинника въ распоряженіи родовымъ имѣніемъ (ст. 967 и 996) какъ при выдѣлѣ, такъ и при дареніи, законъ въ обоихъ случаяхъ преслѣдуетъ одну и ту же цѣль, заключающуюся исключительно въ огражденіи частнаго интереса ближайшихъ наслѣдниковъ отъ невыгодныхъ для нихъ послѣдствій лишенія ихъ правомѣрнаго участія въ родовомъ имуществѣ по одностороннему произволу вотчинника».

На этомъ основаніи законные наслѣдники «могутъ оспаривать сдѣланное во вредъ имъ дареніе; ибо по общему закону никто не можетъ быть безъ суда лишень правъ, ему принадлежащихъ (574 ст. зак. гражд.). Но такъ какъ право на наследство открывается для наслѣдниковъ лишь со смерти владѣльца (ст. 1222 и 1254 зак. гражд.), то несомнѣнно, что и право наслѣдниковъ на оспариваніе дарственной сдѣлки вотчинника на родовое имѣніе наступаетъ лишь по смерти дарителя» (рѣш. гр. касс. деп. 1900/8).

Но если, согласно послѣднему изъ приведенныхъ сенатскихъ рѣшеній, право искать излишне подаренное родовое имущество принадлежитъ наслѣдникамъ лишь съ момента смерти дарителя, то по вопросу о томъ, какая доля признается законной, должны примѣняться законы времени смерти дарителя. Поэтому съ изданіемъ новаго закона и въ случаѣ смерти дарителя послѣ этого момента наслѣдники мужскаго пола лишаются права искать излишне подаренное законной наслѣдницѣ родовое имущество, если доля, ей подаренная, не превышаетъ законной ея доли по новому закону; и обратно, наслѣдницы получаютъ право искать излишне подаренное законнымъ наслѣдникомъ мужскаго пола родовое имущество, если доли, имъ подаренныя, превышаютъ доли, причитающіяся имъ по новому закону.

По отношенію къ распоряженію родовымъ имуществомъ имѣется еще одно ограниченіе. Начало ст. 1068 т. X ч. 1 гласитъ: «Родовыя имѣнія не подлежатъ завѣщанію». Но этого правила нельзя толковать слишкомъ ригористично. Почти всѣ изслѣдователи этого вопроса находятъ, что завѣщательныя распоряженія, касающіяся родовыхъ имуществъ сами по себѣ не могутъ быть признаны недействительными; они могутъ только оспариваться наслѣдниками, чьи права такими завѣщательными распоряженіями нарушены. Такъ, напр., Кавелинъ находитъ, что «завѣщательныя распоряженія о родовомъ имуществѣ едва ли, сами по себѣ, могутъ быть признаны недействительными. Законъ имѣетъ въ виду оградить интересы законныхъ наслѣдниковъ и даетъ имъ право опровергать завѣщаніе, которое ихъ права нарушаетъ, предоставляя на ихъ волю воспользоваться или нѣтъ этимъ правомъ. Поэтому завѣщаніе можетъ содержать въ себѣ завѣщательныя распоряженія о родовомъ имуществѣ; оно сохраняетъ свою силу даже и въ случаѣ, если бы отступало отъ установленнаго порядка законнаго наслѣдованія, когда законные наслѣдники, которыхъ интересы и права затронуты завѣщаніемъ или имъ нарушены, не предъявляютъ противъ него протеста. Это положеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что завѣщаніе утверждается судомъ безъ изслѣдованія—относится ли оно къ родовому или благопріобрѣтенному имуществу».

Но если это постановленіе закона направлено къ огражденію правъ законныхъ наслѣдниковъ, а права эти регулируются новымъ закономъ времени открытія наслѣдства, то эти законные наслѣдники, въ данномъ случаѣ лица женскаго пола, должны получить право оспаривать завѣщаніе родовыхъ имуществъ ближайшимъ законнымъ наслѣдникамъ въ доляхъ, хотя и отвѣчающихъ старому закону, но не совпадающихъ съ долями, какія бы слѣдовали наслѣдникамъ по новому закону.

Мнѣ остается указать еще на нѣкоторыя детали. Согласно ст. 399 т. X, ч. 1 имуществами родовыми считаются, между прочимъ, также и «имущества, дошедшія отъ перваго ихъ пріобрѣтателя, хотя и по духовному завѣщанію, но къ такому родственному лицу, которое имѣло бы по закону право наслѣдованія». Здѣсь также возникаетъ вопросъ, должно ли у такого наслѣдника считаться родовымъ все недвижимое имущество, имъ полученное, или только часть, равная той долѣ, какая бы ему, какъ наслѣднику по закону, причиталась. Этотъ вопросъ рѣшенъ прав. сенатомъ въ послѣднемъ смыслѣ, по слѣдующимъ соображеніямъ, высказаннымъ въ рѣш. гр. касс. деп. отъ 1879 г. за № 3: «Если, по содержанію п. 2 ст. 399 ч. 1 т. X, то только имущество изъ благопріобрѣтеннаго дѣлается родовымъ, которое по завѣщанію доходитъ къ такому лицу, которое и безъ завѣщанія имъ бы наслѣдовало по закону, то изъ сего необходимо слѣдуетъ, что благопріобрѣтен-

ное имущество, къ которому состоятъ нѣсколько наслѣдниковъ по закону, если оно досталось по завѣщанію одному или нѣкоторымъ изъ нихъ, но не въ частяхъ, которыя имъ бы слѣдовали по закону, дѣлается у каждаго изъ нихъ родовымъ не во всемъ составѣ, а только въ тѣхъ частяхъ, которыя имъ достались бы при наслѣдованіи онымъ по закону».

Такое рѣшеніе прав. сената представляется безусловно правильнымъ. Поэтому, если наслѣдодатель оставить по завѣщанію благопріобрѣтенную недвижимость двумъ своимъ сыновьямъ, единственнымъ наслѣдникамъ, но одному предоставить $\frac{3}{4}$ имущества, а другому только $\frac{1}{4}$, то у перваго полученное имъ наслѣдство, по дѣйствующимъ законамъ, станетъ родовымъ не во всемъ объемѣ, а только въ размѣрѣ половины всего оставленнаго наслѣдодателемъ благопріобрѣтеннаго недвижимаго имущества. Точно также если наслѣдодатель, умирая, при дѣйствіи стараго закона оставить по завѣщанію благопріобрѣтенное свое имущество двумъ своимъ единственнымъ наслѣдникамъ—сыну и дочери, первому въ размѣрѣ $\frac{13}{14}$, а второй въ размѣрѣ $\frac{1}{14}$, то все это полученное по наслѣдству благопріобрѣтенное имущество станетъ у сына родовымъ. Но если бы этотъ наслѣдодатель умеръ по вступленіи въ силу новаго закона о наслѣдованіи женщинъ, то такъ какъ законная наслѣдственная доля опредѣляется законами, дѣйствующими во время открытія наслѣдства, у сына стало бы родовымъ не все полученное имъ наслѣдство, а только часть, равная его законной долѣ по новому закону. Иными словами, можно выставить слѣдующее правило: благопріобрѣтенное имущество, завѣщанное при дѣйствіи стараго закона, въ случаѣ смерти наслѣдодателя послѣ вступленія въ силу новаго закона, должно считаться у законныхъ наслѣдниковъ родовымъ лишь въ тѣхъ доляхъ, какія бы имъ, по новому закону, причитались.

Еще одна деталь. Съ изданіемъ новаго закона должна считаться отмѣненной, какъ сказано мной выше, ст. 1001 т. X ч. 1, согласно которой «выдѣлъ дочерей и родственницъ, по случаю замужества, совершается назначеніемъ имъ приданаго». Женщина уравнивается въ правахъ наслѣдованія съ мужчиною, слѣдовательно, она должна быть уравнена съ нимъ и въ правѣ на предваренное наслѣдованіе, т. е. въ правѣ на выдѣлъ. Дочь должна получить право на выдѣлъ ей новой законной доли при жизни родителей безотносительно къ тому, выходитъ ли она замужъ, или остается въ дѣвицахъ.

Въ заключеніе коснусь еще вопроса о толкованіи завѣщаній примѣнительно къ новому закону. Если кто нибудь напишетъ въ завѣщаніи, что онъ оставляетъ свое имущество законнымъ своимъ наслѣдникамъ, не указавъ долей, какія онъ имъ назначаетъ, то это еще не значитъ, что эти наслѣдники должны, безъ дальнѣйшаго, получить доли, указанныя въ законѣ. Согласно

мнѣнію, господствовавшему въ римскомъ правѣ, воля завѣщателя въ этомъ случаѣ должна быть познана изъ всего содержанія завѣщанія, изъ смысла всѣхъ сдѣланныхъ въ немъ распоряженій. И въ нашей практикѣ также выработалось аналогичное мнѣніе. Во-первыхъ, завѣщанія не должны толковаться по буквальному ихъ смыслу, и правительствующій сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ (⁶⁸/₃₀, ⁷⁰/₂₂ и др.) неоднократно разъяснял, что «къ толкованію смысла завѣщанія не примѣнимы правила о толкованіи договоровъ». Во-вторыхъ, въ рѣш. гр. касс. деп. отъ 81 г. за № 52 говорится слѣдующее: «При неуказаніи въ завѣщаніи долей сонаслѣдниковъ, судъ долженъ опредѣлить размѣръ долей не по «закону», а на основаніи общаго смысла завѣщанія, установивъ, въ чемъ именно заключалась воля завѣщателя, какое намѣреніе его выразилось въ томъ, что онъ, зная, на какія части наслѣдства имѣютъ право его законные наслѣдники, тѣмъ не менѣе совершилъ въ ихъ пользу духовное завѣщаніе».

И мнѣ думается, что если бы такой вопросъ по вступленіи въ силу новаго закона возникъ передъ судомъ относительно завѣщанія, составленнаго при дѣйствіи стараго закона, то суду въ большинствѣ случаевъ придется его разрѣшить примѣнительно къ новому закону. Въ этомъ завѣщаніи можно было бы видѣть протестъ завѣщателя противъ дѣйствующаго законодательства о наслѣдованіи женщинъ, въ немъ можно было бы видѣть его желаніе одинаково одарить всѣхъ своихъ «законныхъ» наслѣдниковъ, всѣхъ, одинаково ему близкихъ родственниковъ, безотносительно къ тому, принадлежатъ ли они къ мужскому или женскому полу. И суду, при опредѣленіи размѣра долей наслѣдниковъ и наслѣдницъ, придется сообразоваться съ долями, установленными новымъ закономъ.

Я кончаю и резюмирую въ нѣсколькихъ словахъ суть всего сказаннаго. Старый и несправедливый, «неестественный», противный доброй нравственности законъ о наслѣдованіи женщинъ, върѣе, объ устраненіи ихъ отъ наслѣдованія, «варварскій» законъ, какъ его назвалъ бы Юстиніанъ, отмѣняется. Новый, болѣе отвѣчающій требованіямъ справедливости законъ уравниваетъ женщинъ въ правахъ наслѣдованія съ мужчинами. И при всякой коллизіи нормъ стараго и новаго законовъ споръ долженъ быть рѣшенъ въ сторону, наиболѣе благоприятную для женщинъ, столько лѣтъ бывшей въ этомъ отношеніи почти совершенно безправной; при всякой коллизіи нормъ стараго и новаго законовъ споръ долженъ быть рѣшенъ въ направленіи новаго принципа, гласящаго: въ правахъ наслѣдованія женщина уравнивается съ мужчиною.

А. Гойхбаргъ.

Страхование жизни и наслѣдственная пошлина.

Подлежитъ ли обложенію наслѣдственной пошлиной страховая премія, получаемая наслѣдниками умершаго страхователя по договору страхования жизни?—Наша судебная практика во избѣжаніе начетовъ со стороны казны чаще всего разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ благопріятномъ для интересовъ фиска. И пошлины платятъ—платятъ потому, что осиротѣлая семья, лишенная средствъ, готова на всѣ жертвы, лишь бы получить премію, составляющую нерѣдко единственный источникъ къ существованію. Любопытно все, что этотъ вопросъ до сихъ поръ ни разу не восходилъ на разсмотрѣніе сената въ порядкѣ обжалованія. Страхование жизни получило распространеніе, главнымъ образомъ, среди мало обезпеченныхъ классовъ, неувѣренныхъ въ завтрашнемъ днѣ: здѣсь длинная судебная волокита, связанная съ крупными расходами, часто является непосильнымъ бременемъ и вынуждаетъ наслѣдниковъ подчиниться судебному опредѣленію о взысканіи пошлины.—*Dura lex, sed lex!*—сказали бы мы, если бы взысканіе наслѣдственной пошлины съ страховой преміи было правильнымъ. Но вотъ именно неправильность взысканія этого сбора заставляеть насъ подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ.

Что такое договоръ страхования на случай смерти?—Это договоръ въ пользу третьяго лица—договоръ, въ силу котораго одна сторона (страхователь) обязывается вносить другой (страховщику) періодическіе платежи подъ условіемъ уплаты третьему лицу по смерти страхователя извѣстной суммы. Нашей сенатской практикой твердо установлено положеніе, что договоръ въ пользу третьяго лица порождаетъ самостоятельное право послѣдняго на исполненіе выговоренныхъ въ его пользу условій. Третье лицо,—говоритъ сенатъ,—изъявивъ согласіе на исполненіе договора,—можетъ обратиться къ суду съ самостоятельнымъ искомъ объ осуществленіи договора во всемъ, въ чемъ онъ касается его интересовъ (рѣш. гр. касс. деп. 73, № 1623, 77 № 372, 78 № 257 и др.).

Если это такъ,—если у третьяго лица возникаетъ самостоятельное право уже съ момента совершенія договора страхования, то о принадлежности страховой преміи самому страхователю не можетъ быть и рѣчи. Страхователь, застраховавшій свою жизнь въ извѣстной суммѣ въ пользу своихъ наслѣдниковъ, не можетъ получить ни копѣйки; никакихъ имущественныхъ правъ для страхователя такой договоръ не порождаетъ; эти права всецѣло перенесены на третье лицо—на наслѣдниковъ. Фактъ смерти страхователя является такимъ моментомъ, которымъ обуславливается осуществленіе договора, но не пріобрѣтеніе третьими лицами своихъ правъ.

Возьмемъ другой аналогичный примѣръ: страхованіе фабричныхъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Можно ли здѣсь говорить о правѣ фабриканта на полученіе преміи. Нѣтъ,—право это принадлежитъ только рабочимъ, осуществленіе же этого права обусловливается внѣшнимъ случайнымъ обстоятельствомъ — причиненіемъ увѣчья или иного поврежденія въ здоровьѣ. И правительствующій сенатъ прямо указалъ на то, что «при коллективномъ страхованіи рабочихъ—послѣдніе являктся третьими лицами, имѣющими самостоятельное право на полученіе страхового вознагражденія» (рѣш. гр. к. д. 1906 г. № 36).

Отсюда ясно, что со смертью лица, застраховавшаго свою жизнь въ пользу своихъ наследниковъ,—право на полученіе страховой преміи не можетъ быть признано имуществомъ переходящимъ отъ страхователя къ его наследникамъ, ибо самъ страхователь не можетъ воспользоваться этой преміей. Такъ какъ всѣ статьи устава о пошлинахъ трактуютъ объ обложеніи наследственной пошлиной лишь имущества, переходящаго отъ наследодателя къ наследникамъ, т. е. имущества, составляющаго собственность самого наследодателя (ст. 201, 202, 203—207, 212 и др. уст. о пошл., изд. 1903 г.),—то поэтому обложеніе пошлиной страховой преміи, получаемой наследниками страхователя, должно быть признано совершенно неправильнымъ.

Чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній по этому вопросу,—допустимъ на минуту, что страхователь застраховалъ свою жизнь въ пользу отдѣльнаго сторонняго лица, не связаннаго наследственнымъ преемствомъ.

Здѣсь о взысканіи наследственной пошлины никто и не говоритъ. Обыкновенно представленіе метрики о смерти страхователя открываетъ право на полученіе преміи полностью. Нельзя, слѣдовательно, изъ договора личнаго страхованія создавать какое-то *privilegium odiosum* для лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ съ страхователемъ; нельзя самое естественное стремленіе страхователя обезпечить лицъ, связанныхъ съ нимъ кровнымъ родствомъ, обращать въ источникъ дохода для казны.

Законы о пошлинахъ,—какъ многоскратно указывалъ сенатъ,—«не допускаютъ распространительнаго толкованія» (общ. собр. 1906 г. № 4, 1905 г. № 11 и 1907 г. № 100). Въ обложеніи же пошлиной страховой преміи, получаемой наследниками въ виду смерти страхователя,—мы видимъ толкованіе не только распространительное, но и незаконное.

Тѣ же послѣдствія должны имѣть мѣсто и при страхованіи такъ назыв. смѣшанномъ (на дожитіе и на случай смерти). Если бы страхователь дожилъ до указаннаго въ договорѣ страхованія срока и преміи самъ лично не успѣлъ получить по случаю смерти,—то наследники его обязаны платить наследственную пошлину, какъ за

имущество, переходящее къ нимъ отъ наследодателя; но если право наследниковъ, какъ третьихъ лицъ, обусловливается только смертью наследодателя, послѣдовавшей до наступленія извѣстнаго срока,—взысканіе пошлины не можетъ имѣть мѣста.

А. Бутовскій.

Н. Н. Анненковъ.

(Некрологъ).

28 февраля скончался въ своемъ имѣніи, с. Ивницѣ льговскаго у. курской губ., Константинъ Никаноровичъ Анненковъ на 68 году жизни.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ лицѣ покойнаго русскій юридическій міръ потерялъ одного изъ популярнѣйшихъ цивилистовъ и процессуалистовъ. Врядъ ли есть въ Россіи юристъ-теоретикъ или практикъ, представитель адвокатуры или магистратуры, начинающій кандидатъ или сенаторъ, который не прибѣгалъ бы къ помощи Анненкова.

Два крупныхъ труда Анненкова представляютъ собою, несомнѣнно, тотъ памятникъ, благодаря которому имя ихъ автора еще долго будетъ жить среди русскаго общества: «Система русскаго гражданскаго права» и «Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства».

Что касается «Системы», то она не разъ подвергалась критикѣ на страницахъ печати. Извѣстны тѣневныя стороны этого труда Анненкова: нелюбовь къ теоріи, не совсѣмъ удачныя система и методъ работы, игнорированіе западно-европейской литературы, недостаточный и чисто случайный подборъ сравнительно-правового матеріала, наконецъ отрицательныя внѣшнія стороны—изложеніе, отсутствіе указателей,—дѣлающія нелегкимъ чтеніе и пользованіе книгой. И, все-таки, эти недостатки не помѣшали «Системѣ» выйти вторымъ, а отчасти даже и третьимъ изданіемъ, несмотря на свои размѣры, несмотря на то, что въ Россіи юридическая литература до сихъ поръ почти не имѣетъ покупателя, а юридическіе журналы—подписчика. Очевидно, что есть въ обществѣ потребность, которой Анненковъ сумѣлъ пойти навстрѣчу. И, дѣйствительно же, его «Система» является однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій въ наукѣ гражданскаго права за послѣднія десятилѣтія. То, что сдѣлано Анненковымъ, сдѣлано добросовѣстно и обстоятельно. Русская литература у него изучена до мелочей, кассационная практика ему извѣстна въ совершенствѣ, нѣтъ такого спора, который былъ бы имъ обойденъ, какъ нѣтъ вообще мало-мальски важнаго вопроса гражданскаго права, который Анненковъ не пытался бы рѣшить на почвѣ русскаго права, интриптируя для этого наши гражданскіе

законы, гдѣ бы они ни были помѣщены въ сводѣ законовъ, привлекая судебную практику и сводя все мнѣнія, высказанныя въ литературѣ. Въ сущности, въ «Системѣ» мы имѣемъ энциклопедію русскаго гражданскаго права: обращаясь къ ней по любому вопросу, мы можемъ быть гарантированными съ исчерпывающей полнотой какъ литературныхъ указаній, такъ статей закона и тезисовъ практики.

Этотъ трудъ выполненъ, несмотря на тѣ общеизвѣстныя трудности, которыя ставятъ подобной работѣ нашъ X томъ съ его бѣдностью въ области основныхъ положеній, съ его казуистичностью, пропусками, повтореніями, неясностями и противорѣчіями. Когда припомнишь еще, что «Система» писалась безъ знанія иностранной литературы, безъ той теоретической подготовки, которая дается знакомствомъ съ западно-европейской наукой, то начинаешь преклоняться предъ поразительной энергіей автора и любовью къ дѣлу. Какъ ни какъ, многотомный трудъ доведенъ до конца, а сколько русскихъ цивилистовъ, европейски образованныхъ, видныхъ въ наукѣ, дальше первыхъ томовъ и выпусковъ своихъ системъ гражданскаго права не пошли!

«Опытъ комментарія» такого значенія, какъ «Система», имѣть не можетъ: XVI-й томъ—не X-й, да, кромѣ того, имѣется еще капитальный комментарий къ уставу гражд. судопроизводства Исаченко. Тѣмъ не менѣе и отъ «Опыта» нельзя отнять всей его важности, и о немъ можно повторить *mutatis mutandis* все сказанное только что о «Системѣ».

Перу Анненкова принадлежитъ еще рядъ статей по вопросамъ гражданскаго права и процесса, потомъ введенныя имъ въ соотвѣтствующія мѣста «Системы» и «Опыта», неоконченныя «Начала русскаго гражданскаго права», а также книга «Задачи губернскаго земства».

Покойный служилъ родинѣ и обществу не одними литературными трудами. Онъ былъ также юристомъ-практикомъ, какъ почетный мировой судья и на протяжении цѣлыхъ 15 лѣтъ предсѣдатель сѣзда мировыхъ судей (Львовскаго). Онъ, наконецъ, былъ однимъ изъ членовъ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ.

Какъ человекъ просто, Анненковъ былъ далеко незаурядной личностью. Кандидатъ правъ харьковскаго университета выпуска еще 1865 г., онъ былъ типичнымъ шестидесятникомъ. Почти всю жизнь онъ прожилъ въ деревнѣ, среди крестьянъ, входя въ ихъ нужды и интересы, строя для нихъ школы, больницы... Извѣстны такіе, напр., факты изъ его жизни, какъ постоянныя заботы объ устройствѣ бывшихъ своихъ дворовыхъ или пожертвованіе безъ всякой огласки около 30 000 руб. на переселенческое дѣло.

Миръ праху этого труженика и сердечнаго человека!

П. Кравцовъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій
и прочая, и прочая, и прочая,

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Утвердивъ манифестомъ 20 февраля 1906 года главныя основанія осуществленія Нами законодательной власти въ единеніи съ государственнымъ совѣтомъ и государственною думою, Мы, съ тѣмъ вмѣстѣ, объявили, что о порядкѣ обсужденія законопроектовъ общихъ для Имперіи и великаго княжества Финляндскаго, Нами въ свое время будутъ преподаны надлежащія указанія.

Во исполненіе сего, повелѣли Мы, 28 марта минувшаго 1909 года образовать для выработки новыхъ по указанному предмету правилъ особую комиссію изъ представителей Имперіи и Финляндіи въ равномъ числѣ. По обсужденіи въ совѣтѣ министровъ предположенныхъ комиссіею правилъ, составленъ законопроектъ о порядкѣ изданія законовъ общегосударственныхъ, который Мы признаемъ за благо подвергнуть окончательному разсмотрѣнію въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

Оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндскаго края относящихся, Мы нашли полезнымъ предоставлять сейму Финляндіи высказать свое заключеніе по содержанію упомянутого законопроекта съ тѣмъ, чтобы заключеніе сейма было внесено затѣмъ на обсужденіе государственной думы и государственнаго совѣта.

Придавая настоящему дѣлу существенное значеніе въ устройствѣ Державы, Нашей, Мы твердо уповаемъ, что государственная дума и государственный совѣтъ исполнять унадающую на нихъ задачу, къ вѣщему укрѣпленію единства и нераздѣльности государства Россійскаго и ко благу всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ.

Велѣніе сего повелѣваемъ:

1. Предоставленный Намъ совѣтомъ министровъ законопроектъ о порядкѣ изданія касающихся великаго княжества Финляндскаго законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія внести на разсмотрѣніе государственной думы и государственнаго совѣта.

2. Предоставить финляндскому сейму сообщить свое заключеніе по содержанію сего законопроекта, подлежащее передачѣ на обсужденіе государственной думы и государственнаго совѣта.

3. Назначить сейму для сообщенія заключенія мѣсячный со дня полученія имъ упомянутого законопроекта срокъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 14 день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ десятое царствованія же Нашего въ шестнадцатое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Екатеринбургскій окружный судъ.

(Дѣло объ оскорбленіи городского судьи присяжнымъ повѣреннымъ М. И. Хволосъ).

6-го марта, въ екатеринбургскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло старѣйшаго изъ мѣстныхъ представителей присяжной адвокатуры прис. пов. М. И. Хволосъ, по обвиненію его по 283 ст. улож. о нак. (оскорбленіе должностного лица въ официальной бумагѣ).

Мотивомъ къ возникновенію настоящаго дѣла послужило слѣдующее:

Приговоромъ гор. судьи 1 уч., г. Екатеринбурга васьлевскій мѣщ. Ш. Марковъ былъ признанъ виновнымъ въ покункѣ завѣдомо краденаго.

Въ мартѣ 1908 года Марковъ подалъ апелляціонную жалобу въ уѣздный сѣздъ.

Въ жалобѣ, между прочимъ, были помѣщены такіе выраженія:

„Основное положеніе приговора—въ корнѣ неправильно и произвольно“ и говорить о поступкѣ, караемомъ 180 ст. уст. о наказ. (покупка завѣдомо краденаго), тогда, когда не установлено самаго факта похищенія имущества,—является логическимъ и юридическимъ абсурдомъ. Ссылка же обжалуемаго приговора на рѣшеніе сената — крайне неудачна. „Слѣдовательно, всѣ соображенія обжалуемаго приговора зиждутся преимущественно на вылавливаніи изъ моихъ показаній противорѣчій“. „И только на основаніи такихъ несогласностей въ показаніяхъ обвиняемаго и нѣкоторыхъ свидѣтелей созданъ и формулированъ обжалуемый приговоръ. Но такіе приемы въ мотивировкѣ обвиненія отнюдь недопустимы въ современномъ уголовномъ процессѣ“.

На основаніи этихъ данныхъ, Марковъ былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, по обвиненію въ оскорбленіи на бумагѣ должностного лица.

Марковъ виновнымъ себя не призналъ, объяснивъ, что онъ человѣкъ малограмотный и не понимаетъ значенія словъ, помѣщенныхъ въ жалобѣ, написанной прис. пов. г. Хволосъ.

На основаніи этого, въ качествѣ обвиняемаго былъ привлеченъ по той же статьѣ и прис. повѣр. г. Хволосъ.

Въ засѣданіи суда 6-го марта оба обвиняемые виновными себя не признали, хотя г. Хволосъ и не отрицалъ самаго факта составленія имъ апелляціонной жалобы, и добавилъ, что въ употребленныхъ имъ въ ней выраженіяхъ, онъ не находитъ ничего оскорбительнаго и, составляя жалобу, не имѣлъ намеренія оскорбить городского судью и что полагать его въ этомъ опять-таки является „логическимъ абсурдомъ“.

Послѣ оглашенія обвинительнаго акта, прис. пов. Хволосъ проситъ судъ огласить его жалобу въ уѣздный сѣздъ, мотивируя ходатайство тѣмъ, что въ обвинительномъ актѣ выхвачены отдѣльные слова и фразы безъ связи съ общимъ содержаніемъ жалобы.

Ходатайство подсудимаго удовлетворяется.

Затѣмъ допрашивается единственный свидѣтель по дѣлу пом. прис. пов. Капачелли.

Онъ показываетъ, что въ маѣ 1908 г. подсудимый Ш. Марковъ просилъ защищать его въ уѣздномъ сѣздѣ и представилъ, какъ копію обвинительнаго приговора гор. судьи, такъ и жалобу, составленную прис. пов. Хволосомъ, что дѣло это разсматривалось въ сѣздѣ 30 мая, причемъ апелляціонный отзывъ, доложенный въ этомъ засѣданіи, не былъ признанъ оскорбительнымъ. Въ этотъ день дѣло по существу не разсматривалось и было отложено на 10 іюня.

Во вторичномъ засѣданіи присутствовалъ и гор. судья 1 уч.

Когда началось дѣло Маркова, онъ послѣ преній сторонъ заявилъ, что жалобу находитъ для себя

оскорбительной и проситъ направить дѣло къ прокурору.

Одинъ изъ членовъ суда спрашиваетъ свидѣтеля Капачелли: въ какой моментъ сдѣлалъ свое заявленіе сѣзду гор. судья.

— Передъ удаленіемъ судей въ совѣщательную комнату.

Послѣ этого председательствующій объявляетъ судебное слѣдствіе законченнымъ.

Начинается преніе сторонъ.

Обвиняетъ товар. прокур. г. Каменецкій.

Онъ разсматриваетъ отдѣльные выраженія въ жалобѣ, которыя должны быть признаны оскорбительными для гор. судьи.

Что значитъ, говоритъ онъ, что приговоръ судьи „произвольный?“—это значитъ, что приговоръ построенъ неправильно, не по долгу совѣсти, а какъ подсказала судѣ его капризная воля. Поэтому и далѣе говорится въ жалобѣ, что судья вылавливалъ противорѣчія изъ объясненій подсудимаго, т. е., что онъ собиралъ улики искусственно и дѣйствовалъ не въ духѣ права и закона. И вотъ судья, который напрягаетъ всѣ силы, чтобы разрѣшить дѣло по совѣсти, принужденъ читать въ жалобѣ такіе оскорбительные выраженія. Но этого мало. Въ жалобѣ говорится, что судья дѣйствовалъ не только произвольно и недобросовѣстно, но и вопреки здравому смыслу.

Поддерживая обвиненіе, тов. прок. опредѣленіе мѣры наказанія предоставилъ на усмотрѣніе суда.

Затѣмъ предоставляется слово г. Хволосъ.

Прис. пов. Хволосъ: гг. судьи, 34 года я состою присяжнымъ повѣреннымъ. До зачисленія въ адвокатуру, я служилъ въ судебномъ вѣдомствѣ. 42 года тому назадъ я окончилъ университетъ кандидатомъ правъ. Много жалобъ и всякихъ бумагъ написалъ я за это время, и всегда думалъ, что умѣю писать жалобы и умѣю уважать судъ. Но въ концѣ моей дѣятельности оказалось, что я ошибался. Интересно, что при первомъ разсмотрѣніи моей жалобы въ ней не было усмотрѣно никакихъ оскорбленій и только при вторичномъ разсмотрѣніи она показала оскорбительной.

Затѣмъ г. Хволосъ, ссылаясь на Неклюдова и цѣлый рядъ сенатскихъ рѣшеній, обращаетъ вниманіе суда на то, что всѣ выраженія, которыя обвинитель признаетъ оскорбительными, постоянно употребляются и учеными и сенатомъ, и никому въ голову не приходила мысль считать ихъ оскорбительными.

— Мы учились на Неклюдовѣ и привыкли выражаться его словами и терминами.

Что такое апелляціонная жалоба? Это не дамскій разговоръ, а серьезное дѣло. Если же согласиться съ обвинителемъ, то нельзя будетъ писать жалобъ. Какъ полемическая бумага никакая жалоба не можетъ обойтись безъ колкостей, но за колкости законъ не караетъ. Говорить же, что слово „абсурдъ“ оскорбительно, это значитъ не понимать дѣйствительнаго смысла и значенія этого слова. Такимъ образомъ оказывается, что всѣ отдѣльные слова, которыя выловлены изъ моей жалобы, есть только способъ выраженія, вопросъ стиля.

Я нахожу, что и самое обвиненіе меня въ оскорбленіи гор. судьи представляетъ изъ себя ни что иное, какъ логическій и юридическій абсурдъ.

Послѣднія слова, прокуроръ проситъ завести въ протоколъ.

Послѣ получасового совѣщанія, судъ вынесъ обоимъ подсудимымъ оправдательный вердиктъ.

На разборѣ дѣла присутствовала вся мѣстная присяжная адвокатура и представители печати.

С.-Петербургскій окружный судъ.

(Объ отвѣтственности банка за принятый имъ на храненіе вкладъ).

Въ сентябрѣ 1905 года братья Александръ и Борисъ Петровичи Мертваго предъявили въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ къ с.-петербургской конторѣ государственнаго банка искъ, въ которомъ объяснили, что когда, утвердившись въ правахъ наследства въ имуществу дочери тайнаго совѣтника Софіи Дмитріевны Мертваго, умершей 26 мая 1867 года, они обратились въ с.-петербургскую контору государственнаго банка за полученіемъ входящаго въ составъ наследства вклада, хранившагося въ конторѣ по роспискѣ за № 27568 на имя дочери тайнаго совѣтника С. Д. Мертваго, то контора отвѣтила, что означенный вкладъ выданъ 14 января 1905 г. по подложной, повидимому, довѣренности С. Д. Мертваго и ходатайство истцовъ не подлежитъ удовлетворенію, впредь до окончательнаго разрѣшенія уголовного производства, возбужденнаго банкомъ по поводу полученія вклада по подложной довѣренности 14 января 1905 года. Въ виду, однако, того, что по смыслу ст. 2108, т. X, ч. 1, св. зак. гр. и ст. 51 уст. госуд. банка, вкладъ, принятый на храненіе, банкъ обязанъ возвратить въ цѣлости тому, кто ему вкладъ этотъ отдалъ, или законнымъ его наследникамъ и что результатъ уголовного слѣдствія можетъ представлять интересъ для одного только банка въ смыслѣ обратнаго взысканія неположаще выданнаго вклада, но нисколько не уменьшаетъ отвѣтственности банка передъ наследниками С. Д. Мертваго, истцы просили окружный судъ: 1) обязать с.-петербургскую контору государственнаго банка выдать дворянамъ Александру и Борису Петровичамъ Мертваго 4% облигацій русскаго золотого займа 2 выпуска 1890 г. на сумму 8.375 руб. номинальныхъ съ купонами съ февраля 1900 г.; 2) взыскать съ с.-петербургской конторы государственнаго банка въ пользу тѣхъ же лицъ наличными деньгами 14.313 руб. 79 коп. съ % со дня отказа въ выдачѣ вклада, т. е. съ 8 апрѣля 1905 г. и 3) возложить на отвѣтника судебныя и за веденіе дѣла издержки.

Отвергая правильность иска бр. Мертваго, повѣренный государственнаго банка, присяжный повѣренный В. Ф. Суфшинскій, указалъ на то, что 19 іюля 1865 г. С. Д. Мертваго внесла на храненіе въ московскую контору государственнаго банка „принадлежащія Ольгѣ Дмитріевнѣ Масловой“ процентныя бумаги. Вкладъ этотъ 19 января 1867 года переведенъ былъ изъ московской конторы государственнаго банка въ с.-петербургскую его контору, по отдѣленію вкладовъ на храненіе, причемъ московская контора не препроводила взыскаго объявленія, при которомъ вкладъ былъ внесенъ въ московскую контору Софьей Дмитріевной Мертваго и вкладъ этотъ ошибочно былъ записанъ какъ принадлежащій С. Д. Мертваго и продолжалъ храниться на ее имя до послѣдняго времени, т. е. до 14 января 1905 г., когда означенный вкладъ съ процентами послѣ произведенной публикаціи объ утратѣ росписки, выданъ былъ на основаніи оказавшейся подложной довѣренности С. Д. Мертваго. Сообщивъ объ этомъ обстоятельстве прокурору с.-петербургскаго окружнаго суда для возбужденія противъ виновныхъ въ подлогѣ лицъ уголовного преслѣдованія, банкъ въ то-же время просилъ московскую контору прислать подлинное взыскаго объявленіе С. Д. Мертваго. Изъ присланнаго московскою конторою 8 апрѣля 1905 г. взыскаго объявленія обнаружилось, что, какъ выше сказано, полученный путемъ подлога и составляющій предметъ иска вкладъ вовсе не принадлежитъ С. Д. Мертваго, ошибочно записанъ и числился въ

с.-петербургской конторѣ государственнаго банка на ее имя и что С. Д. Мертваго являлась лишь вносителницей вклада, по уполномочію собственностицы его Ольги Дмитріевны Масловой. Повѣренный государственнаго банка просилъ поэтому въ искѣ отказать.

Противъ соображеній повѣреннаго государственнаго банка повѣренный истцовъ, присяжный повѣренный М. Б. Горенбергъ, привелъ слѣдующія соображенія. Уполномоченный государственнаго банка просить отказать братьямъ Мертваго въ искѣ на томъ основаніи, что наследодательница ихъ С. Д. Мертваго внесла въ 1865 г. въ московскую контору государственнаго банка процентныя бумаги „принадлежащія Ольгѣ Дмитріевнѣ Масловой“. Уполномоченный государственнаго банка не упоминаетъ, однако, въ своемъ отвѣтѣ о томъ, что упомянутыя процентныя бумаги внесены были въ московскую контору государственнаго банка на годовой срокъ для выдачи на равныхъ основаніяхъ, какъ вносителницей Софіи Дмитріевны Мертваго, такъ и Ольги Дмитріевны Масловой. Уполномоченный банка ничѣмъ не доказалъ далѣе, чтобы процентныя бумаги внесены были на храненіе С. Д. Мертваго „по уполномочію“, какъ онъ это утверждаетъ, Ольги Дмитріевны Масловой. Между тѣмъ обстоятельства эти имѣютъ весьма важное значеніе. Пріемъ вклада на храненіе есть сдѣлка между вкладчикомъ и государственнымъ банкомъ. За исключеніемъ одного, указаннаго въ ст. 2108 т. X, ч. 1 св. зак. гр., случая, принявшій имущество на храненіе не можетъ возбуждать вопроса о правѣ собственности на вкладъ—именно случая „когда пріемщикъ осведомится, что вещь, имъ хранимая, есть краденая или инымъ противозаконнымъ образомъ добытая“. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ принятое на храненіе имущество должно быть возвращено тому „кто оно ему (т. е. принявшему на сохраненіе) отдалъ, или тому, отъ имени коего оно было отдано, или же лицу, отъ хозяина поклажи къ полученію ея уполномоченному“. Въ данномъ случаѣ вкладъ въ московскую контору государственнаго банка внесенъ былъ на храненіе не по уполномочію г-жи Масловой и не отъ ее имени, а отъ имени самой С. Д. Мертваго. Она и является поэтому хозяйномъ поклажи, которая должна была быть выдана ей, а за смертью ее, наследникамъ ее. Банкъ не можетъ уклоняться отъ выдачи вклада на томъ основаніи, что внесенныя въ 1865 году на храненіе процентныя бумаги означены принадлежащими О. Д. Масловой, ибо въ уставѣ государственнаго банка (ст. 51) говорится о возвратѣ вклада не собственнику, а владчику, съ которымъ банкъ только и вступаетъ въ юридическія отношенія по поводу поклажи. Такъ и понимали свои отношенія къ С. Д. Мертваго и московская, и петербургская контора государственнаго банка. Повѣренный банка не упоминаетъ въ своемъ отвѣтѣ о причинѣ, по которой внесенный въ 1865 г. на храненіе въ московскую контору вкладъ „переведенъ“ былъ изъ московской конторы государственнаго банка въ с.-петербургскую его контору“. Это случилось по требованію вкладчицы С. Д. Мертваго, которая потребовала его въ 1867 году. Московская контора государственнаго банка, имѣвшая въ своихъ рукахъ взыскаго объявленіе, не встрѣтила тѣмъ не менѣе препятствій къ переводу вклада въ Петербургъ по требованію вкладчицы Мертваго, которая выговорила себѣ право получить вкладъ обратно. Банкъ не можетъ поэтому отказывать въ настоящее время наследникамъ С. Д. Мертваго въ выдачѣ истребованнаго ею вклада подъ предлогомъ возбужденія вопроса о правѣ собственности, на что банкъ ни по общимъ гражданскимъ законамъ, ни по своему уставу не имѣетъ права.

Въ то время, какъ между сторонами происходилъ обменъ состязательныхъ бумагъ, въ дѣло вступила въ качествѣ третьяго лица съ самостоятельными

требованиями О. Д. Алфеева, урожденная Маслова. Основываясь на томъ, что внесенный въ московскую контору государственнаго банка вкладъ хранился тамъ на имя О. Д. Масловой, что, по переводѣ его въ С.-Петербургъ, онъ ошибочно записанъ былъ какъ принадлежащій С. Д. Мертваго и что по признанію довѣреннаго государственнаго банка вкладъ этотъ вовсе не принадлежитъ С. Д. Мертваго и что она является лишь вносителницей вклада, повѣренный О. Д. Алфеевой, присяжный повѣренный А. С. Михельсонъ, въ прошеніи, поданномъ въ окружный судъ въ 1908 г., просилъ о присужденіи вклада не бр. Мертваго, а его довѣрительницѣ.

Противъ притязаній третьяго лица возражалъ другой повѣренный государственнаго банка, присяжный повѣренный А. И. Ивановъ. Какъ усматривается изъ вкладнаго объявленія отъ 19 іюля 1865 года, С. Д. Мертваго, внося спорный вкладъ для О. Д. Масловой, выѣтъ съ тѣмъ оставила за собою право обратнаго полученія вклада, вслѣдствіе чего банкъ имѣлъ право и обязанъ былъ выдать вкладъ вносителницѣ С. Д. Мертваго по требованію ея уполномоченнаго и въ силу ст. 25 прав. о вкладахъ на храненіе, по коей „вноситель съ согласія банка, можетъ выговорить себѣ право на полученіе какъ доходовъ по вкладу, такъ и самаго вклада“. Обращаясь къ существу юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ договора объ отдачѣ на сохраненіе, повѣренный банка находитъ, что на хранителя лежитъ отвѣтственность за цѣлость ввѣреннаго ему имущества и въ частности за выдачу его не надлежащему лицу. Предѣлы такой отвѣтственности хранителя указаны въ ст. 2105 и 2106 т. X ч. 1 зак. гражд., согласно коимъ принявшій на храненіе какія либо вещи, деньги или акты, обязанъ употребить къ сохраненію оныхъ отъ поврежденія, пропажи и похищенія такое же стараніе, какъ о собственномъ своемъ имуществѣ и, если будетъ доказано, что истребленіе, пропжа или похищеніе сего имущества произошли не отъ какого либо съ его стороны вѣдѣнія, то онъ освобождается отъ отвѣтственности, за исключеніемъ, однако, того случая, когда похищеніе, утрата и истребленіе послѣдовали уже послѣ отказа на первое о возвратѣ поклажи требованіе. Такимъ образомъ за случайную утрату принятаго на храненіе имущества, какъ это и разъяснено правительствующимъ сенатомъ (рѣш. 1868 года № 590), поклажеприниматель отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если утрата произошла послѣ отказа его возвратить поклажу. Съ другой стороны, согласно ст. 2108 тѣхъ же гражд. законовъ, принявшій на храненіе имущество обязанъ возвратить его тому, отъ имени коего оно было отдано, или лицу, отъ хозяина поклажи на полученіе ея уполномоченному. Засвидѣтельствованная нотаріальнымъ порядкомъ довѣренность, удовлетворяющая съ формальной стороны требованіямъ закономъ условіямъ, является актомъ обязательнымъ для учрежденій банка по приему и выдачѣ вкладовъ; и если выданная отъ имени С. Д. Мертваго довѣренность не возбудила никакихъ сомнѣній у нотаріуса, при совершеніи имъ на основаніи этой довѣренности передовѣрія, то тѣмъ болѣе не могло возбудить никакихъ сомнѣній у агентовъ банка засвидѣтельствованное въ конторѣ нотаріуса передовѣріе (признаваемое подлиннымъ). Такимъ образомъ какого либо вѣдѣнія или упущенія со стороны сиб. конторы государственнаго банка и ея служащихъ при выдачѣ вклада С. Д. Мертваго не усматривается и слѣдуетъ признать такое похищеніе означеннаго вклада въ отношеніи государственнаго банка случайнымъ, за которое, въ силу вышеозначенныхъ постановленій закона и разъясненія правительствующаго сената, сиб. контора банка подлежать отвѣтственности не можетъ, тѣмъ болѣе, что, какъ выше сказано, совершенное въ конторѣ нотаріуса Г. передовѣріе само по себѣ даже не можетъ

считаться подложнымъ актомъ и если передовѣріе это совершено на основаніи подложной довѣренности, то возникаетъ вопросъ объ отвѣтственности нотаріуса, но не сиб. конторы государственнаго банка, выдавшей вкладъ на основаніи такого акта—передовѣрія. Правительствующій сенатъ въ рѣшеніяхъ 1892 г. № 114 и 1894 г. № 63 (о выдачѣ денегъ по подложной надписи на чекѣ и подложному уполномочію на переводномъ билетѣ) разъяснилъ, что никто не можетъ подлежать отвѣтственности за такіе дѣйствія, которыя онъ совершилъ въ предѣлахъ своего права, хотя бы эти дѣйствія и причинили кому либо имущественную невыгоду, если онъ при этомъ не вышелъ изъ предѣла своихъ правъ и не сдѣлалъ упущенія этими правами непокрытаго; онъ можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности лишь въ томъ случаѣ, если по грубости подлога или по другимъ причинамъ долженъ былъ въ моментъ выдачи денегъ знать о подлогѣ или замѣтить таковой. Сиб. контора банка, выдавая вкладъ С. Д. Мертваго, на основаніи засвидѣтельствованныхъ нотаріальнымъ порядкомъ передовѣрія и довѣренности, дѣйствовала въ предѣлахъ своего, основаннаго на законѣ и правилахъ, права, причѣмъ не могла не только знать о подлогѣ, но и замѣтить таковой. Къ этому нужно добавить, что признаніе банкомъ права за С. Д. Мертваго на полученіе вклада не находится въ противорѣчіи съ отрицаніемъ со стороны банка права наследниковъ С. Д. Мертваго на полученіе вклада: вносителница оставила лично за собою право полученія вклада обратно, но право это, какъ личное, не могло перейти по наследству къ ея правопреемникамъ. По этимъ основаніямъ присяжный повѣренный А. И. Ивановъ просилъ въ исковыхъ требованіяхъ О. Д. Алфеевой отказать съ возложеніемъ на нее издержекъ производства въ пользу банка. Впослѣдствіи повѣренный банка дополнительно заявилъ окружному суду, что, когда представилась возможность ознакомиться съ документами, полученными изъ уголовного дѣла и извлеченными изъ архивовъ московской конторы государственнаго банка, обстоятельства взноса и истребованія вклада представляются нѣсколько иными, чѣмъ это казалось въ началѣ процесса. Изъ подлинной росписки московской конторы за № 3282, выданной С. Д. Мертваго, усматривается, что вкладъ зачисленъ былъ внесеннымъ на храненіе С. Д. Мертваго на одинъ годъ, т. е. по 19-е іюля 1866 года, подъ условіемъ, что „вкладъ имѣетъ быть возвращенъ вкладчику или Ольгѣ Дмитріевнѣ Масловой по представленіи сей росписки“. Изъ приведеннаго выше текста росписки слѣдуетъ заключить, что московская контора, принимая вкладъ, считала вкладчицей С. Д. Мертваго, внесшую вкладъ и лишь полученіе вклада представлялось Масловой. Такимъ образомъ текстъ взноснаго объявленія и вкладной росписки не разрѣшаетъ вопроса о томъ, кому собственно принадлежали внесенныя С. Д. Мертваго въ 1865 г. % бумаги, но оба эти документа одинаково подтверждаютъ, что С. Д. Мертваго оставила за собою право получить вкладъ обратно по представленіи росписки № 3282. Пользуясь этимъ своимъ правомъ, С. Д. Мертваго представила въ январѣ 1867 г. росписку № 3282 и потребовала черезъ государственнй банкъ въ Петербургѣ вкладъ изъ московской конторы обратно. Московская контора, получивъ росписку на вкладъ и переданное ей требованіе С. Д. Мертваго о выдачѣ ей вклада, выслала ей вкладъ въ Петербургъ въ государственный банкъ, оставивъ первоначальную росписку № 3282 у себя и погасивъ ее, такъ какъ всѣ отношенія по вкладу московской конторы прекращались высылкой вклада. Истребовавъ вкладъ, Мертваго оставила его въ государственномъ банкѣ на храненіе по роспискѣ № 27568, съ условіемъ выдачи ей по представленіи росписки. Вотъ этотъ второй вкладъ, оставленный въ отдѣленіи вкладовъ въ С.-Петербургѣ по роспи-

скѣ № 27568, и выданъ былъ въ 1905 г. по подложной довѣренности С. Д. Мертваго при обстоятельстве, исключających, какъ это объяснено, всякую за это отвѣтственность банка.

Возражая какъ противъ объясненій повѣренныхъ государственнаго банка, такъ и противъ притязаній третьяго лица, повѣренный А. П. Мертваго и вступившей въ дѣло за смертью Б. П. Мертваго вдовы его А. А. Мертваго, присяжный повѣренный М. Б. Горенбергъ, изложилъ слѣдующее. Первоначально С. Д. Мертваго внесла въ московскую контору государственнаго банка по объявленію отъ 19 іюля 1865 года вкладъ на храненіе подъ условіемъ выдачи его ей или О. Д. Масловой и обозначила процентныя бумаги принадлежащими О. Д. Масловой. С. Д. Мертваго получила росписку за № 3282. Въ 1867 г. она представила эту росписку въ сиб. контору и потребовала выдачи ей этого вклада. Вкладъ былъ переведенъ изъ московской конторы въ Сиб. и выданъ С. Д. Мертваго. Последняя внесла его на храненіе въ сиб. контору подъ росписку за № 27.568 въ 1867 г. Въ 1905 г. вкладъ этотъ выданъ былъ по подложной довѣренности лицу именовавшему себя Сабуровымъ. Въ сентябрѣ того же 1905 г. предъявленъ искъ братьями Мертваго о выдачѣ имъ стоимости вклада по роспискѣ за № 27568. О. Д. Маслова (Алфеева), въ качествѣ третьяго лица оспариваетъ право на вкладъ. Но она основывается на роспискѣ за № 3282, по которой вкладъ въ 1867 г. былъ выданъ С. Д. Мертваго. Если О. Д. Маслова считаетъ эту выдачу неправильной и не покрытой давностью, то она можетъ предъявить къ государственному банку особый искъ объ убыткахъ. Но въ качествѣ 3-го лица ей нечего дѣлать въ настоящемъ процессѣ, ибо она предъявляетъ самостоятельное право не на предметъ, отыскиваемый истцомъ (ст. 665 уст. гр. суд.), а на другой предметъ и по другому основанію. Ей должно быть поэтому отказано въ искѣ. Что касается возраженій банка о неответственности его за выданный по подложной довѣренности вкладъ, то ссылка его на рѣш. сен. 1882 г. № 114 и 1884 г. № 63 не убѣдительна. Тамъ другія отношенія и вина чекодателя и лица, отъ имени котораго была сдѣлана надпись на трансфертѣ. Согласно ст. 2108 X т. ч. 1 св. зак. гр., принявшій имущество на сохраненіе долженъ возратить его тому, кто оное ему отдалъ и т. д. Если онъ сдѣлался жертвой подлога, то послѣдствія этого несчастнаго случая онъ долженъ нести самъ и все-таки выполнить договоръ. На хранителѣ лежитъ отвѣтственность за цѣлость вѣреннаго ему имущества (ст. 2105 т. X ч. 1 св. зак. гр.) и за выдачу его неполлежашему лицу (ст. 2108). Рѣш. гр. касс. деп. № 112 1899 года. Но если даже стать на ту точку зрѣнія, что государственный банкъ отвѣчаетъ лишь въ случаѣ какого либо съ его стороны нерадѣнія, то послѣднее имѣется, несомнѣнно, на лицо. Такъ какъ вкладъ, внесенный въ 1867 г. С. Д. Мертваго, хранился въ государственномъ банкѣ около 40 лѣтъ безъ того, чтобы владѣльца о немъ справлялась, получала по нему проц. т. е., то это одно уже должно было навести банкъ на мысль о томъ, не умерла ли владѣлица, и банкъ долженъ былъ, во всякомъ случаѣ, со вниманіемъ отнестись къ письменнымъ отвѣтамъ лица, которое, яко бы по довѣренности живой С. Д. Мертваго, получило ее вкладъ. Между тѣмъ отвѣты эти, данные на предложенные банкомъ вопросы, противорѣчили имѣвшемуся въ рукахъ банка объявленію о взносѣ вклада и не могли, очевидно, исходить отъ С. Д. Мертваго. Такъ, на вопросъ о томъ, когда и кѣмъ были внесены влады и кѣмъ подписаны взносныя объявленія, отвѣтъ былъ данъ: „кѣмъ, не знаю, вѣроятно, отцомъ или матерью довѣрительницы“. Отвѣтъ этотъ не могъ быть данъ ни С. Д. Мертваго, ни съ ее словъ, ибо она сама внесла вкладъ и сама подписала объявленіе. Не могла она также, на вопросъ о томъ, гдѣ жилъ вкладчикъ при внесеніи вкладовъ, отвѣтить: „не знаю“. Выдача

вклада, при наличности указанныхъ противорѣчій безъ какой либо попытки со стороны банка выяснить эти противорѣчія, свидѣлствуетъ о нерадѣніи банка въ охранѣ вѣреннаго ему имущества, вопреки правилу ст. 2105 X т. ч. 1 св. зак. гр., въ силу котораго „принявшій на сохраненіе какія либо вещи, деньги или акты, обязанъ употреблять къ обезпеченію оныхъ отъ всякаго поврежденія, утраты, пропажи и похищенія такое же стараніе, какъ и о собственномъ своемъ имуществѣ“. По этимъ соображеніямъ пов. наслѣдниковъ С. Д. Мертваго просилъ объ удовлетвореніи его иска.

Возражая повѣренному О. Д. Масловой (по мужу Алфеевой), прис. пов. Горенбергъ объяснилъ, что напрасно повѣренный Масловой не придаетъ должнаго значенія выдачѣ новой росписки С. Д. Мертваго банкомъ. Нахожденіе старой перечеркнутой росписки за № 3282 въ рукахъ поклажепринимателя банка, свидѣлствуетъ о томъ, что прежнія отношенія по вкладу за № 3282 покончены, выдача же новой росписки за № 27.568 свидѣлствуетъ о заключеніи новаго договора на новыхъ условіяхъ безъ упоминанія объ О. Д. Масловой. Последняя не можетъ поэтому протирать на вкладъ никакихъ правъ. Ссылка повѣреннаго Масловой на копію отношенія сиб. конторы въ московскую контору государственнаго банка отъ 9 декабря 1903 года № 115.432—14.345, гдѣ (въ копіи) имѣется приписка объ отсутствіи вкладовъ на имя С. Д. Мертваго, основана на недоразумѣніи. Помѣщенная въ копіи непосредственно за текстомъ отношенія, приписка находится внизу третьей пустой страницы подлиннаго отношенія и сдѣлана рукою чиновника, которому поручено было, можетъ быть, навести справку. Но она могла быть замѣнена болѣе достоверною справкою другого чиновника и во всякомъ случаѣ, не составляла отвѣта московской конторы государственнаго банка его петербургской конторѣ, относясь къ внутреннему дѣлопроизводству московской конторы. Офіціальнѣйшій отвѣтъ на вопросъ о томъ, за кѣмъ числился вкладъ въ московской конторѣ, содержитъ въ себѣ представленная въ сегодняшнемъ засѣданіи повѣреннымъ банка выписъ изъ книгъ московской конторы государственнаго банка. Она только и имѣетъ юридическое значеніе. Что касается вопроса о правѣ банка на переводъ вклада изъ Москвы въ Петербургъ въ 1867 году по требованію С. Д. Мертваго, то государственный банкъ, несомнѣнно, вправѣ былъ это сдѣлать. Маслова основываетъ свои притязанія исключительно на томъ, что вкладъ внесенъ былъ въ 1865 году г-жею Мертваго, какъ принадлежащій ей, Масловой. Это обстоятельство не имѣетъ, однако, рѣшающаго значенія. Его нужно поставить въ сряду съ одной стороны съ дальнѣйшимъ содержаніемъ объявленія С. Д. Мертваго отъ 19 іюля 1865 г., гдѣ сказано, что вкладъ подлежитъ выдачѣ вкладчикѣ или О. Д. Масловой по представленіи росписки, изъ чего видно, что вкладъ былъ условный и съ другой стороны тѣмъ, что О. Д. Маслова (Алфеева) показала судебному слѣдователю. Изъ показанія послѣдней видно, что С. Д. Мертваго ничего ей должна не была и что, по предположенію О. Д. Масловой, С. Д. Мертваго, внося вкладъ, хотѣла исполнить изустную волю покойнаго ея дяди, который собирался завѣщать Масловой 25.000 руб., но не исполнилъ этого. Если допустить, что дѣло происходило именно такъ, какъ объясняетъ это г-жа Маслова, то С. Д. Мертваго не довела все-таки своего намѣренія до конца. Такъ какъ рѣчь идетъ о движимомъ имуществѣ, то передача его могла послѣдовать посредствомъ передачи г-жѣ Масловой росписки. По показанію же послѣдней, С. Д. Мертваго не только не передала ей росписки, но даже ничего не сказала ей о вкладѣ, о которомъ г-жа Маслова узнала лишь послѣ того, какъ онъ выданъ былъ въ 1905 г. по подложной довѣренности. Право собственности на вкладъ г-жѣ Масловой никогда такимъ образомъ не-

редано не было. С. Д. Мертваго, внеся въ государственный банкъ вкладъ, какъ принадлежащій О. Д. Масловой, сохранивъ за собою право полученія вклада обратно и обусловивъ выдачу его Масловой представлениемъ росписки, которая, въ зависимости отъ воли С. Д. Мертваго, подлежала еще или не подлежала передачѣ Масловой, сохранила за собою право собственности на вкладъ и когда она, въ 1867 г., представивъ оставшуюся въ ея рукахъ росписку, потребовала перевода изъ Москвы и выдачи ей вклада, то банкъ вправѣ и обязанъ былъ это сдѣлать. Взаимныя отношенія между третьимъ лицомъ и истцомъ должны разрѣшаться на основаніи общегражданскихъ законовъ, а не на основаніи инструкцій, изданныхъ для банка, такъ же точно, какъ если бы банкъ внесъ въ депозитъ суда спорный вкладъ, предоставивъ окружному суду разобраться въ спорныхъ между собою претензіяхъ Масловой и Мертваго. Повѣренный банка, защищаясь противъ упрека въ нерадѣніи, указываетъ на то, что отвѣты при полученіи вклада не могли быть провѣрены, такъ какъ банкъ не можетъ стѣснять постороннихъ лицъ требованіемъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній, иначе публика не будетъ къ нему обращаться. Но одно изъ двухъ—либо банкъ не желаетъ стѣснять публику, тогда онъ долженъ отвѣчать за вкладъ, хотя бы онъ не былъ виноватъ въ его неподлежащей выдачѣ; либо же онъ отвѣчаетъ лишь при наличности вины, но тогда, чтобы освободиться отъ упрека въ нерадѣніи, онъ долженъ требовать точныхъ и достовѣрныхъ отвѣтовъ на вопросы, которымъ онъ, при выдачѣ вкладовъ по утеряннымъ роспискамъ, придаетъ, очевидно, важное значеніе, иначе онъ не предлагалъ бы ихъ лицамъ, требующимъ выдачи вкладовъ.

Дѣло это слушалось въ с.-пегербургскомъ окружномъ судѣ по 4 отдѣленію 4 февраля 1910 г. Резолюціей, объявленной 18 того же мѣсяца, окружный судъ удовлетворилъ исковыя требованія А. П. и А. А. Мертваго, отказавъ въ искѣ вступившей въ дѣло въ качествѣ третьяго лица О. Д. Алфеевой.

Иркутскій окружный судъ.

(Дѣло о побѣгѣ изъ тюрьмы).

24 февраля иркутскимъ окружнымъ судомъ было частично заслушано нѣсколько разъ откладывавшееся дѣло о побѣгѣ изъ Александровской центральной тюрьмы въ ночь на 17 января 1905 года такъ называемыхъ „романовцевъ“ (политическихъ арестантовъ, обвинявшихся въ вооруженномъ сопротивленіи въ г. Якутскѣ въ домѣ нѣкоего Романова).

Побѣгъ былъ совершенъ черезъ подкопъ. Всего бѣжало 15 человекъ, а именно: 1) Тимофей Трифоновъ, 2) Мордухъ Каммермахеръ, 3) Александръ Журавлевъ, 4) Лаврентій Джахадзе, 5) Лейба Рудовскій, 6) Лейба Соколинскій, 7) Аванесъ Погосовъ, 8) Маркъ Оржеровскій, 9) Давидъ Викарь, 10) Виноградовъ, 11) Зельманъ Фридь, 12) Йосель Гельфандъ, 13) Конст. Солодуха, 14) Илья Хацкевичъ и 15) Викторъ Рабиновичъ.

Въ ту же ночь обходомъ сотскихъ были задержаны въ с. Александровскомъ однѣ изъ другихъ трое сани. Сани были одинаковаго устройства и лошади по своимъ достоинствамъ также были приблизительно одинаковы.

Сначала обходъ задержалъ быстро ѣхавшаго по направленію изъ города въ с. Александровское неизвѣстнаго мужчину. На вопросъ сотскихъ, послѣдній объяснилъ, что ѣдетъ въ с. Олонки за коноплянымъ масломъ. Въ санихъ у него оказались двѣ рожи и шуба. Неизвѣстный предъявилъ паспортъ на имя кр. с. Знаменки Ив. Серебряникова; сотскіе,

подозрѣвая въ немъ конокрада, арестовали его. Затѣмъ тотъ же обходъ остановилъ быстро ѣхавшія сани изъ села. Отвѣты возницы не удовлетворили сотскихъ и они заглянули въ сани подъ рогожу, откуда неожиданно выскочили двое мужчинъ. Слѣдомъ ѣхали другія сани безъ кучера. Онѣ также были остановлены и въ нихъ подъ рогожей оказались трое. Всѣ 6 человекъ были задержаны и впоследствии оказались бѣжавшими въ ту ночь изъ тюрьмы: Трифоновымъ, Викаремъ, Каммермахеромъ, Виноградовымъ, Журавлевымъ и Рудовскимъ.

Затѣмъ на станц. Нижнеудинскъ 23 января былъ задержанъ Погосовъ, 24-го Соколинскій и 26-го—Джахадзе.

Такимъ образомъ, совершенно скрылись изъ бѣжавшихъ только 6 человекъ, а именно: Фридь, Гельфандъ, Оржеровскій, Солодуха, Хацкевичъ и Рабиновичъ.

Задержанные же 9 человекъ были преданы суду по обвиненію по 3 ч. 309 ст. ул. о нак., предусматривающей побѣгъ заключенныхъ съ общаго согласія со взломомъ тюрьмы, но безъ насилія противъ стражи. Кроме того, Ив. Серебряниковъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за содѣйствіе указанному преступленію, такъ что всѣхъ обвиняемыхъ 10 человекъ. Явка ихъ на судъ признава необязательной, но повѣстки о назначеніи дѣла къ слушанію вручены только Виноградову и Викарю. Остальнымъ повѣстки не вручены за ихъ нерозыскомъ. Дѣло о нихъ выдѣлено и слушалось только въ отношеніи Виноградова и Викаря.

Судебное слѣдствіе ничего новаго не прибавило къ фактической сторонѣ дѣла, изложенной въ обвинительномъ актѣ.

Защитникъ подсудимыхъ, прис. повѣр. Кроль, не видитъ въ данномъ дѣлѣ состава преступленія. Для наличности 3 ч. 309 ст. необходимо, кроме взлома тюрьмы, предварительное соглашеніе обвиняемыхъ. Таковое по дѣлу не установлено. Побѣгъ же самъ по себѣ, безъ указанныхъ элементовъ, не считается преступленіемъ. Подсудимыхъ нельзя судить какъ ссыльно-каторжныхъ, такъ какъ состоявшійся о нихъ приговоръ якутскаго окружнаго суда не вошелъ еще въ законную силу. Кроме того, надо принять во вниманіе то психическое состояніе, подъ вліяніемъ котораго подсудимые рѣшились на побѣгъ. Они были осуждены судомъ на 12 лѣтъ каторги, между тѣмъ чувствовали себя совершенно невиновными и были глубоко убѣждены, что они являются жертвой судебной ошибки. Въ ожиданіи пересмотра дѣла палатой они томились въ тюрьмѣ. Понятно, что при такомъ душевномъ состояніи они считали себя нравственно вправѣ совершить побѣгъ. Ихъ убѣжденіе въ своей невиновности впоследствии оправдалось. Иркутская судебная палата, рассмотрѣвъ ихъ дѣло, постановила обратиться съ ходатайствомъ на Высочайшее имя о замѣнѣ назначеннаго судомъ наказанія 2 годами крѣпости съ зачетомъ предварительнаго заключенія. Сепаратнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 26 октября 1905 года всѣ осужденные были совершенно помилованы и восстановлены въ правахъ. Защитникъ полагаетъ, что Высочайшій манифестъ отъ 26 октября 1905 года распространяется и на совершенный подсудимыми 17 января того же года побѣгъ. Министръ юстиціи въ то время зналъ уже о побѣгѣ.

Судъ вынесъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ.

Изъ иностранной юридической жизни.

Измѣненіе закона о печати 9 іюля 1881 г.

Новое измѣненіе закона о печати, принятое французской палатой депутатовъ и поступившее на разсмотрѣніе сената, вызываетъ со стороны прессы энергич-

ные протесты. Принятый параграфъ редактированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Карается штрафомъ въ размѣрѣ отъ 500 до 1000 франк. выставленіе въ публичномъ мѣстѣ или воспроизведеніе въ періодическихъ изданіяхъ фотографическихъ снимковъ, рисунковъ, набросковъ, изображающихъ картину преступленій, караемыхъ ст. ст. 295, 296, 297, 298, 299, 300 Code pénal, если эти преступленія не покрыты десятилѣтней давностью.

Карается аналогичнымъ образомъ воспроизведеніе обстановки предварительнаго слѣдствія по данному дѣлу, а также картина выполненія наказанія и представляющихъ ему деталей“.

Послѣдній абзацъ непосредственно направленъ противъ обычныхъ изображеній въ прессѣ гильотинирования преступниковъ.

„Допустимыми изображеніями—заключаетъ новый параграфъ—считаются тѣ, которыя способствуютъ ходу предварительнаго слѣдствія и на печатаніе которыхъ испрошено предварительное согласіе судебной власти.

Точно также карается выше помѣченной мѣрой продажа картинъ, эскизовъ etc., изображающихъ воображаемыя преступленія (crimes imaginaires).

ХРОНИКА.

Правит. сенатъ разъяснилъ, что вопросъ о томъ, укрѣпляется ли продаваемое на публичныхъ торгахъ имущество за кредиторомъ въ томъ случаѣ, когда кредиторъ заявилъ объ оставленіи за собою имущества послѣ утвержденія продажи, долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что если за утвержденіемъ продажи послѣдовало признаніе торговъ, состоявшихся, означенное заявленіе кредитора теряетъ всякое юридическое значеніе. Въ случаѣ же признанія послѣ утвержденія продажи торговъ несостоявшихся, судьба означеннаго заявленія зависитъ отъ того, сдѣлано ли оно послѣ или до укрѣпленія имущества за вторымъ покупщикомъ. Будучи сдѣлано послѣ помянутаго укрѣпленія, оно также не влечетъ за собою никакихъ юридическихъ послѣдствій, но если оно сдѣлано до сего укрѣпленія,—то обусловливаетъ укрѣпленіе имущества за кредиторомъ. (Опр. 9, X, 1909 г., № 201).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ: а) что прекращеніе производства чиновникамъ содержанія, при увольненіи ихъ отъ службы, опредѣляется временемъ послѣдованія о томъ приказа и б) что правило это примѣнимо ко всѣмъ чиновникамъ, «изъ какихъ бы источниковъ содержаніе имъ ни производилось». Изъятіе изъ этого общаго для всѣхъ чиновниковъ правила канцелярскихъ чиновниковъ, получающихъ жалованье изъ общей суммы, штатомъ положенной на содержаніе канцеляріи, не находитъ себѣ указаній въ законѣ и было бы неправильнымъ. Поэтому, на основаніи ст. 571 уст. служеб. правит., болѣзненное состояніе чиновника въ промежутокъ времени между представленіемъ (или подачей прошенія) объ увольненіи и самымъ увольненіемъ по приказу, не лишаетъ его права на полученіе со-

держанія по день приказа. (Опр. 9, V, 1909 г. № 155).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что законъ воспрещаетъ не только совершеніе купчихъ крѣпостей и другихъ актовъ, по которымъ иностранцы и нехристіане (за исключеніемъ туземцевъ) могли бы пріобрѣтать въ собственность земли въ степныхъ областяхъ, но и всякихъ вообще актовъ на земли, а, слѣдовательно, и такихъ, по которымъ эти лица въ данной мѣстности могли бы владѣть и распоряжаться землями болѣе или менѣе продолжительное время на иномъ правѣ. При такомъ категорическомъ воспрещеніи совершать всякіе вообще акты на земли въ степномъ краѣ на имя указанныхъ лицъ (которымъ воспрещено пріобрѣтать земли), не можетъ быть допущено, между прочимъ, какъ совершеніе актовъ о сдачѣ имъ земли въ аренду, такъ и выдача горнымъ вѣдомствомъ или замѣняющимъ его учрежденіемъ официальныхъ документовъ на право владѣнія землей для горнаго и золотого промысла въ предѣлахъ степныхъ областей. (Опр. 23, X, 1909 г., № 242).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что въ мѣстностяхъ, въ коихъ не введены въ дѣйствіе положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и временныя правила о волостномъ судѣ 12-го іюля 1889 года, подвѣдомственные волостнымъ судамъ дѣла, равно какъ и возникающіе по поводу дѣятельности послѣднихъ судебные вопросы, могли восходить въ инстанціонномъ порядкѣ во второй департаментъ правительствующаго сената, который отнюдь не былъ лишень права входить въ ихъ разсмотрѣніе. Въ мѣстностяхъ же, въ коихъ введены въ дѣйствіе названныя положенія и правила, изъясненныя дѣла и вопросы подлежатъ окончательному разрѣшенію губернскихъ присутствій и могутъ восходить на обсужденіе соединеннаго присутствія правительствующаго сената лишь въ особомъ порядкѣ, предусмотрѣнномъ ст. 119⁵ учр. суд. уст. (Опр. 29, V, 1909 г. № 166).

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что подъ дѣйствіе закона 29 апрѣля 1896 г. могли подходить лишь частновладѣльческія пропинаціонныя права, образовавшіяся исторически изъ прежнихъ доминіальныхъ отношеній и, слѣдовательно, принадлежавшія по отношенію къ опредѣленнымъ районамъ частнымъ лицамъ единственно въ силу особыхъ привилегій или прежде принадлежавшихъ имъ вотчинныхъ правъ. Изъ этого въ свою очередь вытекаетъ, что подобныя права никоимъ образомъ не могли принадлежать городскому поселенію въ качествѣ самостоятельнаго юридического лица, такъ какъ, очевидно, что городъ не могъ находиться въ доминіальныхъ отношеніяхъ къ самому себѣ, а, слѣдовательно, и принадлежавшее ему право продажи питей не могло имѣть ничего общаго съ тѣмъ монопольнымъ правомъ, которое предусматривалось закономъ 29 апрѣля 1896 г. Правильность изъяснен-

наго заключенія вполне подтверждается точнымъ смысломъ ст. 8 Высочайшаго указа ^{28 октября} 9 ноября 1866 г., которая прямо предусматриваетъ исключительное право пропинаціи, принадлежащее «владѣльцамъ» городовъ, а отнюдь не самымъ послѣднимъ. (Опр., 6, XI, 1909, № 265).

По случаю выбытія изъ состава государственнаго совѣта члена по выборамъ отъ губернскаго земства, если до окончанія срока, на который онъ былъ избранъ, остается болѣе года и если нѣтъ кандидата, который могъ бы, на основаніи ст. 24 учрежденія государственнаго совѣта (св. зак. т. I, ч. 2, изд. 1908 г.), замѣнить выбывшаго, губернскимъ собраніемъ производятся новые выборы члена государственнаго совѣта для замѣщенія выбывшаго на остающійся срокъ его полномочій.

За отсутствіемъ въ учрежденіи государственнаго совѣта точныхъ указаній, министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ въ прав. сенатъ съ ходатайствомъ о разъясненіи вопроса, должны ли въ такихъ случаяхъ производиться губернскимъ земскимъ собраніемъ новые выборы члена гос. совѣта изъ состава лицъ, занесенныхъ въ прежній списокъ, составленный для тѣхъ выборовъ, на которыхъ состоялось уже избраніе члена государственнаго совѣта отъ земства на текущее трехлѣтіе, или для такихъ дополнительныхъ выборовъ всякій разъ должны быть составляемы и въ надлежащемъ порядкѣ публикуемы новые списки всѣхъ лицъ, которыя ко времени опубликованія такихъ списковъ окажутся имѣющими право быть избранными въ члены государственнаго совѣта.

Любопытный вопросъ разсматривался въ засѣданіи 12 марта въ первомъ общемъ собраніи правительствующаго сената. Въ январѣ 1900 г. состоялось рѣшеніе витебскаго окружного суда о размежеваніи дачи сельца Хрусталева, дриссенскаго уѣзда. Рѣшеніе это вошло въ законную силу и было сообщено для исполненія витебскому губернскому правленію. Однако, исполненіе этого рѣшенія было приостановлено витебскимъ губернаторомъ въ виду того, что на основаніи межевыхъ законовъ витебскій окружный судъ, разрѣшая этотъ вопросъ о разверстаніи угодій между помѣщикомъ Бобатынскимъ и крестьянами деревни Хрусталева, обязанъ былъ привлечь къ участию въ дѣлѣ мѣстныхъ крестьянскія учрежденія, чего, однако, не было сдѣлано, а также въ виду затребованныхъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній по жалобѣ крестьянъ деревни Хрусталева на стѣсненіе ихъ владѣльцемъ Бобатынскимъ въ землепользованіи. Возникающій въ этомъ дѣлѣ вопросъ о правѣ администраціи приостанавливать собственной властью приведеніе въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ вызвалъ между сенаторами перваго департамента разногласіе: часть сенаторовъ полагала поручить витебскому губернатору, въ виду непривлеченія къ участию въ дѣлѣ мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений, направить это дѣло въ порядкѣ 801 ст. уст. гражд. судопр., на основаніи

которой просьбы объ отиѣнѣ рѣшеній подаются въ кассационный департаментъ правительствующаго сената. Другая же часть сенаторовъ находила, что такое право администраціи не принадлежитъ. Въ такомъ же смыслѣ далъ заключеніе и оберъ-прск. 1-го департамента, въ виду того, что, по категорическому предписанію 893 ст. устава гражданск. судопр., такія рѣшенія обязательны «не только для тяжущихся, но и для суда, постановившаго оныя, а также для всѣхъ прочихъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ имперіи». Истолкованіе же истиннаго смысла вступившаго въ силу судебного рѣшенія можетъ послѣдовать, согласно разъясненію гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената, лишь въ порядкѣ 964 ст. устава гражд. судопр., т. е. принадлежитъ лишь суду, постановившему рѣшеніе, причемъ можетъ послѣдовать по представленію исполняющихъ рѣшенія должностныхъ лицъ лишь при наличности жалобъ сторонъ на исполненіи этихъ рѣшеній.

Въ первомъ общемъ собраніи мѣнія сенаторовъ тоже раздѣлились, и дѣло переходитъ въ консултацию при министерствѣ юстиціи.

Военнымъ министерствомъ внесенъ въ госуд. думу законопроектъ объ измѣненіи статей устава о воинской повинности, касающихся государственнаго ополченія. Главныя положенія означеннаго законопроекта заключаются въ слѣдующемъ: 1) государственное ополченіе предполагается въ случаѣ надобности, во время войны, формировать не распоряженіемъ гражданскихъ властей, по дѣйствующему нынѣ уставу о воинской повинности, а распоряженіемъ военнаго вѣдомства, причемъ всѣ расходы по формированію ополченія будутъ относиться на средства государственнаго казначейства, а не на средства земствъ, и 2) для формированія ополченческихъ частей, ратники будутъ призываться не равномерно со всей территоріи имперіи, а только изъ тѣхъ районовъ, гдѣ это будетъ признано необходимымъ по обстоятельствамъ военнаго времени.

Судебная коммиссія гос. думы, при разсмотрѣніи поправокъ проекта мѣстнаго суда, приняла принципиально институтъ судебныхъ приказовъ и поправку Гродзицкаго о томъ, что мировые судьи не подчиняются дисциплинарной власти судебныхъ палатъ.

Въ главномъ управленіи почтъ и телеграфовъ возбужденъ вопросъ объ измѣненіи существующаго порядка судебной отвѣтственности чиновъ финляндскаго почтоваго вѣдомства въ томъ смыслѣ, чтобы преступныя дѣянія по службѣ разсматривались не мѣстными финляндскими судами, а установленіями петербургскаго округа.

Въ министерство торговли и промышленности поступилъ составленный московскимъ биржевымъ комитетомъ проектъ измѣненій устава торговаго су-

допроизводства въ той его части, которая касается дѣла торговой несостоятельности.

По проекту комитета, вопросъ о повинности должника въ злостномъ или простомъ банкротствѣ подлежитъ разрѣшенію суда въ порядкѣ уголовного производства, для чего суды гражданскіе немедленно сообщаютъ прокурору копію опредѣленія объ объявленіи должника несостоятельнымъ. До свѣдѣнія прокурора доводятся и улики въ злостномъ банкротствѣ, обнаруженныя при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла.

Администрація по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ допускается, согласно проекту, только въ столицахъ и городахъ, гдѣ существуютъ биржи, и учреждается какъ для возстановленія дѣла, такъ и для ликвидаціи ихъ по просьбѣ большинства кредиторовъ, въ томъ случаѣ, если по представленному должникомъ балансу дефицитъ не превышаетъ 25%. Администрація, за особыми исключеніями, учреждается на срокъ не свыше 5-ти лѣтъ.

По ходатайству абсолютнаго большинства, комитетъ можетъ разрѣшить обращеніе администраціи, учрежденной для возстановленія дѣла, въ администрацію для ликвидаціи ихъ. Администраторы избираются кредиторами большинствомъ голосовъ по количеству долговой суммы. Претензіи кредиторовъ не раздѣляются администраціей на роды и разряды, и дивидендъ отчисляется на всѣ заявленныя и относящіяся къ спорнымъ претензіи. По окончаніи ликвидаціи никто изъ кредиторовъ не имѣетъ права просить судъ объ объявленіи должника несостоятельнымъ, кромѣ случая злостности.

По частной жалобѣ кредиторовъ, судъ имѣетъ право обратить ликвидацію въ конкурсъ, въ случаѣ обнаруженія признаковъ злостности. Должникъ по проекту, считается несостоятельнымъ только въ 4-хъ случаяхъ: когда онъ самъ объявитъ передъ судомъ о недостаточности его имущества для удовлетворенія всѣхъ должниковъ, когда о томъ же донесутъ суду кредиторы со словъ своего должника, когда наследники заявятъ на судъ, что не вступаютъ въ наследство по несоразмѣрности его съ долгами и не явятся въ срокъ по публикаціи и когда должникъ прекратитъ платежи.

Министерство торговли съ своей стороны подготовить матеріалъ къ проектируемому въ началѣ апрѣля особому междувѣдомственному совѣщанію по вопросу, затронутому московскимъ биржевымъ комитетомъ.

7-го марта состоялось годовое общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты, небывалое еще по своей многочисленности: кворумъ былъ—469 чел., къ 1 ч. 30 мин. пополуночи явилось 514, и на этомъ запись была закончена. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ записками Н. К. Муравьевъ. Отчеты совѣта за два послѣдніе года и заключенія по нимъ ревизіонной комиссіи были утверждены единогласно. Затѣмъ доложены были пожеланія, высказанныя на послѣднемъ предвыборномъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ 2-го марта

и предложенныя на обсужденіе общаго собранія въ слѣдующей редакціи:

I. Призывая необходимымъ принятіе мѣръ къ оживленію общественной жизни въ цѣляхъ укрѣпленія сословной организаціи и практическаго разрѣшенія вопросовъ, касающихся интересовъ сословія, общее собраніе поручаетъ совѣту въ возможно непродолжительномъ времени созвать частное общее собраніе для обсужденія вопроса объ организаціи періодическихъ частныхъ собраній и для избранія въ помощь совѣту особаго органа для созывовъ частныхъ общихъ собраній и для подготовки матеріаловъ для ихъ занятій. II. Общее собраніе признаетъ желательнымъ, чтобы: 1) совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ выработалъ наказъ, опредѣляющій внутренній распорядокъ дѣятельности совѣта; 2) чтобы въ частности совѣтъ при разсмотрѣніи дисциплинарныхъ дѣлъ устанавливалъ, по возможности, опредѣленную очередь дѣлъ, и 3) чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда явка присяжнаго повѣреннаго въ засѣданіе совѣта не является необходимой въ интересахъ выясненія дѣла, это обозначалось бы на повѣсткахъ отмѣткой: «Явка не обязательна». III. Признать желательнымъ: 1) чтобы при каждомъ избраніи членовъ совѣта обязательно выбыли трое членовъ изъ числа пробывшихъ въ совѣтѣ большее число избраній подрядъ; 2) чтобы обязательно выбывшія лица могли быть избраны вновь въ слѣдующіе за годомъ обязательнаго выбытія выборы; 3) въ должности какъ предсѣдателя, такъ и товарища предсѣдателя одни и тѣ же лица не могутъ баллотироваться болѣе трехъ выборовъ подрядъ; 4) обязательно выбывающіе изъ должностей предсѣдателя совѣта и товарища предсѣдателя могутъ баллотироваться въ тѣ же выборы: предсѣдатель—на должность товарища и наоборотъ, и оба въ члены совѣта, и 5) если предсѣдатель совѣта и его товарищ должны выбыть изъ этихъ должностей одновременно, то предсѣдатель остается и выбываетъ лишь въ слѣдующіе выборы. IV. Ежегодно совѣтъ вмѣстѣ съ отчетомъ предлагаетъ смѣту расходовъ и прихода ближайшаго года на утвержденіе общаго собранія. Безъ утвержденія общаго собранія совѣтъ не долженъ измѣнять размѣра ежегоднаго сбора на нужды сословія. Размѣръ вступительныхъ взносовъ также устанавливается общимъ собраніемъ. V. Матеріалы совѣтскихъ опредѣленій желательно для болѣе удобнаго ознакомленія съ ними печатать и рассылать періодически. Опредѣленія, не имѣющія значенія, могутъ не печататься. Въ опредѣленіяхъ, имѣющихъ значеніе, желательна болѣе тщательная обработка матеріала. Опредѣленія, имѣющія принципиальное значеніе, печатаются по возможности полностью. Рѣшеніе вопроса о томъ, какія опредѣленія имѣютъ значеніе, какія не имѣютъ, предоставляется совѣту, но не могутъ быть признаны неимѣющими значенія опредѣленія, которыми членъ сословія подвергнутъ какому либо дисциплинарному взысканію. Первымъ высказывается по поводу этихъ пожеланій прис. пов. Н. М. Ждановъ. Онъ указываетъ на цѣлый рядъ уже извѣстныхъ всѣмъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что противъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ реакціей начать походъ. При такихъ

условіяхъ сословію необходимо сплотить всѣ свои силы, чтобы противопоставить ихъ силамъ реакціи. Прочная организація необходима и для рѣшенія важныхъ очередныхъ вопросовъ сословной жизни и вопросовъ права. Прис. пов. Измайловъ подходит къ дѣлу съ другой стороны. По его мнѣнію, корень неблагополучія сословія въ немъ самомъ; вся бѣда въ переполненіи сословія въ столицахъ и въ большихъ центрахъ. Необходимо установить комплектъ, въ смыслѣ максимума, выше котораго никто не можетъ быть принятъ въ сословіе. Для достиженія этого онъ находитъ возможнымъ предложить даже такую мѣру, какъ прекращеніе приѣма въ помощники прис. повѣренныхъ въ 1910 и въ 1911 гг. Г. Измайлову возражалъ г. Югансонъ. Не расчетъ на хорошіе заработки привлекаетъ массу молодежи въ ряды помощниковъ. Переполненіе сословія создается условіями переживаемого нами времени, — невозможностью для интеллигентныхъ, способныхъ и нежелающихъ поступаться своею самостоятельностью людей идти на государственную службу. Установленіе комплекта въ предложенномъ г. Измайловымъ смыслѣ нелепое, — это значило бы прекратить притокъ въ сословіе новыхъ силъ и дарованій.

Выслушавъ еще нѣсколько ораторовъ, общее собраніе постановило передать выработанныя предвыборнымъ собраніемъ пожеланія въ совѣтъ съ порученіемъ разработать ихъ и созвать для ихъ обсужденія въ ближайшемъ будущемъ частное общее собраніе.

Въ Минскомъ уѣздномъ сѣздѣ евреи не допускаются къ защитѣ по уголовнымъ дѣламъ.

Прис. пов. Кроненблехъ-Кронскій и Ляпшицъ, явившись въ камеру одного изъ мировыхъ судей, прошли и сѣли, какъ это принято, за перегородкой. Мировой судья удалилъ ихъ оттуда, сославшись на распоряженіе председателя сѣзда мировыхъ судей гор. Варшавы. Прис. повѣренные, признавая это распоряженіе незаконнымъ, не пожелали ему подчиниться, послѣдствіемъ чего была жалоба председателя сѣзда на адвокатовъ К. и Л. въ окружный судъ. Въ жалобѣ своей предс. сѣзда требовалъ привлеченія адвокатовъ къ дисциплинарной отвѣтственности, на томъ основаніи, что даже его незаконныя требованія должны быть выполняемы... Общее собраніе отдѣленій окружнаго суда не согласилось, однако, съ этими мотивами и рѣшило жалобу председателя сѣзда оставить безъ послѣдствій, не требуя даже отъ адвокатовъ объясненій по существу дѣла.

Рѣдкій въ судебной практикѣ случай произошелъ на дняхъ въ Кременчугѣ.

Военный судъ разсматривалъ дѣло нѣкоего Максименко, обвинявшагося въ убійствѣ съ цѣлью грабежа. Подсудимый при допросѣ сознался во всемъ. Военный судъ вынесъ приговоръ, по которому К. Максименко признанъ виновнымъ и приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, причемъ судъ, съ своей стороны, сдѣлалъ постановленіе о возбужденіи ходатайства предъ командующимъ войсками кievскаго

округа о смягченіи участи приговореннаго, но послѣдній отъ ходатайства суда отказался и просилъ привести приговоръ въ исполненіе.

Въ «Вятской Рѣчи» опубликовано письмо заключенныхъ глазовской тюрьмы съ описаніемъ цѣлаго ряда случаевъ избіеній арестантовъ администраціей тюрьмы. Всего избито 32 арестанта.

Въ Бакинской центральной тюрьмѣ часовой потребовалъ отъ арестанта, чтобы тотъ отошелъ отъ окна и прекратилъ переговоры съ лицами, стоявшими на улицѣ. Арестантъ ослушался. Часовой выстрѣлилъ и убилъ его.

Въ бобруйской тюрьмѣ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ Сѣмашко, осужденнымъ за убійство почтальона.

С.-Петербургское юридическое общество.

14-го марта 1910 г., въ 2 часа дня, подъ председательствомъ С. В. Иванова состоялось общее собраніе юридическаго общества, созванное для обсужденія отчета за 1908 г. По единогласномъ утвержденіи названнаго отчета общее собраніе было закрыто, и председатель объявилъ сткрытымъ годовое собраніе общества, которому предстояло избрать новаго председателя общества послѣ отказавшагося по болѣзни отъ переизбранія К. К. Арсеньева, далѣе — двухъ членовъ совѣта, пять членовъ ревизіонной комиссіи и казначея общества.

Слово было предоставлено дѣйствительному члену общества В. Д. Набокову, прочитавшему рѣчь на тему: „Право интерпелляціи“. Содержаніе рѣчи въ главнѣйшихъ чертахъ сводится къ слѣдующему.

Въ курсѣ конституціоннаго права извѣстнаго французскаго юриста-публициста Росси, вышедшемъ въ 1836 г., мы читаемъ:

„Воздѣйствіе представительныхъ учреждений на ходъ государственныхъ дѣлъ не есть только прямое и непосредственное, достигаемое законодательной дѣятельностью и голосованіемъ бюджета. Существуетъ также воздѣйствіе косвенное, несравненно болѣе дѣйствительное. Сколько есть вещей, которыхъ власть не дѣлаетъ, и которыя даже не приходятъ ей въ голову, благодаря тому, что существуетъ гласное обсужденіе, что существуетъ право интерпелляціи. Поэтому, хотя нужно признать, что палаты въ принципѣ не управляютъ, но онѣ контролируютъ всѣ отрасли управленія. Всѣ знаютъ, что парламентъ — тутъ („on sait, que le Parlement est là“), и это воздѣйствіе куда полезнѣе для народнаго благосостоянія и для свободы, чѣмъ вырабатываемые законы и голосуемый бюджетъ“.

Трудно себѣ представить, чтобы право интерпелляціи могло быть вознесено на большую высоту. Контролю надъ администраціей отдается предпочтеніе передъ законодательствомъ и бюджетомъ, какъ наилучшему предохранительному средству противъ всевозможныхъ злоупотребленій власти. Притомъ необходимо еще имѣть въ виду, что при такой постановкѣ вопросъ о реальныхъ послѣдствіяхъ контроля совершенно независимъ отъ послѣдствій формальныхъ, т. е. отъ наличности или отсутствія у палаты права привлекать носителей власти къ отвѣтственности или же свергать ихъ своимъ вотумомъ недовѣрія: возбудить общественное мнѣніе („emouvoir l'opinion publique“) — вотъ главная, можно даже сказать, исчерпывающая цѣль. Въ основѣ та-

кой постановки лежит признание огромного, решающего значения общественного мнения страны, лежит презумпция, что слово, произнесенное съ парламентской трибуны — наилучшее приспособленное орудие для воздействия на это общественное мнение.

Равнымъ образомъ и современный писатель Sidney Low называетъ право интерпелляцій „освѣщенной временемъ и драгоценной функцией парламента“, благодаря которой ограничивается „министерское самовластіе“.

Такъ говоритъ теорія. Возникаетъ прежде всего вопросъ, можно ли говорить общимъ образомъ о такомъ правѣ, существуетъ ли оно, какъ таковое? Вопросъ этотъ особенно остро можетъ быть поставленъ въ тѣхъ странахъ, чьи конституціи вообще умалчиваютъ объ интерпелляціяхъ.

„Ein Pseudo-Recht“ — говоритъ Лабандъ о правѣ интерпелляцій. „Ein moralisches Recht“, говоритъ Zorn. Еще далѣе идетъ Зейдель, прямо отрицающій „право“ интерпелляцій и, слѣдовательно, — обязанность представителей исполнительной власти давать отвѣты. Напротивъ того, во Франціи, гдѣ конституція умалчиваетъ о правѣ интерпелляцій, оно является аксіомой, признанной всеми въ силу принципа ответственности министровъ, какъ необходимый логическій выводъ изъ этого принципа. Нужно замѣтить, однако, что фактически, de lege lata, мы видимъ, съ одной стороны, наличность права интерпелляцій въ государствахъ, не знающихъ парламентарнаго режима, а съ другой стороны — сравнительно слабое развитіе этого права въ такой, напримѣръ, парламентарной странѣ, какъ Англія. Это приводитъ насъ къ тому заключенію, что право интерпелляцій въ дѣйствительности должно быть признано ничѣмъ инымъ, но и ничѣмъ большимъ, какъ естественнымъ и неустрашимымъ атрибутомъ народнаго представительства.

Ближайшими цѣлями интерпелляцій являются, во-первыхъ, простое освѣдомленіе, полученіе свѣдѣній и разъясненій, а затѣмъ — контроль, причемъ первоначально контроль касается того, дѣйствительно ли деньги, ассигнованныя парламентомъ, расходуются согласно назначенію. Этотъ контроль ведетъ свое начало въ Англіи къ концу XIV в. Затѣмъ вырабатывается принципъ контроля надъ законодѣрностью и надъ цѣлесообразностью въ области управленія.

Что касается цѣли информаций, то нужно замѣтить, что въ новѣйшее время эта цѣль либо отсутствуетъ вообще на задній планъ, либо осложняется другими побочными, какъ, напримѣръ, цѣли обструкціонныя или цѣли провозглашенія министрами какихъ-либо заявленій, въ которыхъ правительство заинтересовано (такъ наз. „провоцированные“ запросы). Последнюю категорію запросовъ мы чаще всего встрѣчаемъ въ области внешней политики государства, однако, они возможны и въ области политики внутренней, напримѣръ, ради демонстраціи какой-нибудь будущей линіи поведения (вспомнимъ финляндскій вопросъ въ 3-й думѣ). Съ другой стороны, поскольку интерпелляція является средствомъ для приведенія широкой огласки тому или иному факту, съ нею могутъ успешно конкурировать въ странахъ съ широко развитымъ принципомъ гласности, съ осуществленнымъ принципомъ свободы печати и другія средства: пресса, митинги и т. п. Въ виду этого можно констатировать, что цѣль контроля въ настоящее время является главной преобладающею цѣлью интерпелляцій.

Поскольку интерпелляціи преслѣдуютъ цѣли информаций, естественно, что большее или меньшее ихъ развитіе не стоитъ въ прямой связи ни съ характеромъ государственнаго строя въ данной странѣ, ни со взаимоотношеніемъ политическихъ партій между собой, ни съ отношеніемъ ихъ къ правительству и обратно.

И если въ однѣхъ странахъ предъявленіе вопросовъ информационнаго характера значительно болѣе развито, чѣмъ въ другихъ, то это зависитъ болѣе всего отъ отношенія самихъ палатъ къ принадлежащему имъ праву, — не говоря о рядѣ другихъ побочныхъ условій. Въ Англіи, гдѣ всего шире и полнѣе развилось право вопросовъ, несомнѣнно, огромное большинство вопросовъ преслѣдуетъ чисто-практическія цѣли, затрагивая весьма ограниченную область чисто мѣстныхъ, частныхъ интересовъ и мелкихъ фактовъ обыденной жизни; предъявленіе подобнаго запроса никакой политической „акціи“ не представляетъ. Именно, этимъ отсутствіемъ общеполитическаго интереса „вопросовъ“ объясняется то обстоятельство, что во французской палатѣ они сравнительно мало въ ходу. Въ Германіи же, въ Австріи и Пруссіи „вопросы“ вообще не обособились отъ „интерпелляцій“, и порядокъ, установленный тамъ для тѣхъ и другихъ, — одинъ и тотъ же.

Обращаясь, далѣе, къ важнѣйшей цѣли интерпелляцій — къ контролю палатъ надъ политикой правительства, можно было бы a priori предположить, что эта цѣль можетъ быть достигнута лишь при томъ условіи, если интерпелляціи могутъ имѣть практическое послѣдствіе, т. е. отразиться на судьбѣ министерства. Отсюда и то представленіе о связи между правомъ интерпелляцій и министерской ответственностью, которое развивается въ трудахъ французскихъ и итальянскихъ публицистовъ. Оно нуждается, однако, въ большой поправкѣ. Если нельзя отрицать, что при отсутствіи ответственности министровъ значеніе контроля палатъ существенно уменьшается, то утверждать, что въ конституціонныхъ монархіяхъ не парламентарнаго типа нѣтъ мѣста праву интерпелляцій — значитъ дѣлать ошибку теоретическую и игнорировать факты дѣйствительности. Не слѣдуетъ забывать, что въ западно-европейскихъ государствахъ, не только de jure, но и de facto обладающихъ конституціоннымъ строемъ, отсутствіе парламентарнаго режима отнюдь не означаетъ, что правительство абсолютно свободно въ своихъ отношеніяхъ къ народному представительству. Напротивъ, при правильномъ пониманіи взаимоотношеній палаты и правительства въ конституціонномъ, хотя и непарламентарномъ государствѣ совершенно очевидно, что парламентъ имѣетъ полную возможность, высказывая то или другое одобреніе или порицаніе, оказать извѣстное нравственное воздѣйствіе на правительство. Въ странахъ съ широко развитымъ, организованнымъ общественнымъ мнѣніемъ и парламентъ, и правительство одинаково должны съ нимъ считаться. Результатъ интерпелляцій, раскрывающихъ грѣхи, ошибки и вадорность правительственной политики, есть дискредитированіе правительства въ глазахъ страны. А въ современномъ культурномъ государствѣ съ развитымъ конституціоннымъ строемъ продолжительное пребываніе у власти дискредитированнаго правительства представляется невозможнымъ.

Отсюда вытекаетъ и необходимое отношеніе правительства къ интерпелляціямъ. Вопросъ объ „обязанности отвѣта“ (Antwortspflicht) разрѣшается не писаннымъ текстомъ закона. Утвердительное его рѣшеніе вытекаетъ изъ сущности взаимоотношеній между правительствомъ и народнымъ представительствомъ.

Обратимся теперь къ Россіи. Ст. 33 положенія о госуд. думѣ устанавливаетъ особую категорію интерпелляцій по точно установленному поводу: по поводу незаконнаго дѣйствія администраціи. Рядомъ съ этимъ, однако, положеніе о госуд. думѣ предусматриваетъ и другіе случаи обращенія къ министрамъ и главноуправляющимъ. Это — случаи, предусмотрѣнные ст. 40-й. Дума можетъ просить разъясненій, „непосредственно касающихся разсматриваемыхъ ею дѣлъ“. Министры и главноуправляющіе имѣютъ право отказаться отъ сообщенія думѣ разъясненій

по такимъ предметамъ, кои, по соображеніямъ государственнаго порядка, не подлежатъ оглашенію.

Такимъ образомъ, здѣсь создается два вида обращеній къ министрамъ: такъ наз. „запросы“ по ст. 33 и „вопросы“ по ст. 40-й. Между тѣми и другими пол. о гос. думѣ устанавливаетъ рядъ различій. Первое различіе—въ порядкѣ предъизвѣщенія. При обращеніи съ вопросомъ не требуется тѣхъ 30 подписей, которыя обязательны при заявленіи о запросѣ. Однако, и тутъ, и тамъ министръ отвѣчаетъ только на заявленіе, принятое большинствомъ думы. И вопросы, и запросы, не поддержанные большинствомъ, остаются безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Что касается обязанности отвѣта, то по отношенію къ запросамъ обязанность эта квалифицируется определеннымъ срокомъ, до истеченія котораго отвѣтъ долженъ быть данъ. По отношенію къ вопросамъ такого срока не установлено, но такъ какъ ст. 40 указываетъ на тѣ случаи, когда министры имѣютъ право отказаться отъ отвѣта, то отсюда явствуетъ, что во всѣхъ прочихъ случаяхъ министры такимъ правомъ не обладаютъ, и, стало быть, отвѣтъ для нихъ является обязательнымъ, хотя срокъ для такого не указанъ. Но самое существенное различіе,—по крайней мѣрѣ, съ формальной точки зрѣнія,—между запросами и вопросами заключается въ ихъ послѣдствіяхъ. Они предусмотрены въ законѣ, только по отношенію къ запросамъ въ томъ случаѣ, если отвѣтъ будетъ признанъ думою неудовлетворительнымъ (дѣло представляется тогда председателемъ госуд. сов. „на Выс. благовоззрѣніе“). Если же дума не удовлетворится отвѣтомъ на вопросъ, то, очевидно, ей остается лишь повторить вопросы, указавъ на тѣ недостатки или неполноту свѣдѣній, которыя ей доставлены.

Таковы основныя черты права интерпелляціи у насъ по пол. о думѣ. Нѣмецкій юристъ Rosegger, говоря о правѣ интерпелляціи въ Россіи, характеризуетъ его слѣдующими словами: „Россія соединила системы различныхъ странъ Зап. Европы и увѣнчала ихъ, поставивъ во главу вѣщо, соответствующее, быть можетъ, русскимъ порядкамъ, но являющееся абсолютистскимъ обломкомъ въ конституціонномъ правѣ интерпелляціи“. Несомнѣнно, въ изложенныхъ постановленіяхъ сквозитъ тенденція изыскать обсужденіе внутренней и внѣшней политики изъ вѣдѣнія думы и ограничить объемъ интерпелляцій. По отношенію къ ст. 40-й пол. о гос. думѣ замѣтно желаніе ограничить право вопросовъ информацией ад-нос: разъясненія должны непосредственно касаться „разсматриваемыхъ думою дѣлъ“. Что касается запросовъ, то они могутъ относиться только къ незаконнымъ дѣйствіямъ. Если спросить, однако, соответствуетъ ли указанной тенденціи дѣйствительный смыслъ изложенныхъ постановленій пол. о гос. думѣ, иными словами,—достигнутъ ли на дѣлѣ результатъ, имѣвшійся въ виду при созданіи этихъ постановленій, то на этотъ вопросъ придется дать отрицательный отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что при правильномъ и соответствующемъ конституціоннымъ принципамъ толкованіи, статьи эти въ настоящей своей редакціи оказываются лишенными того рестриктивнаго характера, который имъ стремился придать законодатель; мало того, даже и практика 3-ей думы и самого правительства уже создала прецеденты, совпадающіе съ этими принципами и въ то же время не нарушающіе буквы закона. Въ подтвержденіе этого положенія докладчикъ въ дальнѣйшемъ подробно останавливается, съ одной стороны, на анализѣ и толкованіи изложенныхъ постановленій пол. о гос. думѣ, причемъ предварительно выясняетъ ихъ происхожденіе, а, съ другой,—на практикѣ осуществленія права интерпелляціи и прецедентахъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1-й, 2-й и 3-й думахъ.

Въ практикѣ 1-й гос. думы вопросовъ по ст. 40-й мы почти вовсе не встрѣчаемъ. Памятнымъ исключеніемъ является вопросъ о печатаніи въ „Прави-

тельствѣ Вѣстникѣ“ извѣстнаго въ дѣлѣ, въ теченіе продолжительнаго времени ряда телеграммъ на Высочайшее имя, въ которыхъ поносились дѣятельность думы, и отъ имени всевозможныхъ организацій т. наз. „союза русскаго народа“. Монархъ въ болѣе или менѣе требовательныхъ выраженіяхъ приглашался разогнать криминалистовъ. Послѣ формальнаго отпора со стороны предсѣд. сов. министровъ Горемыкина и послѣдовавшаго затѣмъ двукратнаго обмѣна писемъ между нимъ и председателемъ гос. думы, вопросъ въ концѣ концовъ былъ передѣланъ въ запросъ о бездѣйствіи министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ и было усмотрѣно упомянутое въ ст. 33 пол. о гос. думѣ незаконное дѣйствіе.

Такая скудость вопросовъ въ 1-ой думѣ вполне понятна. Пользованіе правомъ вопросовъ имѣетъ смыслъ и значеніе лишь тогда, когда налажена парламентская работа, и правительство, и дума находятся въ непрерывномъ общеніи. Иалишне говорить о томъ, насколько далека была отъ этого условія дѣятельность 1-ой думы. Зато право запросовъ получило огромное развитіе именно въ 1-ой думѣ. Достаточно сказать, что за 70 дней существованія 1-ой думы было внесено 391 запросъ. Эта масса запросовъ распадается на три большія категоріи: къ первой относятся запросы общаго характера, вносимые по поводу дѣйствій правительства, общаго характера, въ которыхъ проявлялись съ наибольшей яркостью отрицательныя черты режима. Сюда относятся, напр., запросы о печатаніи огромныхъ воззваній въ департаментѣ полиціи, о дѣйствіяхъ карательныхъ отрядовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, о продолженіи усиленной охраны и военнаго положенія въ разныхъ мѣстностяхъ и т. п. Вторую категорію составляютъ запросы, направленные противъ отдѣльных проявленій административнаго произвола и всевластія. Здѣсь идетъ рѣчь объ арестахъ, о высылкахъ, объ отдѣльных случаяхъ насилій, избіеній и т. п. И, наконецъ, третья категорія—запросы, касающіеся все продолжающихся смертныхъ приговоровъ и казней.

Наиболѣе многочисленными являются случаи второй категоріи. Изъ общей цифры 391 этихъ запросовъ было свыше 250. Это была какая-то огромная волна, ежедневно врывающаяся въ Тавричскій дворецъ, въ видѣ десятковъ писемъ, телеграммъ и всякаго рода обращеній къ отдѣльнымъ членамъ думы и къ цѣлымъ группамъ. Въ этихъ обращеніяхъ со всѣхъ концовъ Россіи высказывалась вѣра во всемогущество думы, какъ единственнаго убѣжища, единственной заступницы. Конечно, достаточно было первыхъ же объясненій, данныхъ по этимъ запросамъ правительствомъ, чтобы убѣдиться въ полной безнадежности ихъ предъизвѣщенія. Но невозможно было остановить эту волну.

То же самое слѣдуетъ сказать и о запросахъ о смертныхъ приговорахъ.

За время существованія 1-ой думы правительство дало отвѣтъ по 43 запросамъ.

2-ая дума существовала, какъ извѣстно, 103 дня. За это время было предъизвѣщено 37 запросовъ, и правительство дало отвѣтъ по 7-ми. Среди этихъ запросовъ мы вовсе уже не находимъ запросовъ по поводу смертныхъ приговоровъ и казней; равнымъ образомъ отсутствуютъ запросы о высылкахъ и лишеніяхъ свободы въ административномъ порядкѣ. Остаются запросы общаго характера, напр., о ненормальномъ положеніи высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, о незаконныхъ дѣйствіяхъ генерала Гершельмана, о мѣропріятіяхъ по переселенческому дѣлу и др.

Столь значительное уменьшеніе количества запросовъ, равно какъ измѣненіе ихъ характера, объясняется, конечно, коренной перемѣной въ условіяхъ дѣятельности 2-ой думы сравнительно съ первой. Измѣнилось прежде всего отношеніе населенія: огромный подъемъ вѣры во всемогущество думы смѣнился разочарованіемъ и недоверіемъ. Измѣнилось

отношение самой думы, съ первыхъ же дней сознавшей свою слабость и державшейся лозунга сбережения думы изъ опасенія роспуска и связаннаго съ нимъ государственнаго переворота. Имѣнилось, наконецъ, и отношеніе правительства: какъ извѣстно, камертонъ былъ данъ знаменитымъ „не запугаете“, и соответственнымъ языкомъ заговорили интерпеллируемые министры. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти неблагоприятныя условія, нельзя не вспомнить, что выступленія по нѣкоторымъ запросамъ, хотя бы, напр., о дѣйствіяхъ генерала Гершельмана, принадлежатъ къ числу наиболее яркихъ страницъ дѣятельности 2-ой думы.

Въ общемъ, и въ 1-ой, и въ 2-ой думахъ на запросы смотрѣли отчасти какъ на необходимую функцию думы, дающую гражданамъ возможность апеллировать къ думѣ въ случаяхъ безаказаннаго нарушенія ихъ правъ, отчасти какъ на оружіе политической борьбы противъ даннаго направленія внутренней политики. Последняя точка зрѣнія, была формулирована уже въ 3-ей думѣ депутатомъ Маклаковымъ въ засѣданіи 19-го ноября 1908 года по запросу о виленскомъ охранномъ отдѣленіи. „Насъ—говорилъ онъ—когда мы предъявляемъ запросъ, интересуютъ не столько индивидуальныя черты даннаго беззаконія, сколько то, что за этой индивидуальной незаконностью почти всегда скрывается цѣлая система, которую надо обличать и которой надо положить конецъ“. Совершенно естественно, что въ 3-ей думѣ, большинство которой являлось и является большинствомъ, поддерживающимъ правительство Столыпина, отношеніе къ праву запросовъ должно было измѣниться. Къ сожалѣнію, это измѣненіе не удержалось въ естественныхъ и законныхъ предѣлахъ, и мы съ первыхъ же шаговъ 3-ей думы видимъ, что праву запросовъ ставятся разныя препоны и что въ тактику большинства входитъ стремленіе свести его почти что на нѣтъ. Въ частности, что касается вопросовъ по 40-ой ст., то изъ всего очень небольшого числа предъявленныхъ думою вопросовъ за 2 года (съ 1-го ноября 1907 г. по 1-ое декабря 1909 г.—12) только четыре вопроса подвергнуты были обсужденію въ общемъ собраніи, и по нимъ были даны объясненія; остальные вопросы не обсуждались вовсе. При этомъ нужно отмѣтить, что указанные выше формальныя различія между вопросами и запросами—отсутствіе сроковъ для отвѣта и отсутствіе санкции—стерлись и потеряли на практикѣ свое значеніе, такъ какъ и по отношенію къ запросамъ сроки не соблюдаются, а санкціей въ томъ и другомъ случаѣ является формула перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Перейдя затѣмъ къ запросамъ (по 33-ей ст.) въ 3-ей думѣ и приведемъ цифровыя данныя изъ статьи Л. Неманова (№№ 1 и 2 „Правъ“ 1910 г.), докладчикъ указываетъ на создавшуюся въ 3-ей думѣ волокиту въ разсмотрѣніи запросовъ, при чемъ главная отвѣтственность за это лежитъ на комиссіи по запросамъ. Последняя изъ органа для разсмотрѣнія заявленій о запросахъ въ значительной степени превратилась какъ бы въ орудіе ихъ подавленія. Такъ, съ одной стороны комиссія присвоила себѣ совершенно несоответствующую ей значенію роль инстанціи, входящей въ проверку достоверности изложенныхъ въ заявленіи о запросѣ фактовъ,—чѣмъ совершенно извращается вся постановка права запроса, а интерпеллянтъ ставится въ безвыходное положеніе. Съ другой стороны, комиссія проявила тенденцію къ ограничительному толкованію права запроса и по существу, что выразилось, напр., въ ея отношеніи къ запросу по поводу политическихъ выступленій епископа Гермогена.

Независимо отъ этого отрицательнаго вліянія комиссіи на судьбу запросовъ, слѣдуетъ отмѣтить, что самое внесеніе запросовъ въ 3-ью думу характеризуется большою осторожностью и пониманіемъ тѣхъ условій, въ которыя поставлено это право са-

мыми условіями существованія 3-ей думы. И тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы право запросовъ, даже въ 3-ей думѣ, обратилось въ безсильное и негодное оружіе. Достаточно вспомнить запросъ объ Азефѣ или о виленскомъ охранномъ отдѣленіи, или запросъ о союзѣ русскаго народа, чтобы убѣдиться въ томъ, что среди тѣхъ немногихъ средствъ борьбы, которыми располагаетъ оппозиція въ г. думѣ, запросы занимаютъ все же видное мѣсто. Указанные примѣры свидѣлствуютъ о томъ, что правильно поставленные и талантливо развитые запросы въ огромной степени привлекаютъ общественное вниманіе, будятъ общественную мысль, заставляютъ ее содрогнуться передъ раскрывающимися картинами и могутъ наносить непоправимые удары нравственному престижу тѣхъ силъ, противъ которыхъ они направлены.

Докладчикъ перешелъ затѣмъ къ заключительнымъ выводамъ, формулированнымъ въ видѣ слѣдующихъ положеній.

Въ русскіхъ конституціонныхъ законахъ мы не находимъ формальныхъ препятствій для должнаго развитія права интерпелляціи. Область интерпелляціи не ограничивается незаконными дѣйствіями. Статья 40 предоставляетъ думѣ возможность предъявленія вопросовъ, которые и по формѣ, и по своему теченію въ парламентѣ, и по результатамъ вполне соответствуютъ западно-европейскимъ интерпелляціямъ. И такъ какъ вопросы эти могутъ касаться любого предмета изъ области дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію думы, то приходится признать, что все, подлежащее думской компетенціи, можетъ дать поводъ къ интерпелляціи. А такъ какъ дума вѣдаетъ область законодательства и область бюджета, то надо придти къ выводу, что и для русской госуд. думы является правильной формула Розегера, согласно которой интерпелляціи допустимы по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ юридическое, политическое или социальное содержаніе и не затрагивающимъ прерогативъ главы государства или независимости судебной власти.

Держась этого взгляда, можно, между прочимъ, лишь съ большою оговоркой принять нѣрѣдко высказываемое мнѣніе, будто въ силу ст. 12 основныхъ законовъ область иностранной политики не можетъ дать гос. думѣ повода къ пользованію правомъ интерпелляціи. Разъ думѣ предоставлено вотированіе кредитовъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, разъ установленіе новыхъ штатовъ или должностей невозможно безъ одобренія думы, то уже это было бы достаточно для формальнаго признанія принадлежащаго думѣ права обращаться къ министру иностранныхъ дѣлъ, какъ и ко всякому другому, за свѣдѣніями и разъясненіями въ области ввѣреннаго ему вѣдомства. Еще меньше, конечно, оснований отрицать возможность запросовъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ тѣхъ или другихъ чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ кругу принадлежащихъ имъ функций.

Само собою разумѣется, что въ виду ст. 12-ой осн. зак. дума лишена возможности выражать какія либо общія пожеланія, долженствующія направлять, въ ту или другую сторону, международную политику. Но изъ того, что общее руководство международной политики принадлежитъ монарху, конечно, отнюдь не слѣдуетъ, что этимъ самымъ изъемятся отъ обсуждения и критики всѣ политическіе акты, совершаемые министромъ иностранныхъ дѣлъ. Не слѣдуетъ забывать, что и въ сферѣ управленія первоначальнымъ источникомъ власти является монархъ; и въ тѣхъ конституціяхъ, въ которыхъ монархъ *expressis verbis* признается главой исполнительной власти, обсужденіе дѣйствій этой власти въ лицѣ ея органовъ не можетъ разсматриваться и никогда не разсматривалось, какъ нарушеніе прерогативы Монарха.

Не препятствуетъ развитію права интерпелляціи

и отсутствие у нас министерской ответственности. Это положение съ полной очевидностью подтверждается примѣрами западно-европейскихъ государствъ, не знающихъ парламентарнаго режима и обладающихъ въ то же время широко развитымъ правомъ интерпелляцій.

Серьезныя фактическія препятствія, уже сказавшіяся на правѣ интерпелляцій въ 3-й думѣ, лежатъ въ условіяхъ дѣйствительности. Ихъ слѣдуетъ искать прежде всего въ положеніи самой гос. думы, руководящая партія которой, по признанію ея лидера, не имѣетъ корней въ странѣ. Изолированное положеніе думы, созданной закономъ 3-го іюня и не имѣющей опоры въ видѣ организованнаго общественнаго мнѣнія широкихъ круговъ населенія; далѣе ненормальныя, зачастую невозможныя, отношенія между отдѣльными партіями въ самой думѣ; открытая и необузданная ненависть, нерѣдко появляющаяся со стороны центра по отношенію къ наиболѣе многочисленной группѣ оппозиціи; наконецъ, присутствіе въ гос. думѣ хотя и ничтожной нравственно и количественно, но шумной и не отступающей ни передъ чѣмъ кучки людей, проникнутыхъ глубокимъ неуваженіемъ и ненавистью къ конституціонному строю и встрѣчающихъ тайную поддержку со стороны вліятельныхъ виѣ-думскихъ сферъ,—все это содѣйствуетъ тому, что право запросовъ въ 3-й гос. думѣ далеко не получило того значенія, которое бы оно должно было получить въ рукахъ большинства, исповѣдующаго конституцію.

Развитіе права интерпелляцій находится въ связи съ развитіемъ организованнаго общественнаго мнѣнія, съ ростомъ и укрѣпленіемъ народнаго представительства, съ установленіемъ конституціи не только *de jure*, но и *de facto*. Но съ развитіемъ этихъ началъ связано усиленіе и процвѣтаніе нашего отечества.

По окончаніи рѣчи В. Д. Набокова, покрытой продолжительными и оживленными аплодисментами, председатель С. В. Ивановъ огласилъ результаты выборовъ, причемъ избранными оказались: председателемъ юридическаго общества—М. М. Ковалевскій (встрѣчено общими аплодисментами), членами совѣта: проф. Петражицкій, Гриммъ и князь Друцкой; членами ревизіонной комиссіи—Люстихъ, Мышь, Леонтьевъ, Нольде и Плетневъ; казначеемъ вновь избранъ Л. Я. Лозинскій.

Въ заключеніе собраніемъ было принято единогласно предложеніе председателя выразить бывшему председателю общества К. К. Арсеньеву благодарность за понесенные имъ труды и сожалѣніе по поводу его отказа, вызваннаго болѣзью, баллотироваться вновь въ председатели общества. Закрывая собраніе, председатель С. В. Ивановъ, поддержанный аплодисментами всего собранія, вновь благодарилъ В. Д. Набокова за произнесенную имъ рѣчь, послѣ чего объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Диспутъ въ харьковскомъ университетѣ.

7 марта въ библиотечномъ залѣ харьковскаго университета, при большомъ стеченіи публики, приватъ-доцентъ Л. Я. Тауберъ защищалъ представленную имъ для соисканія ученой степени магистра уголовнаго права диссертацию, подъ заглавіемъ: „Жалоба потерпѣвшаго при преступленіяхъ геофіціальныхъ“.

Основные выводы своего изслѣдованія, послужившаго поводомъ къ диспуту, Л. Я. Тауберъ формулировалъ въ 25-ти тезисахъ, изъ коихъ 14 мы опускаемъ здѣсь, какъ не вносящіе ничего новаго въ разбираемый вопросъ и резюмирующіе лишь наличный законодательный матеріалъ о такъ называемыхъ „преступленіяхъ неофіціальныхъ“, а осталь-

ные 11, представляющіе главный интересъ работы, приводимъ, сохраняя при нихъ нумерацію автора. (Тезисы: I, II, III, IV, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV и XXV по печатному тексту, здѣсь прилагаемому).

I. Существующія въ криминалистической литературѣ опредѣленія понятія потерпѣвшаго не могутъ быть признаны удовлетворительными; въ частности, различное содержаніе, вкладываемое въ это понятіе въ сферѣ матеріальнаго и процессуальнаго права,—лишено научнаго основанія.

II. Рѣшающимъ для опредѣленія понятія потерпѣвшаго является изслѣдованіе объекта преступленія. Объектомъ преступленій являются не правовыя блага, не защищенные правомъ интересы, не состоянія или чувства, а субъективныя права отдѣльныхъ лицъ, организацій, государства, неограниченнаго круга лицъ, индивидуально не опредѣленныхъ.

III. Каждое преступное дѣяніе посягаетъ на субъективныя права, ибо каждая правовая норма является источникомъ обязанностей и коррелятивныхъ правъ. Существеннымъ для понятія субъективнаго права является притязаніе въ отношеніи лица обязаннаго, которое нужно отличать отъ притязанія на правовую защиту составляющую особый видъ субъективнаго права. Въ содержаніе понятія субъективнаго права не входитъ „пользованіе и распоряженіе правомъ“.

IV. Потерпѣвшій отъ преступленія—это субъектъ того права, которое нарушено даннымъ преступленіемъ.

XIX. Институтъ жалобы потерпѣвшаго въ законодательствахъ XIX и XX столѣтій слагался подъ вліяніемъ трехъ теорій: теоріи частнаго деликта теоріи идеальнаго блага и теоріи пощады потерпѣвшему.

Теорія частнаго деликта (Геннерт, Баръ, Цахаріа, Деховъ и др.) исходитъ изъ мысли, что неофіціальныя преступленія нарушаютъ исключительно или главнымъ образомъ интересы частныхъ лицъ, мало или вовсе не задѣвая интересы публичныхъ; логическими послѣдствіями этой теоріи являются: принадлежность права наказанія потерпѣвшему, прекращеніе преслѣдованія во всякомъ положеніи процесса и освобожденіе отъ наказанія преступника при отказѣ потерпѣвшаго отъ жалобы, сліяніе института жалобы съ частнымъ обвиненіемъ. Теорія эта противорѣчитъ публичному характеру уголовнаго права и процесса и вліяніе ея на уголовныя законодательства постепенно убываетъ.

XX. Теорія идеальнаго блага (Кирхенгеймъ, Листъ и др.) исходитъ изъ представленія о неофіціальныхъ преступленіяхъ, какъ посягательствахъ на психическую сферу лица,—вслѣдствіе чего преступность дѣянія опредѣляется субъективнымъ отношеніемъ потерпѣвшаго къ направленнымъ противъ него внѣшнимъ дѣйствіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она признаетъ жалобу потерпѣвшаго единственно допустимымъ доказательствомъ нарушенія внутренняго, идеальнаго блага личности и этимъ сообщаетъ ей характеръ условія преступности дѣянія. Однимъ изъ послѣдствій этой теоріи является недопустимость взятія жалобы обратно. Вліяніе этой теоріи на положительныя законодательства не велико и, по мѣрѣ ихъ развитія, повидимому, уменьшается.

XXI. Теорія пощады потерпѣвшему (Годфруа, Эли, Томсонъ и др.) видитъ въ правѣ жалобы право потерпѣвшаго не допустить уголовнаго преслѣдованія и судебной огласки преступленія въ тѣхъ случаяхъ, когда эта огласка можетъ существенно нарушать его интересы; законодатель, относя на этомъ основаніи извѣстныя преступленія къ числу неофіціальныхъ, поступаетъ, въ виду самостоятельной цѣнности чело-вѣческой личности, въ этихъ случаяхъ государственнымъ интересомъ репрессіи въ пользу важныхъ интересовъ индивида. Теорія эта, соотвѣтствуя современному правовымъ воззрѣніямъ на отношеніе

личности къ государству, получает все большее признание со стороны законодательствъ и должна быть положена въ основаніе реформы всего института неофициальныхъ преступленій.

XXII. Изъ теоріи пощадъ потерпѣвшему, въ связи съ нѣкоторыми чисто практическими соображеніями, вытекаютъ слѣдующія предложенія *de lege ferenda*:

Многія изъ преступленій, относимыхъ дѣйствующими законодательствами къ числу неофициальныхъ, должны преслѣдоваться *ex officio*. Жалоба потерпѣвшаго должна быть конструирована, какъ условіе возбужденія уголовного преслѣдованія (*Prozessvoraussetzung*). При идеальной совокупности официальныхъ преступленій съ неофициальнымъ, преслѣдованіе за оба преступленія можетъ быть возбуждаемо *ex officio*. При измѣненіи обвиненія, въ силу коего дѣяніе, признававшееся ранѣе официальнымъ, превращается въ неофициальное, можетъ быть постановленъ обвинительный приговоръ и безъ жалобы потерпѣвшаго. Новый законъ, вводящій преслѣдованіе *ex officio* или отмѣняющій таковое, подлежитъ примѣненію ко всѣмъ дѣламъ, возникшимъ послѣ введенія его въ дѣйствіе, хотя бы преступленіе было совершено до того. Порядокъ преслѣдованія преступленія, совершеннаго за границей, опредѣляется исключительно закономъ мѣста суда.

XXIII. Жалоба потерпѣвшаго должна признаваться недѣлимой. Взятіе жалобы назадъ можетъ быть допущено лишь въ теченіе короткаго срока послѣ ея подачи и во всякомъ случаѣ не позже открытія засѣданія по дѣлу. Отказъ отъ жалобы есть актъ односторонній, но если состоялось привлеченіе обвиняемаго, послѣдній можетъ требовать разсмотрѣнія дѣла и вопреки желанію потерпѣвшаго. Отказъ отъ жалобы недѣлимъ. Если онъ выраженъ до подачи жалобы, то не связываетъ потерпѣвшаго. Не явка потерпѣвшаго въ засѣданіе не можетъ приравниваться къ отказу отъ жалобы.

XXIV. Право жалобы должно принадлежать исключительно потерпѣвшему, если онъ дѣеспособенъ; несовершеннолѣтній, достигшій 17 лѣтъ, долженъ считаться дѣеспособнымъ для принесенія жалобы. За недѣеспособныхъ право принести жалобу должно быть предоставлено ихъ законнымъ представителямъ; въ случаѣ совершенія преступленія самимъ законнымъ представителемъ, долженъ быть назначенъ *curator ad hoc*. Возможно принесеніе жалобы чрезъ добровольнаго представителя, специально на то уполномоченнаго. Каждому изъ нѣсколькихъ потерпѣвшихъ отъ одного и того же преступленія принадлежитъ самостоятельное право жалобы.

XXV. Установленіе особаго срока для принесенія жалобы, отличнаго отъ общей давности преслѣдованія, излишне и даже вредно. Въ случаѣ смерти потерпѣвшаго, послѣдовавшей до подачи жалобы, право жалобы должно быть предоставлено близкимъ потерпѣвшаго, а при отсутствіи ихъ преслѣдованіе можетъ быть возбуждено *ex officio*; если же потерпѣвшій успѣлъ подать жалобу при жизни, смерть его никакого вліянія на продолженіе преслѣдованія оказывать не должна.

По произнесеніи диссертантомъ вступительнаго слова, первый официальный оппонентъ, проф. уголовного права А. Д. Киселевъ, началъ свои возраженія съ привѣтствія появленію новой „честной“ книги большихъ научныхъ достоинствъ.

Далѣе происходитъ слѣдующій діалогъ:

— „Вашу задачу (правда, специальную и далекую отъ общихъ волнующихъ насъ вопросовъ уголовного права) Вы выполнили мастерски. ²/₃ книги—работа надъ практическимъ матеріаломъ законодательствъ, но послѣдняя глава носитъ теоретическій характеръ, и какъ разъ она подаетъ поводъ къ нѣкоторымъ вопросамъ-сомнѣніямъ. Такъ, чѣмъ обусловлено употребленіе термина „преступленія неофициальныя“, не употребительнаго въ литературѣ.

— Мнѣ нуженъ былъ, отвѣчаетъ Л. Я. Тауберъ, для удобства научнаго изслѣдованія краткій и точный терминъ. Точно-установленнаго названія для изслѣдуемаго мною вида преступленій нѣтъ въ литературѣ. Терминъ „уголовно-частныя“ представляетъ *contradictio in adjecto*. Терминъ же „неофициальное преступленіе“ соответствуетъ самой сути дѣла, подчеркивая моментъ возбужденія преслѣдованія не *ex officio*.

— Часть работы, ищущая отвлеченный „объектъ преступленія“, относится—продолжаетъ А. Д. Киселевъ—къ *Begriffsjurisprudenz*. Увлеченіе діалектикой опасно, какъ показала, между прочимъ, судьба института условнаго осужденія, отвергнутаго сторонниками *Begriffsjurisprudenz* и принятаго законодательствами. Диссертантъ даетъ опредѣленіе: „объектомъ всякаго преступленія является чье-либо субъективное право“. Машина построена, но работа ея не показана. Недоказана „жизнепригодность“ этого положенія, далекаго отъ жизни.

— Возражая, Л. Я. Тауберъ говоритъ, что переходъ необходимой грани въ обращеніи съ *Begriffsjurisprudenz*—дѣло высоко-субъективное, онъ же не ограничился анализомъ однихъ теорій; да и теоріи опираются на дѣйствительность. „Моей задачей было указать общій путь, повѣрка же его на отдѣльныхъ преступленіяхъ—дѣло дальнѣйшей коллективной работы юристовъ, не посильной для одиночки“.

— Послѣдняя глава—*de lege ferenda*,—опираясь твердо на наличный матеріалъ законодательства, развиваетъ лишь старое, не откликаясь совершенно на новое, диктуемое развитіемъ социальной жизни. Подвергая юридическому анализу тѣ или иные нормы, диссертантъ слѣдовало ставить также вопросы объ „основательности“ этихъ нормъ, о соответствіи ихъ поступательному движенію жизни. Въ наукѣ, какъ и въ жизни, необходимы идеалы, создать каковыя—дѣло творческой фантазіи ученыхъ.

— Плодотворная научная фантазія—удѣлъ немногихъ, нарицаетъ Л. Я. Тауберъ. „Моей задачей было лишь обобщеніе существующаго законодательства“.

— Въ частности, вы изгоняете „примиреніе“ по поступленіи жалобы, что нѣкоторые законодательства (и наше въ томъ числѣ) допускаютъ. Между тѣмъ, это начало надо развивать, а не изгонять. Соображеніе, что „примиреніе“ происходитъ за счетъ 3-го лица—государства, криминализирующаго данный дѣяніе,—не убѣдительно, такъ какъ миръ—въ интересахъ этого третьяго лица: кара въ рукахъ государства—„мечъ безъ рукоятки“!

— Возражая на это замѣчаніе, диссертантъ указываетъ, что для парализованія карательнаго потока существуютъ другіе пути, нежели произволъ частнаго лица въ сферѣ наказанія; здѣсь необходима иная дѣятельность самого государства.

— Послѣ этого обмѣна мыслей съ диссертантомъ А. Д. Киселевъ вновь говоритъ о достоинствахъ диссертации, объ отличающей ее вдумчивости, точности и ясности мышленія и ходатайствуетъ предъ факультетомъ объ удостоеніи автора ея искомой степени магистра.

Вторымъ официальнымъ оппонентомъ выступилъ проф. гражданского права В. М. Гордонъ, привѣтствовавшій въ лицѣ Л. Я. Таубера вступленіе „криминалистовъ“ на путь сближенія уголовного права съ гражданскимъ. Въ этомъ отношеніи характерно въ диссертации догматическое изслѣдованіе понятія „потерпѣвшій“, приведшее автора къ цѣнному сопоставленію „потерпѣвшаго“ съ „истцомъ“ и „права на жалобу“ съ „правомъ на искъ“. Но диссертантъ не отмѣнилъ, по мнѣнію В. М. Гордона, отношеніе „права на искъ“ къ государству въ противовѣснѣ отношенію его къ „потерпѣвшему“, что дѣлаетъ послѣднее теченіе въ наукѣ гражданского права и судопроизводства. Вообще, новѣйшая литература (за послѣдніе два года) по гражданскому судопроизводству не использована въ соответственной главѣ диссер-

таціи, и ставъ на хорошій путь, авторъ ея не особенно далеко пошелъ по немъ. Отвѣчая на эти указанія В. М. Гордона, диспутантъ отмѣтилъ, что глава о „потерявшемъ“ сдана была имъ въ печать уже въ 1907-мъ году, что въ задачу его не входило исчерпать соответственныя цивилистическія темы и ихъ библиографію, что экскурсы его въ область цивилистики по необходимости ограничивались рамками необходимаго для основной темы его работы, и что, наконецъ, неиспользованіе имъ новѣйшей литературы, указанной проф. Гордономъ, не повліяло на правильность соответственныхъ выводовъ его; по крайней мѣрѣ, уважаемый оппонентъ не пытался даже доказывать послѣднее.

— Выслушавъ возраженія Л. Я. Таубера, проф. В. М. Гордонъ присоединился къ ходатайству первого официального оппонента объ удостоеніи диспутанта искомой имъ степени. Затѣмъ выступили неофициальными оппонентами проф. государственнаго права Н. И. Палиенко, членъ суда Ризниковъ и прис. пов. А. Я. Немжровскій. Н. И. Палиенко ставитъ диссертанту въ минусъ недостаточное раскрытіе имъ содержанія понятія „субъективнаго права“, какъ „притязанія“. Диссертантъ принимаетъ такое толкованіе термина отъ проф. Л. И. Петражицкаго, по оно основано послѣднимъ на его теоріи эмоцій, „такъ остроумно осмѣянной проф. Сергѣевичемъ“. Между тѣмъ, на тѣхъ высотахъ абстракціи, гдѣ пребываетъ опредѣленіе „притязанія“ диспутантомъ, граница между „притязаніемъ“ и „благомъ“, или „интересомъ“ настолько не рѣзка, что споръ идетъ едва ли не изъ-за словъ. — Не соглашаясь съ этими указаніями, Л. Я. Тауберъ отмѣтилъ слѣдующее. Правовыя понятія — формальны. Субъективное право — не что иное, какъ закрѣпленная за лицомъ обязанность. Въ чемъ именно состоитъ та или иная обязанность, — дѣло факта, экономики и т. д., но не права. Но неправильно, будто бы на такой высотѣ абстракціи нѣтъ различія между теоріями интереса, блага и притязанія. Ибо, какъ доказалъ Петражицкій, возможно нарушеніе „субъективныхъ правъ“ безъ нарушенія „интересовъ“. Обратный же взглядъ профессора Палиенко обуславливается смѣшеніемъ двухъ несопадающихъ точекъ зрѣнія, а именно: точекъ зрѣнія *de lege lata* и *de lege ferenda*. Правда, послѣдняя точка зрѣнія выдвигаетъ понятіе „интереса“, но съ момента созданія „нормы“ — въ поле зрѣнія правовой дѣйствительности выступаетъ лишь моментъ „субъективнаго права“. Что касается гг. Ризникова и Немжровскаго, то первый усомнился въ нѣкоторыхъ догматическихъ положеніяхъ диссертанта, а второй въ философски-единой обоснованности теоретическихъ выводовъ его; выслушавъ, однако, разъясненія диспутанта, оба сочли себя удовлетворенными. По окончаніи на этомъ пятичасовыхъ преній, деканъ юридическаго факультета В. Ф. Левитскій провозгласилъ Л. Я. Таубера, на основаніи единогласнаго опредѣленія факультета, достойнымъ искомой имъ ученой степени магистра уголовного права. Факультетомъ, наличными представителями адвокатуры и многочисленной публичкой устроены были Л. Я. Тауберу шумныя оваціи.

Отвѣты редакціи.

Подписчику № 497.

Является ли родовымъ недвижимое имущество, перешедшее послѣ смерти его приобретателя во владѣніе его наследника, не утѣрдаившагося въ правахъ наследства, а укрѣпившаго это имѣніе впоследствии по давности?

Вопросъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ р. г. к. д. 1906 г. № 38.

Подписчику № 4651.

Можетъ ли участвовать въ городскихъ выборахъ лицо, по дѣламъ котораго учреждена администрація, по доверенности своей дочери?

Лишь лица, подвергшіяся несостоятельности, согласно 4 п. 33 ст. гор. п., къ которымъ не могутъ быть приравнены лица, по дѣламъ которыхъ учреждена администрація (ст. 392 уст. суд. торг.) лишаются права участія въ городскихъ выборахъ. Поставленный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ поэтому въ утвердительномъ смыслѣ.

Подписчику.

Подлежитъ ли оплатѣ гербовымъ сборомъ свидетельство, выданное мировымъ судьей на предметъ полученія справки изъ учрежденія, не изъятаго отъ гербоваго сбора, и справка, выданная этимъ учрежденіемъ?

Выданное по ходатайству тяжущагося свидетельство для полученія справки должно быть разсматриваемо какъ разрѣшительная бумага по дѣлу, производящемуся въ мировыхъ учрежденіяхъ, и не подлежитъ въ виду ст. 63 п. 2 б. уст. герб. оплатѣ гербовымъ сборомъ, хотя бы оно было выдано для представленія въ учрежденіе, не изъятое отъ гербоваго сбора. Не подлежитъ оплатѣ и выданная этимъ учрежденіемъ справка, какъ предназначенная для представленія въ мировыя учрежденія (алф. перечень № 274 IV).

Подписчику № 4084.

Какому наказанію подлежитъ лицо, двадцать лѣтъ тому назадъ эмигрировавшее за границу и принявшее иностранное подданство?

Согласно XXVI ст. манифеста 11 мая 1904 года проживавшимъ въ день изданія манифеста за границей русскимъ подданнымъ, подлежащимъ отвѣтственности по 325 и 326 ст. ул. о пак., опредѣленное этими статьями наказаніе замѣнено надзоромъ полиціи на два года.

Подписчику № 4704.

Въ правѣ ли залогодержатель ходатайствовать при наличности условій, указанныхъ въ 1187 ст. уст. гр. суд. объ укрѣпленіи имѣнія за нимъ, если зрокъ его закладной еще не наступилъ, почему она еще не была предъявлена ко взысканію?

Вопросъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ р. гр. касс. деп. 1908 г. № 34.

Подписчику.

Въ правѣ ли городское общественное управленіе вступить въ споръ по дѣлу объ утвержденіи въ правахъ наследства къ имуществу, взятому на основаніи 1164 ст. X т. 1 ч. въ опеку, доказывая отсутствіе наследственныхъ правъ у лица, возбудишаго ходатайство объ утвержденіи въ правахъ наследства?

Вопросъ разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ по соображеніямъ, изложеннымъ въ р. гр. касс. деп. 01 г. № 23 и др.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Касс. Деп. Правит. Сената.

На 24-е марта, по 1 отд. угол. касс. деп.

Жалобы: Абаева уральск. о. с. 1655 ул.; Тихонова астраханск. м. с. 169 уст.; Захаровыхъ старо-польск. о. с. 1489 ул.; Исакова самарск. о. с. 1642 ул.; Голуба екатеринодар. о. с. 1451 ул.; Органистовыхъ и др. саратов. о. с. 1489 ул.; Михайлова саратов. о. с. 1642 ул.; Трусова тройцк. о. с. 1489 ул.; Терентьевой владикавказск. м. с. 131 уст.; Акбаева армавирск. м. с. 169 уст.; Назарова тройцк. о. с. 170¹ уст.; Бекботова владикавказск. м. с.—кража; Гусева саратов. м. с.—кража; Серебрякова владикавказск. м. с. 142 уст.; Свѣшниковъ кievск. с. п.; Двойреса одесск. с. п.; Теръ-Анонiянда тифлисс. с. п.—всѣ въ нар. тамож. уст.; Лебеды 2 калижск. м. с.; Центера минск. о. с.; Эдельштейнъ минск. о. с.; Штернъ варшав. гор. м. с.; Ронъ витебск. о. с.; Орляковского 2 ломжинск. м. с.; Косаренко таганрогск. м. с.; Кляйфитъ 2 ломжинск. м. с.; Горлица 2 ломж. м. с.; Збиновича 2 ломж. м. с.; Гутманъ 2 ломжинск. м. с.; Вильденберга варшав. гор. м. с.; Вильденберговъ варш. гор. м. с.; Дьякова у.-медвѣднцк. м. с.; Смирнова кашинск. о. с.; Миротина могилевск. о. с.; Флейса ю.-верроск. м. с.; Рочева архангельск. м. с.; Гричанъ мянск. о. с.; Вартанова армовир. м. с.; Коваленко черкасск. м. с.; Когановича могилев. о. с.—всѣ въ наруш. акц. уст.; Тарганскаго 1 плоцк. м. с.; Злотковской 1 сувалкск. м. с.; Байслера 2 варш. м. с.; Елисеенко темрюжск. м. с. (4 дѣла); Вольфке 1 сѣдлецк. м. с.; Ручкина москов. ст. м. с.—всѣ въ наруш. стронт. уст.

На 26-е марта, по 2 отд. угол. касс. д-та.

Жалобы: Чарнецкой ольгопольск. м. с. 130 уст.; Лена могилевск. м. с. 1483 ул.; Рабиновича могилевск. о. с. 287 ул.; Корабликова виленск. м. с. Монкевича по 142 уст.; Запасника виленск. м. с. Остахевица по 136 уст.; Ерофьева сарат. с. п.; Кульюса вез.-вейсеншт. м. с.; Карека варш. с. п.; Полищука одесск. о. с. 1655 ул.; Работы кишинев. о. с. 1489 ул.; Андросука житомирск. о. с. 309 ул.; Дмитриева и др. великолукск. о. с. 1489 ул.; Добричича спб. ст. м. с.; Карпова виленск. о. с. 1630 ул.; Сѣчкаря кievск. с. п.; Иванчука литинск. м. с.; Писаревской каменецк. м. с.; Дьякуна лептичевск. м. с. 1483 ул.; Мицкевича виленск. о. с. 1489 ул.; Вакалюка винницк. о. с. 1455 ул.; Дзидка и др. чернигов. о. с. 1489 ул.; Жмура и др. кам.-подольск. о. с. 1629 ул.; Толстого спб. с. п.; Куманскаго кievск. с. п.; Глузмана каменецк. м. с.; Визенберга и др. варш. с. п. 1707 ул.; Запасника виленск. м. с. Орловскаго по 136 уст.; Маркелова и др. псковск. о. с. 1489 ул.; Толочко и др. овручск. м. с. 169 уст.; Папченко и др. харьков. с. п.

Протесты. тов. прок.: кievск. о. с. Каминскаго и др. по 1631 ул.; житомирск. о. с. Ушкеля по 1647 ул.; житомирск. о. с. Ламперина по 1651 ул.; житомирск. о. с. Листонада и др. по 1647 ул.; симферопольск. о. с. Танкелевича и др. по 1462 ул.; могилевск. о. с. Дубровскаго по 169 уст.; винницк. о. с. Олейко по 1701 уст.; житомир. о. с. Вознюка по 1654 ул.; одесск. о. с. Аганова и др. по 1629 ул.

На 26-е марта, по 3 отд. угол. касс. д-та.

Жалобы: Паланы полтав. о. с. 172 уст.; Романовой нижегород. о. с. 1453 ул.; Сваричевскаго и др. екатеринослав. о. с. 1454 ул.; Еврица вл.-волинск. м. с. 73 уст.; Филиппова спб. ст. м. с. Эренпайса 1761 уст.; Рамазанова москов. о. с. 180 уст.; Агѣева и др. московск. ст. м. с. 169 уст.; Мунакера гродненск. о. с. 1354 ул.; Мейнберга мит.-баусск. м. с.

Янкевичъ по 136 уст.; Циринскаго минск. о. с. 1404 ул.; Александрова спб. ст. м. с. 112 уст.; Рубцовой и др. москов. ст. м. с. 116¹ уст.; Гимадугдинова казанск. о. с. 1483 ул.; Попова курск. о. с. 1656 ул.; Куликова курск. о. с. 73 уг. улож.; Повода полтав. о. с. 1489 ул.; Межева и др. воронежск. о. с. 169 уст.; Вольберга харьков. м. с. 135 уст.; Смолянова сумск. о. с. 287 ул.; Бумагина спб. ст. м. с. 131 уст.; Тымана 3 петроков. м. с. 1061 ул.; Стокроза рев.-гапсальск. м. с. 115 уст.; Бейеръ спб. уѣз. м. с. 26 уст.; Балаева москов. ст. м. с. 26 уст.; Большакова москов. ст. м. с. 48⁴ уст.; Козлова и др. у.-медвѣднцк. м. с. 1655 ул.; Папкова нижегородск. о. с. 556 уст.; Помелова костром. о. с. 1659 ул.; Лукьянова курск. о. с. Пуголовкина 1480 ул.; Авддюшина нижегород. о. с. 1469 ул.; Кона 3 петраков. м. с. 47¹ уст.; Заурмана варш. гор. м. с. 26 уст.; Кмольцевой москов. ст. м. с. 131 уст.; Заблоцкаго москов. ст. м. с. 38 уст.; Гедена варш. гор. м. с. 29 уст.; Гвязда варш. гор. м. с. 26 уст.; Щепкина черкасск. м. с. 177 уст.; Опаховскаго варш. гор. м. с. 26 уст.; Спицы харьков. о. с. 169 уст.; Менькова и др. костром. о. с. Бѣлинской курск. о. с. 1666 ул.; Крылова 2 донск. м. с. 170 уст.; Диковекаго полтав. о. с.; Рѣзникова полтав. о. с.; Эмелика полтав. о. с.; Судмала тазгробин. м. с. 148 уст.; Виссенбергъ ю.-верроск. м. с. 144 уст.; Цѣлонской ровенск. м. с. 29 уст.; Герштейна моск. ст. м. с. 29 уст.; Ильина р.-вальмар. м. с. 287 ул.; Бочарова воронѣж. о. с. 169 уст.; Расторгуевыхъ елецк. о. с. 1483 ул.; Андросов орлов. о. с. 1485 ул.; Тимрова и др. курск. о. с. 2691 ул.; Голованова москов. о. с. 1681 ул.; Жмурина 2 донск. м. с. 173 уст.; Гусева вятск. о. с. 1485 ул.; Самаркова москов. о. с. 1651 ул.; Языкова курск. о. с. 1701 уст.; Роозе рев.-гапсальск. м. с. 31 уст.; Александрова москов. ст. м. с. 121 уст.; Янесъ вер.-вейсеншт. м. с. 180 уст.; Клявинъ р.-вальмар. м. с. 567 ул.

Протесты: тов. прок.: костромск. о. с. по обв. Голякова по 1651 ул.; прок. владимир. о. с. Сизова по 1545 ул.

На 24-е марта, по 4 отд. угол. касс. деп.

Жалобы: Френкеля и др. 2 петроков. м. с. 172 уст.; Климовича новочеркасск. с. п. 283 ул.; Ибрагимъ-Исманлъ-оглы тифлисс. с. п. 1455 ул.; Огарашвилиныхъ и др. тифлисс. с. п. 1655 ул.; Пуделко 2 люблинск. м. с. 173 уст.; Юнусова казан. с. п. 511 ул.; Загоръ спб. с. п. 169 уст.; Иванова москов. с. п. 282 ул.; Роздзяковскаго 1 варш. м. с. 135 уст.; Мидри вез.-вейсеншт. м. с. 170 уст.; Леонова моск. ст. м. с. 128 уст.; Сентова ростов. п./Д. м. с. 142 уст.; Шилинскаго газ.-гробинск. м. с. 173 уст.; Виръ нижегород. м. с. 134 уст.; Гросберга тук.-таьсенск. м. с. 142 уст.; Вайнштейна р.-вольмар. м. с. Кислита въ растратѣ, Пѣшикова ростов. п./Д. м. с. 131 уст.; Жигура р.-вольмар. м. с. 169 уст.; Яцевича 1 варш. м. с. Козловскихъ въ обидахъ дѣйств. Крайгманъ 1 варш. м. с. 134 уст.; Фрилингъ р.-вольмар. м. с. 180 уст.; Павловскаго 1 варш. м. с. 142 уст.; Беттихера 2 калинск. м. с. 142 уст.; Друссейко и др. виленск. с. п. 266 ул.; Асламбекова ново-маргеланск. о. с. 130 уг. ул.; Вельмана спб. с. п. 1642 ул.; Баньковской варш. гор. м. с. 44 уст.; Зильберштейна варш. с. п. 940 ул.; Протченко кievск. с. п. 1692 ул.; Пржиборовскаго и др. варш. с. п. 129 уг. ул.; Цимбалова омской с. п. 300 ул.; Филимонова кievск. с. п. 354 ул.; Гноринскаго москов. с. п.; Сироты кievск. с. п. 354 ул.; Сафарова тифлисс. с. п. 1455 ул.; Тржебинскаго спб. с. п. 194 ул.; Залевскаго иркутск. с. п. 1039 ул.; Данильчука варш. с. п. 286 ул.; Ортелевскаго варш. с. п. 1654 ул.; Кучеренко омск. с. п. 823 ул.; Асланова тифлисс. с. п. 131 уг. ул.

Коняшкина москов. ст. м. с. 135 уст.; Асанова казанск. с. п. 286 ул.; Горештейновъ радомысльск. м. с. Хоякова по 142 уст. (2 дѣла); Кломба 1 варш. м. с. 169 уст.; Травинскаго 1 варш. м. с. 135 уст.; Кобылянскаго 1 люблинск. м. с. Фельдпомуса 148 уст. Протесты: тов. прок. москов. с. п. по обв. Кобы-и Коссовскаго по 286 ул.

На 22-е марта, по 1 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: общ. рязанско-уральск. жел. дор. съ Озеровымъ, Костромовымъ; упр. привислинск. жел. дор. съ Капланомъ, фирмой „бр. Гольдштейнъ“; общ. московско-казанской жел. дор. съ Карминнымъ; опеки Лукашкина съ упр. московско-курской жел. дор.; упр. жел. дор. съ Калининой, Краубперовымъ, тов. „Лун Дрейфусъ“; общ. моск.-киев.-воронежск. жел. дор. съ Щербой, Кенике; Рубинштейна съ упр. по постройкѣ южной части оренбургско-ташкентской жел. дор.; Александрова съ упр. николаевской жел. дор.; управленія желѣзныхъ дор. съ барон. Тизенгаузеномъ.

Сѣздовья: упр. жел. дор. съ Грузинеромъ и др. 13 дѣлъ, Случевскимъ и др. 3 дѣла, Вальтономъ, Бартомъ, Левитомъ, Розенблюмомъ, Фрадковымъ, Бреганомъ, Камушеромъ, Гуревичемъ, Вольпинымъ 2 дѣла, Врублевскимъ, Готовскимъ, восточн. общ. товарныхъ складовъ 2 дѣла, Кажданомъ, Горъ и Альбинымъ, Лейбовичемъ 2 дѣла, Маргуліесами, Ишмеятовымъ; Каплана и др. съ общ. варшавско-вѣнской жел. дор.; упр. юго-западныхъ жел. дор. съ Черкесомъ, Шаргородскимъ; 1-го общ. подѣзд. путей въ Россіи съ Гинзбургомъ 3 д.; общ. рязан.-уральск. ж. д. съ Федоровымъ; Равскаго съ упр. екатерининской жел. дор.; Магиды съ упр. московско-брестской жел. дор.; Крошнинныхъ съ упр. сѣверныхъ жел. дор.; общ. юго-восточн. жел. дор. съ русск. общ. вывозной торговли, Златкинымъ 2 дѣла; Рафаловича съ общ. лодзинскихъ фабричныхъ жел. дор.; упр. сызрано-вяземской жел. дор. съ Поглаевымъ, Красновымъ; Юшковой съ общ. московско-казанской жел. дор.; упр. сѣверо-западныхъ жел. дор. съ Биренбаумомъ и др. 4 дѣла, Берковичемъ.

На 22-е марта, по 2 отд. гр. касс. д-та.

Палатскія: Юнусовъ съ Норейкинъ и Ясайтисъ; воронежской духовной консисторіи съ Саввиннымъ и др.; Шкета съ спб. благотворительнымъ общ. по слѣдователей гомеопатіи; Адамова съ Арутюновымъ; Мадатова съ Половицкимъ; Звенигородской; Шайдурова съ Пиновскими и Родзевичъ; Мазова съ Дюршмидтъ; амбургерской биржевой артели, Подбѣда съ упр. жел. дор.; Понятовскаго съ Еловицкой; общ. рязанско-уральск. жел. дор. съ Полозовой; Мазаева съ Каминкой; торг. д. „С. А. и В. С. Прохановы въ Владикавказѣ“ съ Каминкой; Анапьева съ тов. кр. деревни Авдотьино; Кашевскаго съ Кишиневскимъ отд. южно-русского промышленнаго банка; общ. владикавказск. жел. дор. съ Духовымъ; Мельниковъ съ Скворцовымъ; общ. московско-виндаво-рыбинской жел. дор. съ Безручковымъ.

Сѣздовья: Честнова съ Суворовымъ-Журкинымъ; Большакова съ Харитоновымъ; Богдана съ Эпштейномъ; Бочина съ Малышевымъ; Цурканъ-Ботезата съ Вортманомъ и др.; Полухиной съ верхнеярскимъ сельскимъ общ.; Демидова съ Котиковымъ и др.; Козинова съ Фрейманомъ; Черномордика съ Зябкимъ; Бабинскаго съ Бѣлцкимъ; Мекша съ Павловичемъ; Шверъ съ Вайнеромъ; Могила и Темченко съ Кожухаремъ; Васильева съ Буймаковымъ; Фридмана съ Эльбинъ-Гольдбергъ; Голявскаго съ Лернеромъ; Петрова съ Болдыревымъ; Шиндлерова съ Залевскимъ; Манцрыкина съ Кочетовой; Медвѣдева съ Тарасенко и Парамоновымъ.

На 24-е марта, по 3 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Эрвье съ Мелниковой, Тарханъ-Муравовой и др.; Подоснянниковой съ кишиневской уѣзд-

ной управ.; Гончарова съ Баженовой; ставропольск. терскаго упр. земл. и госуд. имущ. съ Милиловымъ и Гукасовымъ; Кузьмина съ Щербакомъ; Кирѣевой съ Кирѣевыми; Тверскаго съ опекою Ледоховскаго и др.; Габаевой, кн. Челобаева, опеки Зандукелли и Кобиева и др. о размежеваніи дачъ Земо и Квемо Чинта; Тарана съ Албуль и Стукаленко; упр. госуд. имущ. бакинск. губ. о разм. с.-в. части шемахинскаго уѣзда; Шерстюковой съ Ремезовой; Бобовича съ Эмонидисомъ; Элькинъ съ нижегородск. губ. акц. упр.; Цедриковъ съ Чеховцомъ.

Сѣздовья: опеки Кесаря съ Косарь; Попаховскаго о возм. срока; Ястржембскаго и Зенковича съ Боуффалъ; Бернатовичей съ Бернатовичемъ; Брауна съ Браунами; Нацевича съ Рудницкими 3 дѣла; частн. жал. упр. южныхъ жел. дор. съ Росманомъ; Ильяшенко съ Войциковенко; опеки Омельченко съ Пономаренко и др.; Уряшзона съ Стрѣльцомъ; Юраско съ Моркманомъ; Симоненко съ Саусаемъ; Введенскаго съ Введенской; Василевскаго съ Волянскимъ; Душниковъ съ верскимъ с. общ.; Иванова съ торг. дом. „Рбинаръ отецъ и сынъ“; Недзвѣцкаго съ Горецкимъ; Шевченко съ Нестеренко; Шенельскаго съ Консенціумемъ; Корбалева съ Смирновымъ.

На 26-е марта, по 4 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Поповой съ торговой фирмой „А. Г. Ридель“; Люксъ съ Айвазянцемъ; министр. внутр. дѣлъ съ Григорьевой; виленскаго зем. банка съ Гейго и Фугалевичемъ; Миллера съ Гофманомъ; Града съ Козловыми; Алексѣевой съ Бѣльскимъ; Рекковъ и Шеферъ съ Постниковымъ; Иванова съ Стояновымъ; Данцигера съ Берковичемъ; выборск. лѣсопилн. акц. общ. съ Шуккинымъ и др.; Исмаилова съ Приходченко; упр. имѣн. загр. монастыр. въ Бессарабіи съ Киперманомъ; Митрофанова, Петрова и др. съ Врангель-фонъ-Гюббенталя; Алексавили съ упр. завак. жел. дор.; виленск. окр. артилл. упр. съ Гурвичемъ; Писецкаго съ Градинскимъ; Вавельберга съ Маргуліесомъ; Недзвѣцкаго о продажѣ мельничной усадьбы; Стоновскаго съ Стоновскимъ; Зембржускаго и Арцишевскаго съ Непокійничкинымъ; Станкевича съ Карвовскимъ; горнопром. общ. „Сатурнъ“ съ Жарской.

Сѣздовья: Асауленко объ охранѣ имущества; Римана съ Дунаевымъ; Кирпловскаго съ Червоненкисомъ и Кирпловской; Кислякова съ Кузнецовымъ; Римана съ Кизлеромъ и Калена; Барапова съ общ. станицы Николаевской; Козловскаго съ Поляковымъ и Омельченко; Васильева съ общ. станицы Ермаковской; Ржевскаго съ Михайловымъ; опеки Прокопчука съ Церне и Авнерсомъ; Карикова съ шведско-датско-русс. телеф. акц. общ.; акц. общ. „Сормово“ съ Ковырзановымъ; кривянского ст. общ. съ Страданченковымъ; Прохоровой и др. съ Кузнецовой; Котляра съ нахич.-иа-Дону собр. служащ.; Шамратова съ Сайдашевымъ; Толстыхъ съ Айландъ; жаевымъ; Магида съ Казной; Филимоновой съ Мызниковой и Малышевымъ; Гончаровой съ Дьяконовымъ; Исаковой съ Горбачевымъ; Филепокъ съ Поповымъ; админ. по дѣламъ богословскаго горнозав. общ. съ Экаревымъ; Грубе съ Павловымъ; торг.-пром. бирж. артели съ Володичевымъ; Фатыги съ Потепами; Пржыца о раздѣлѣ наслѣдства послѣ В. Пржыца; Згоржелека съ Гильскимъ; упр. боруховской гмин. ссудо-сберег. кассы съ Мигень; Мазура съ Рыбневскимъ; Рейхмана съ Грузевскимъ и Сидовскимъ; фирмы „Гилле и Дитрихъ“ съ Круковскимъ; Топорекъ съ Сѣверской и Миштель о разд. насл. Мосновъ; Магера, Хайдаъ и др. о разд. наслѣд. М. Цыхаго; Райса съ Зейенгеромъ; Сулекъ о раз. наслѣд. послѣ В. Клодзая; Баеровскаго и Тарновской о разд. наслѣд. П. Баеровскаго; Павловскаго и Янковскихъ съ Босаномъ.

На 27-е марта, по 6 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Розенблюма и временн. синдиковъ не состоятъ. фирмы „Николай Розенблюмъ и К^о“; Жака, Пилихъ и Квятковской съ Хохомъ; Баха о распред. денегъ Я. К. Габнеманъ; Голи съ Бошикъ, наслѣдн. П. Валяшика и др.; Маеръ и др. съ Винны камень и Кацомъ; общ. Стараховицкихъ горныхъ завод. съ Заржецкимъ.

Сѣздовыя: Бродача съ Рекуцкими; Кацпражака съ Михальскими; Олендзкаго съ Чижиномъ и наслѣдн. Д. З. Зингера; Шанайцы Энзеля по иску Левковича къ Энзелю и др.; и Гольдбреннеру; Модскаго съ Радзиковской и другихъ; по иску М. Клейтмина къ Шанайцу Дубелецкаго о продажѣ движимаго имущ. оставшагося послѣ смерти Д. Дубелецкаго; Буевскаго съ Буевской; Гольдберга съ Чаплинскимъ; Пописа съ Флоріанчикомъ; Мрочковскаго съ Островскимъ; Пушкаря съ Карпинскимъ; Рорубина съ Броневскимъ; Добржанской, Кнауфъ и Майковской съ Шпехтомъ; Кухарскаго съ Штанге; Качорека съ Яржембекскимъ; Бартмана съ Гельбломъ; Каменскаго съ Зайделемъ; Турка съ Лычковской; упр. пароходства по рѣкѣ Вислѣ подъ фирмою М. Фаянсъ съ Баруномъ; прокураторіи отъ имени петроковской казенн. палаты по дѣлу Зиндермана къ Радомскому, Воллерштейну и др.; Вишневской съ Цвѣкомъ; Гаекъ съ Рогаль; Пржибыша и Ступковскаго съ Витверомъ и Гольцъ; Гельмана съ фирмою „Урви Героди и К^о“; акц. общ. горн. зав. Островецкихъ съ Барапомъ; Лихтенберга съ Ключковскимъ; Бенка съ Бенка; Поике съ Шрегеромъ и Дюсожемъ; Майтлеса съ Ржевускимъ.

На 27-е марта, по 5 отд. гражд. касс. деп.

Палатскія: Ивана Рукавишниковъ съ Рукавишниковыми и др.; упр.; ж. д. съ Александровыми; Тимашевыхъ съ Привесъ; юго-зап. ж. д. съ Гончаренко; юго-вост. ж. д. съ Садофьевымъ; Вантышъ съ Рышляковымъ и др.; моск.-киев.-ворон. ж. д. съ Ириной Солдатенко; администраціи по дѣламъ акц. общ. доменныхъ печей и фабр. съ торгов. дом. бр. Оганезовы.

Сѣздовыя: Розе съ имущ. умерш. Кокшарова (2 дѣла); Выташевскаго съ общ. стан. Ясеньской; упр. ж. д. съ Самуиловыми; Мандрохлѣбова съ Осначой; Ермакова съ наслѣдн. Сарандинаки; 2 спб. артели перевозчик. и переносч. съ Алиберомъ; Мандрохлѣбова съ Осначой; Ильинскаго съ Петровскимъ; Козловой съ Оборинымъ и Марьяшкинымъ Мошлясовъ съ Реформаторомъ; Четыркиной съ Когневымъ; Травина съ Ковдратьевой; Цельтнеровъ съ опекой Левинштейна; упр. ж. д. съ Финкенштейномъ; Алексѣевой съ Животовымъ; Ревенскаго съ Якименко; моск.-казанск. ж. д. съ Криновымъ; Кисловой съ Скворцовымъ; сѣв.-зап. ж. д. съ Мысковскимъ; Вержбовскаго съ Покровскимъ; Киселевскихъ свекло-сах. и рафин. зав. съ Анной Исаковой; Гусева съ Гомулинымъ; Ильиной съ Малаховской; Подобѣдова съ Мѣдвѣдовымъ; ковенской каз. пал. съ имущ. умерш. Бейлы Бакъ.

На 24-ое марта, по гр. касс. деп.

Палатскія: тайнаго совѣтника Д. А. Носенко съ общ. кр. с. Ситницы; Тихончуковъ съ Пошелюками; общ. ряз.-уральск. жел. дор. съ Антоновымъ; прокураторіи отъ имени упр. гос. имущ. варшавск. и др. губ. съ насл. Мазуркевича; Линденфельда и др. съ наслѣдн. I. и В. Сушицкими; гр. Шидловскаго съ гр. Шидловской; гл. опекуна С. Рошковской и др. по жалобѣ И. Паплавскаго на постановленіе семейнаго совѣта.

Сѣздовыя: Фонфары о раздѣлѣ наслѣдства послѣ I. Фонфары; Швейцера съ Вагнеромъ; Вася съ Михальскимъ; Бацевичъ о раздѣлѣ наслѣдства послѣ К. Бацевичъ.

На 22-е марта, по 1 экспед. судебн. деп.

Апелляц.: по искамъ: Діалегмено къ Браунштейну 2815 р. 25 к. съ проц. и по встрѣчному иску въ суммѣ 400 р.; Астафьева къ биржевой новогостинодворской артели 8000 р.; Оренбергера къ александровскому товариществу сахара. заводовъ 4194 р. и по встрѣчному иску 8321 р. 30 к.; торг. дома „И. В. Шукинъ съ с-ми“ къ ливв. комм. по дѣламъ спб. комп. „Надежда“ 18675 р. 21 к. съ проц.; Казакова къ админ. по д.д. Филиппова; по взаимнымъ искамъ конк. управл. по д.д. Андреевой и торг. дома „А. Циммеръ и А. Ковалевъ“.

Частныя: по жалобамъ на москов. комм. судъ: Дегтева; Федорова; пов. спб. общества взаимнаго кредита; Абрагама; Левина; по жалобамъ на спб. комм. судъ: Мелкаго; торг. дома „М. М. и М. и Х. Моносзонъ“; о продажѣ, залогѣ и перезалогѣ недвиж. имущ.: о разрѣшеніи совершить купчую крѣпость на запродаанный участокъ земли Шубертъ; Крыжановскихъ; Кайновыхъ; Дѣвкихъ; Лиханова; Колодія; Аникиныхъ; Задорнова; Ратковыхъ; Шабшаевичей; Усачевыхъ; Егоровыхъ; Солодая; Визгальниковыхъ; Гречановскаго; Селихова; Ковашевичей; Бершадскихъ; о разрѣшеніи дополн. ссуды подъ недвиж. имущ. Ступинныхъ; о разрѣшеніи продажи права насл. Павлова на половинную часть доли.

На 23-е марта, по 2 экспед. судебн. деп.

Апелляц.: по спору ипородцевъ закамской управы съ казаками Цакирскаго поселка о землѣ; о коштномъ межеваніи дачи помѣщиковъ Ястржембскихъ; по жалобѣ башкиръ Тельско-Кудейской дачи; по жалобѣ казаковъ Размахнинской станицы.

Частныя: объ отграниченіи кр.-скаго надѣла дер. Ильмовской; прошеніе Борховской; объ освѣд. Созоповича; прошеніе кн. Барятинскаго; о продажѣ и залогѣ имѣній: Запольскихъ; фонъ-Мевесъ; Нечаева; Жданова; Значко-Яворскаго; Герардъ; Перценштейнъ; Семеновыхъ (Фроловыхъ); Аман; Стояновыхъ; Герценштейнъ; Виноградова; объ освѣдѣт. умств. способ.: Дойникова; Алиева; Желѣзника; Окопишниковой; Павлова; Боброва; Некрасова; Чукарина; Золотарева; Ревдатъ; Апарина; Кочкиной; Накрониной; Горланова; Штромберга; Муравьевой; Быкова; Гржимала; Смирновой; Штейнбергъ; Рогова.

На 23-е марта, по апеллян. отд. угол. касс. деп.

По отзывамъ: Парушева одесск. с. п. 410 ст. ул.; Гайковскаго варшав. с. п. 3 п. 1034⁴ ст. ул. и 6 п. 129 ст. угол. ул.; Каклюгина новочеркасск. с. п. 384 356 ст. ул. о нак.

По протестамъ: товар. прок. тифлисск. с. п. по обв. Карабановича, товар. прок. иркутск. с. п. по обв. Валькова по 2 п. 457 и 2 ч. 341 и 410 ст. ул. о нак.

РЕЗОЛЮЦИИ.

11-го марта, по 1 отд. угол. касс. деп.

Отмѣнены приговоры: Яндакъ вез.-вейсеншт. м. с.; Мирчукова житомірс. м. с.; Бѣляевой ростовск. н/Д. м. с.; Рахмана и др. житомірс. м. с.; Бронштейна и др. житомірс. м. с.; Зѣдина риж.-вольмар. м. с.; Воллертъ астрахан. о. с.

11-го марта, по 4 отд. угол. касс. деп.

Отмѣнены приговоры: Неймана 2 варш. м. с.; Трембицкой 2 сѣдлецк. м. с.; Гембаржевскаго 1 варшавск. м. с.; Цвѣтъ 2 варшав. м. с.; Даміонайтиса 2 сувалкск. м. с.; Витковскаго 1 сѣдлецк. м. с.; Хрусельскаго варш. с. п. Мацѣевскихъ 1 варшав. м. с.

12-го марта, по 2 отд. угол. касс. деп.

Отмѣнены приговоры: Цвѣткова спб. о. с.; Желева одесск. гор. м. с.; Склеменюкъ минск. о. с.; Хросицкаго варш. с. п.; Червоного гайсинск. м. с.; Слободянюка житомірс. м. с.; Канончуковъ и др. чернигов. о. с.; Романовичъ-Славатинскаго кievск. о. с.

12-го марта, по 3 отд. угол. касс. деп.

Отмѣнены приговоры: Урбанкевича и др. тульск. о. с.; Кукка юр.-верроск. м. с.; Гейльмана рев.-гапсальск. м. с.; Ширяева р.-вольмар. м. с.; Озолина юр.-верроск. м. с.; Лагутина новочеркасск. о. с.; Митлашевскаго р.-вольмар. м. с.; Ильина кievск. с. п. Замятиной, епб. ст. м. с.; Безруковой моск. ст. м. с.; Бекерской епб. стол. м. с.; Заборова моск. ст. м. с.; Висневскаго таганрогск. м. с.; Рудневой харьков. м. с.

3-го марта, по 3 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: саратовск. упр. землед. и госуд. имущ. съ общ. кр. д. Нижней-Элюзани; кн. Юсуповой; Позднякова; русскаго страх. общ.; страх. общ. „Помощь“; варшавск. страх. общ.; казенныхъ ж. д. съ Карнауковыхъ.

Объявленіе резолюцій отложено: Эліата съ Добржинской; Урусовыхъ съ опекой Вибердова.

Исключено изъ доклада: Фуксмана.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Буханова; упр. жел. дор. съ Сининыхъ; Подольскаго.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: Машковскаго съ Эггольмъ.

Возвращены въ мпр. сѣздъ для поступленія по закону: Лихачева: торг. дом. „Э. Маіе и К^о“.

Исключено изъ доклада: русск. общ. парох. и торг.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

5-го марта, по 4 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: Кронгельмъ; общ. рязанско-уральск. жел. дор. съ Маусомъ, Качакинымъ, Ивановымъ; тов. рос.-америк. резинов. мануфакт. съ Булаковымъ; Еримова; комп. богородско-глухов. мануфакт. съ Лунчиковыми; общ. разан.-уральск. ж. д. съ Богачевымъ.

Исключены изъ доклада: общ. московско-виндав.-рыбинск. жел. дор. съ Безручными; русскаго паровозостроительнаго и механическаго общества съ Маркеловымъ; упр. жел. дор. съ Подобѣдомъ; Мельникова; Игоды; Афанасьева.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, жалобы оставлены безъ разсмотрѣнія: Дегтева съ Шмуклеровскимъ 2 дѣла.

6-го марта, по 5 отд. гр. касс. д-та.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ: отмѣнены рѣшенія: варшавскаго общества камен. и горнозаводск. промышл. съ Богинской и др.; Тоборекъ и др.

Исключены изъ доклада: ксендза Пясецкаго; Вавельберга; Недзвецкаго; Стоковскаго; Зембржускаго и Арцишевскаго; Станкевича; горнопромышл. общ. „Сатурнъ“.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Датынера; Альтера; Гецова; Штекеля; Наперая.

Исключены изъ доклада: Фатыга; Тржцына; Згор-желая; упр. боруховской гмино-ссудо-сберег. кассы; Мазура; фирмы Гилле и Дитрихъ; Топерекъ; Сѣверской и Мишталъ; Магера, Хайдасъ и др.; Райса; Сулекъ; Баеровскаго и Тарновской; Павловскаго и Янковскихъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

6-го марта, по 6 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: общ. моск.-казанск. ж. д. съ Курпиловой; Фукса.

Исключено изъ доклада: общ. рязанско-уральск. ж. д. съ Красильниковымъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: упр. жел. дор. съ Чертовымъ, Хайкинымъ, Передемъ, Лейбовичемъ, Порецкинымъ, Рубинштейномъ и др.; общ. юго-восточн. ж. д. съ Поповымъ, Дубровинымъ; упр. юго-зап. жел. дор. съ Александровымъ, Бернштейномъ; акц. общ. жирардовск. мануфакт. Гилле и Дитрихъ; Дронова.

Исключено изъ доклада: Маргуліева и Блюхмона съ варшавск.-вѣиск. ж. дор.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

9-го марта, по 1 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: упр. привислинской жел. дор. съ Маргуліесомъ; упр. моск.-курской ж. дор. съ Константиновымъ; общ. рязан.-уральск. ж. д. съ Обуховымъ; Глаголь; общ. юго-восточн. ж. д. съ Шеляпутовымъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: упр. сѣверн. ж. дор. съ Озолъ; упр. николаевской ж. д. съ общ. мѣдно-прокатнаго и трубочнаго завода б. Розенгранца; управл. риг.-орловск. ж. д. съ Басселемъ; упр. жел. дор. съ Лейбовичемъ и Коссовскимъ; Гуровича и Вакалинскаго; фирмы Леопъ Рапопортъ и К^о о 203 руб. 92 коп.; Крипскаго.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

9-го марта, по 2 отд. гр. касс. д-та.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнены рѣшенія: Масленникова; Рогинскихъ.

Жалоба оставлена безъ разсмотрѣнія: упр. по постройкѣ жел. дор. съ Каюшниковымъ.

Исключено изъ доклада: Ивана Рукавишника.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнено рѣшеніе: Мелкофдовой съ Сакаевымъ.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

10-го марта, по 3 отд. гр. касс. деп.

По жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, отмѣнено рѣшеніе: Захарьиной.

Исключены изъ доклада: Китросскаго; Болдыря; минскаго упр. земл. и госуд. им. съ Норейко; Чернышей; Воробьева.

Возвращено въ суд. пал. для поступленія по закону: казанскаго военнаго окр. съ казанскимъ спасо-преображ. монаст.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

По жалобамъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, отмѣнены рѣшенія: Копосевича; Федоровскихъ сахарн. заводовъ съ Пружицкой.

Исключены изъ доклада: Цисара; Соловьева; Заржицкой; Мпрохиныхъ; общ. кр. д. Новой.

По остальнымъ дѣламъ жалобы оставлены безъ послѣдствій.

Редакторъ-издатель профессоръ В. М. Гессенъ.
Отвѣтственный редакторъ І. Е. Фриде.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статьи и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Аминовъ, Або, жит. Андижана,	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 303.	Ново-маргеланск. о. с.
Бочаговъ, Иванъ Козмичъ.	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 302.	Екатеринбургск. о. с.
Ерофѣевъ, Архипъ, кр.	С. о. 18 март. № 22. Опек. надъ личн. и имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 107.	Земск. нач. 3 уч. вышневол. у.
Емельяновъ, Александръ Семеновъ, мѣщ.	С. о. 22 март. № 23. Опек. надъ личн. и имущ. по сумасшествію Р. VII, ст. 110.	Сиб. с. с.
Злыгостевъ, Александръ Ермолаевъ, куп.	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 299.	Омск. о. с.
Здорикъ, Федоръ Александровъ, мѣщ.	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 304.	Елисаветгр. о. с.
Ивановъ, Егоръ, кр. д. Вахрамѣева.	С. о. 2 март. № 19. Опек. надъ имущ. по безпутн. и расточит. жизни Р. VII, ст. 111.	Земск. нач. 2 уч. Вяземскаго у.
Култашевъ, Иванъ Николаевъ, дв.	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 305.	Елисаветградск. о. с.
Мухамедовъ, Сулейманъ-Изъ, сартъ.	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 296.	Ташкентск. о. с.
Рахманбаевъ, Абду Муталибъ Абду, сартъ.	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 297.	Ташкентск. о. с.
Русиновъ, Григорій Герасимовъ, мѣщ.	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 298.	Томск. о. с.
Рѣшитъко, Никита Яковлевъ, каз.	С. о. 22 март. № 23. Опек. надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 109.	Земск. нач. 2 уч. Зсньковск. у.
Суховъ, Михаилъ Ивановичъ, мѣщ.	С. о. 18 март. № 22. Опекунск. упр. надъ имущ. по негрязн. и расточит. образу жизни Р. VII, ст. 105.	Сычевск. с. с.
Спасскій, Василій Петровъ, отст. писарь, с. свящ.	С. о. 18 март. № 22. Опек. надъ имущ. по расточительн. и негрязн. образу жизни Р. VII, ст. 108.	Бѣлозерск. с. с.
Ховринъ, Александръ Ивановичъ, кр.	С. о. 18 март. № 22. Опек. надъ личн. и имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 106.	Земск. нач. 3 уч. Вышневол. у.
Хаимовы, Мурашъ, Симха и Шауль.	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 295.	Ташкентск. о. с.
Чекуновъ, Иванъ Яковлевъ, мѣщ.	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 300.	Омск. о. с.
Шкроевъ, Степанъ Григорьевъ, куп.		
Шкроева, Татьяна Николаева, жена куп. торг. подъ фирмою: «С. Г. Шкроевъ и К ^о »		
Экисъ, Петръ-Эдуардъ Давовъ.	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 301.	Рижск. о. с.
Ягудаевъ, Юнатаиъ.	С. о. 18 март. № 22. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 303.	Ново-Маргелан. о. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Анисимова, Анна Васильева, мѣщ.	С. о. 22 март. № 23. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1907 г. № 86, ст. 1035), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 70.	Спб. к. с.
Баскаковъ, Федоръ Васильевъ, б. куп.	С. о. 22 март. № 23. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1902 г. № 80), признан. неосторожн. Р. VIII, ст. 69.	Московск. к. с.
Бергеръ, Сигизмундъ Маврикіевъ, ум. куп.	С. о. 18 март. № 22. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1907 г. № 86), признан. неосторожн. Р. VIII, ст. 67.	Спб. к. с.
Логиновъ, Яковъ Логиновъ, подрядч. строит. работъ.	С. о. 18 март. № 22. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1907 г. № 23, ст. 228), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 63.	Спб. к. с.
Рейхардтъ, Робертъ, Карлъ-Альфредъ, куп.	С. о. 18 март. № 22. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1906 г. № 103), признан. неосторожн. Р. VIII, ст. 65.	Спб. к. с.
Теодориди, Феологъ Филипповъ, куп.	С. о. 18 март. № 22. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1907 г. № 23), признан. неосторожн. Р. VIII, ст. 66.	Спб. к. с.
Трофимовъ, Степанъ Константиновъ, кр. олопецк. губ., по пр. свид.	С. о. 18 март. № 22. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1907 г. № 27), признан. неосторожн. Р. VIII, ст. 68.	Спб. к. с.
Штейнманъ, Карлъ Андреевъ, швейц. подд.	С. о. 18 март. № 22. Прекращ. дѣло о несостоят. (первон. публ.—с. о. 1907 г. № 61), призн. неосторожн. Р. VIII, ст. 64.	Спб. к. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдава довѣренность.	Гдѣ и когда явлено. Статья и номеръ сего объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Булгаковымъ, Анатолиемъ Николаевымъ, студ. университет. совместно съ Еленой Михайловой Булгаковой, вѣд. чиновн. и Александромъ Николаевымъ Булгаковымъ, сын. губ. секр.	Булгакову, Николаю Николаеву, кол. секр.	С. о. 18 март. № 22. У спб. нот. Гугеля, 16 апр. 1903 г. № 154. Р. IV, ст. 78.	Спб. о. с.
Гольманъ, Вѣрою Владиміровою, доч. ген. м. въ отст.	Щавинскому, Альфонсу Густавову, подполк. въ зап.	С. о. 18 март. № 22. У спб. нот. Катеринича, 13 іюня 1907 г. № 3109. Р. IV, ст. 68.	Спб. о. с.
Гельтъ, Вильгельминою Самойловой, и Бокъ, Екатериною и Елизаветою Іоанновыми Самойловыми.	Штромбергъ, бар., Владиміру Эрнстову.	С. о. 18 март. № 22. У спб. нот. Ивашкевича, 13 мая 1909 г. № 3130. Р. IV, ст. 73.	Спб. о. с.
Дерфельденъ-фонъ, Ольгою Владиміровою, жен. г.-м.	Халилецкому, Хрисанфу Петрову, полковн.	С. о. 18 март. № 22. У спб. нотар. Ивашкевича, 28 апрѣля 1908 г. № 3061. Р. IV, ст. 75.	Спб. о. с.
Кабановою, Вассой Федоровою.	Шеповальскому, прис. повѣр.	С. о. 18 март. № 22. У спб. нот. Сахаръ, 23 сентяб. 1906 г. № 8824. Р. IV, ст. 74.	Спб. о. с.
Собко, Стратономъ Лукчиновымъ, кр.	Собко, Захарію Васильеву, кр.	С. о. 18 март. № 22. У джанкойск. нот. Главинскаго, 19 іюня 1908 г. № 755. Р. IV, ст. 77.	Симфероп. о. с.

П Р А В О.

Хархаровымъ, Александромъ Косминимъ, слб. ремеслен.	Аронсону, Григорію Семе- нову, прис. пов.	С. о. 18 март. № 22. У слб. нот. Забѣльскаго, 30 окт. 1906 г. № 9341. Р. IV, ст. 69.	Слб. о. с.
Хархаровымъ, Александромъ Косминимъ, слб. ремеслен.	Аронсону, Григорію Семе- нову, прис. пов.	С. о. 18 март. № 22. У слб. нот. Забѣльскаго, 28 окт. 1902 г. № 5249. Р. IV, ст. 70.	Слб. о. с.
Хархаровымъ, Александромъ Косминимъ, слб. ремеслен.	Аронсону, Григорію Семе- нову, прис. пов.	С. о. 18 март. № 22. У слб. нот. Забѣльскаго, 7 марта 1907 г. № 2720. Р. IV, ст. 71.	Слб. о. с.
Хархаровымъ, Александромъ Косминимъ, слб. ремеслен.	Аронсону, Григорію Семе- нову, прис. пов.	С. о. 18 март. № 22. У слб. нот. Забѣльскаго, 21 апр. 1904 г. № 3365. Р. IV, ст. 72.	Слб. о. с.
Харитоновой, Акулиной Пет- ровой, жен. слб. ремеслен.	Харитонову, Василю Антонову.	С. о. 18 март. № 22. У чернен. нот. Панкратова-Воротилина, 24 іюля 1905 г. № 235. Р. IV, ст. 76.	Слб. о. с.

